

А

Российская академия наук
Российская академия образования
Издательство «Просвещение»

А

Российская академия наук
Российская академия образования
Издательство «Просвещение»

Учебно-методический комплект по литературе для 7 класса под редакцией В. Г. Маранцмана состоит из следующих изданий:

- Программы общеобразовательных учреждений. Программа литературного образования. 5 – 9 классы. Под редакцией **В. Г. Маранцмана**
- Литература. 7 класс. Учебник для общеобразовательных организаций. В 2 ч. Под редакцией **В. Г. Маранцмана**
- Литература. Методические рекомендации. 7 класс. Под редакцией **В. Г. Маранцмана**
- **Читатель и время. Рабочая книга по литературе. 7 класс. Под редакцией В. Г. Маранцмана** (размещение на сайте <http://www.prosv.ru>)

Читатель и время

7

Читатель и время

Рабочая книга по литературе

ПРОСВЕЩЕНИЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО

ПРОСВЕЩЕНИЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО

7 класс

Российская академия наук
Российская академия образования
Издательство «Просвещение»

Читатель и время

*Рабочая книга
по литературе*

7 *класс*

Пособие для учащихся
общеобразовательных организаций

Под редакцией
члена-корреспондента РАО
В. Г. Маранцмана

Москва
«ПРОСВЕЩЕНИЕ»
2014

УДК 373.167.1:82.09
ББК 83я72
Ч-69

10+

Серия «Академический школьный учебник»
основана в 2005 году

Проект «Российская академия наук,
Российская академия образования,
издательство «Просвещение» — российской школе»

Руководители проекта:
вице-президент РАН акад. **В. В. Козлов**,
президент РАО акад. **Н. Д. Никандров**,
чл.-корр. РАО, д-р пед. наук **А. М. Кондаков**

Научные редакторы серии:
акад. РАО, д-р пед. наук **А. А. Кузнецов**,
акад. РАО, д-р пед. наук **М. В. Рыжаков**,
д-р экон. наук **С. В. Сидоренко**

Линия учебно-методических комплектов
под редакцией чл.-корр. РАО, д-ра пед. наук
В. Г. Маранцмана

Авторы-составители:
В. Г. Маранцман, Е. К. Маранцман, С. А. Никифорова,
Н. А. Мамина, О. Д. Полонская, Л. В. Гурвиц

Читатель и время. Рабочая книга по литературе.
Ч-69 7 класс: пособие для учащихся общеобразовательных
организаций/[авт.-сост. В. Г. Маранцман и др.]; под ред.
В. Г. Маранцмана; Рос. акад. наук, Рос. акад. образо-
вания, изд-во «Просвещение». — М. : Просвещение,
2014. — 160 с. — (Академический школьный учеб-
ник). — ISBN 978-5-09-032773-2

Рабочая книга входит в учебно-методический комплект по
литературе для 7 класса под редакцией В. Г. Маранцмана и издается
в серии «Академический школьный учебник». Она предназначена
для расширения круга чтения семиклассников, для углубления их
представлений о развитии мировой литературы, о специфике
литературы как искусства слова, для выявления и реализации их
творческих способностей. Художественные произведения, историко-
культурные сведения, вопросы и задания, включенные в эту книгу,
способствуют осмыслению учащимися основной проблемы курса
литературы 7 класса — поиска смысла жизни.

УДК 373.167.1:82.09
ББК 83я72

ISBN 978-5-09-032773-2

© Издательство «Просвещение», 2014
© Художественное оформление.
Издательство «Просвещение», 2014
Все права защищены

Введение

«Читатели! Юноши, мужчины, женщины! Если под вашей шкуркой бьется чувствительное сердце, если в вас живет тяга к добродетели, если вам дороги сладостные узы, которыми опутывает нас природа, то вы поймете и полюбите меня!»

Вы, наши уже вполне взрослые читатели, наверное, удивились, что эта книга начинается с прямой речи какого-то кота. Мы утверждаем, что это подлинные слова главного персонажа книжки, которую вы только что открыли. Откуда мы это знаем? Да просто это цитата из очень известного произведения великого немецкого писателя Э. Т. А. Гофмана «Житейские воззрения кота Мурра». Вы с детства знаете сказку Гофмана «Щелкунчик и мышиный король». У этого автора много удивительных книг. Одна из них про кота Мурра. Он и будет главным героем нашей книги. Но не только кот Мурр пришел в нашу книгу из книги Гофмана «Житейские воззрения кота Мурра»: в новых приключениях на страницах этой книги его сопровождают и другие герои книги Гофмана — Иоганнес Крейслер и маэстро Абрагам. Но мы не будем пересказывать вам ее сюжет. Можно просто почитать книжку. А если не окажется ее ни дома, ни в библиотеке, то эту книгу легко можно найти в Интернете. Кот Мурр часто будет указывать вам кратчайший путь к знаниям во Всемирной паутине — в Интернете. Так что следите за значками, где нарисован кот Мурр.

Соавторы и издатели.

Моему новому хозяину, Иоганнесу Крейслеру, впервые показал меня мой благодетель, маэстро Абрагам. Это было так:

«Маэстро Абрагам отворил дверь. За нею на соломенной циновке, свернувшись калачиком, спал кот, которого действительно можно было назвать чудом кошачьей красоты. Черные и серые полосы сбегали по спине и, соединяясь на макушке, между ушами, переплетались на лбу в самые замысловатые иероглифы. Таким же полосатым был и пышный хвост, необыкновенной длины и толщины. Притом

пестрая шкура кота так блестела и лоснилась на солнце, что между черными и серыми полосами выделялись еще узкие золотистые стрелки.

— Мурр... Мурр... — позвал его маэстро Абрагам.

— Мрр... Мрр... — весьма явственно отозвался кот, встал, потянулся, великолепной дугой выгнув спину и раскрыв сверкающие глаза цвета свежей травы, в которых светились ум и сметливость. Так, по крайней мере, уверял маэстро Абрагам, да и Крейслер вынужден был согласиться, что замечает в лице кота какое-то особенное, незаурядное выражение, что голова у него достаточно объемиста для вмещения наук, а длинные, седые, несмотря на молодые годы, усы придают ему внушительный вид, достойный греческого мудреца».

— Я хорош, не правда ли?

Как? Вам незнакомы два почтенных мужа — маэстро Абрагам и Иоганнес Крейслер?! Чего только не приходится ожидать от современного юношества!

Но, может быть, по крайней мере вам известен мой уважаемый издатель Эрнест Теодор Амадей Гофман? Это он опубликовал мою первую книгу «Житейские воззрения кота Мурра». Она прославил меня в веках! И мне стали приходить письма от читателей. Вот одно из последних, которое заставило меня вновь взять в лапу перо. Девочка писала о самом счастливом и самом печальном событии своей жизни. Я позволю себе прочесть вам фрагмент письма:

«Самое радостное событие, наверное, то, когда я родилась. Потому что мне, можно сказать, повезло в жизни. Иногда я думаю: „А если бы я не родилась? У меня тогда не было бы того, что у меня сейчас есть“. Например, моих родителей, которые меня очень любят, и я их тоже люблю. Не было бы сестры и брата, которые меня тоже очень любят, и я их тоже очень люблю. Конечно, мы ссоримся, но это бывает у всех. Поэтому я радуюсь тому, что я появилась на свет.

Самое печальное событие произошло тогда, когда мне было 8 или 7 лет. У меня умер дедушка, папа моего папы. Я очень сильно плакала. Даже плакала тогда, когда проснулась на следующее утро. Он умер от болезни. Точно не знаю какой. Он ничего не помнил. Только в больнице вспомнил моего маленького брата. Моя бабушка плакала.

Я всегда его вспоминаю. И когда он умер, было мое самое печальное событие в детстве».

Я был потрясен. Нет, ошеломлен. Вновь, спустя много лет после опубликования моего шедевра «Житейские воззрения кота Мурра», я задумался над вопросами:

**В чем смысл жизни?
Как найти его?
Где он скрыт от людей и от котов?**

Представляю вам мое новое творение. Я пригласил и других, менее известных, чем я, писателей принять участие в этом труде: А. С. Пушкина, В. Шекспира, И. С. Тургенева... Кстати, не только писатели, но и художники, режиссеры и музыканты будут размышлять с нами.

И между прочим, памятуя о том, как немилосердно сократил мои записки уважаемый редактор (это возмутительно!), я тоже урежу тексты своих авторов. Фрагменты, фрагменты и фрагментики. В этой книге главный — я!

Ну и, может быть, еще вы. Ваши письма и размышления я буду публиковать целиком. Я там оставил место для вас, читатели. На «макулатурных листах» — на листах для литературного творчества. Советую вам использовать их для написания ваших творческих работ, просто для записей мудрых мыслей — своих или чужих — это уже все равно. Если вы мысль увидели, услышали, поняли и приняли, так, значит, она ваша. В результате такой работы у вас накопится целый творческий портфель.

Мой друг, кот Фосс, с которым вы, вероятно, уже познакомились, учась в 5 и 6 классах (напоминаю вам, что это тоже очень известный кот, он жил долгие годы у замечательного английского писателя Эдварда Лира), ходил по книжке «Читатель и время» с саквояжем, в который собирал все читательские отзывы на прочитанные произведения, я же призываю вас к самостоятельности. Сделайте свой *портфолио* — как красиво звучит! Найдите точное значение этого слова в словаре, не поленитесь! А, в сущности, это просто: соберите свои творческие работы в особую папку. Можно кратко написать их в этой книге в свитке после каждой главы, можно и развернуть свои мысли: в отдельных тетрадах подробно опишите ваши впечатления от прочитанного, увиденного, услышанного. Обсудите с друзьями прочитанные произведения. Изучите их мысли, и пусть они осмыслят ваши идеи. Ну, я уже говорил, что надо делать дальше. Может быть, вы захотите что-то из ваших работ прислать мне. Буду рад помочь вам разобраться в себе.

Удачи вам в поисках смысла жизни!

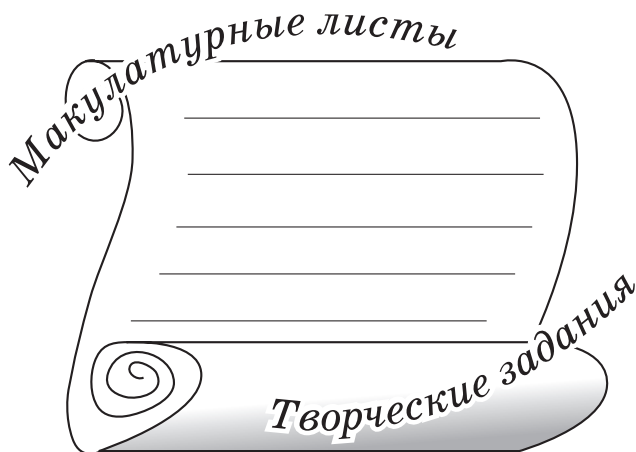
От соавторов и издателей

Уважаемые читатели! Кот совершенно бесцеремонно занял место для нашего предисловия. Мы просим простить его. Не доверяйте его репликам, кот — хитрец и великий плагиатор (это тот, кто заимствует чужие идеи). Прежде всего мы должны сказать, что он почти ничего нового не написал в этой книге. Большая часть текстов кота, почти все, взята им из произведения «Житейские воззрения кота Мурра», написанного Э. Т. А. Гофманом от имени кота Мурра. Мы решили облегчить вам задачу, наши дорогие читатели, и взяли в кавычки те слова, которые Мурр заимствовал из этого романа.

Просим простить его также за несколько пренебрежительное название творческих страниц «макулатурными листами». Дело в том, что в «Житейских воззрениях кота Мурра» кот называет так страницы, рассказывающие о жизни Иоганнеса Крейсlera, которые почему-то иногда прерывают кошачье повествование. Мы со своей стороны назвали их «творческими заданиями». Впрочем, уважаемые читатели могут избрать любой вариант по своему усмотрению. Вы можете вписать на эти страницы свои мысли, или, как в книге «Читатель и время» для 5—6 классов, написать на них понравившиеся вам произведения, или выписать на них яркие изречения, — словом, все то, что вас затронуло.

Все же остальное в книге — настоящее: задания, авторь, рассказы о писателях и читательские письма.

А какие же книги нам нужно читать? Ответ на этот вопрос знает поэт и актер Владимир Высоцкий.

Какие книги нужны?

Владимир Высоцкий

Владимир Семенович Высоцкий родился 25 января 1938 года в Москве. Его мать Н. М. Высоцкая была переводчиком, отец Семен Владимирович — военным связистом. Свою первую песню «Татуировка» В. Высоцкий написал в июле 1961 года. В 1967 году выходит кинофильм «Вертикаль» (режиссеры С. Говорухин и Б. Дуров) с Высоцким в роли радиста Володи, где впервые с экрана звучат его песни.

В. С. Высоцкий — знаменитый киноактер. Его фильмы «Интервенция» (режиссер Г. Полока), «Служили два товарища» (режиссер Е. Карелов), «Опасные гастроли» (режиссер Г. Юнгвальд-Хилькевич), «Хозяин тайги» (режиссер В. Назаров), «Плохой хороший человек» (режиссер И. Хейфиц), «Сказ про то, как царь Петр арапа женил» (режиссер А. Митта) снискали всенародную любовь. В. Высоцкому посмертно присуждена Государственная премия СССР за создание образа Жеглова в художественном фильме «Место встречи изменить нельзя». В январе 1980 года была сделана единственная передача о Высоцком на телевидении (она была впервые показана в 1988 году). Умер В. Высоцкий 25 июля 1980 года в Москве.

Песню В. Высоцкого «Баллада о борьбе» вы можете послушать в Интернете.

Баллада о борьбе

Средь оплывших свечей и вечерних молитв,
Средь военных трофеев и мирных костров
Жили книжные дети, не знавшие битв,
Изнывая от мелких своих катастроф.

Детям вечно досаден
Их возраст и быт —
И дрались мы до ссадин,
До смертных обид.
Но одежды латали
Нам матери в срок,
Мы же книги глотали,
Пьянея от строк.

Липли волосы нам на вспотевшие лбы,
И сосало под ложечкой сладко от фраз.
И кружил наши головы запах борьбы,
Со страниц пожелтевших слетая на нас.

И пытались постичь —
Мы, не знавшие войн,
За воинственный клич
Принимавшие вой, —
Тайну слова «приказ»,
Назначенье границ,
Смысл атаки и лязг
Боевых колесниц.

А в кипящих котлах прежних боен и смут
Столько пищи для маленьких наших мозгов!
Мы на роли предателей, трусов, иуд
В детских играх своих назначали врагов.

И злодея следам
Не давали остыть,
И прекраснейших дам
Обещали любить;
И, друзей успокоив
И ближних любя,
Мы на роли героев
Вводили себя.

Только в грезы нельзя насовсем убежать:
Краткий век у забав — столько боли вокруг!
Попытайся ладони у мертвых разжать
И оружие принять из натруженных рук.

Испытай, завладев
Еще теплым мечом
И доспехи надев, —
Что почем, что почем!
Разберись, кто ты — трус
Иль избранник судьбы,
И попробуй на вкус
Настоящей борьбы.

И когда рядом рухнет израненный друг
И над первой потерей ты взвоешь, скорбя,
И когда ты без кожи останешься вдруг
Оттого, что убили — его, не тебя, —

Ты поймешь, что узнал,
Отличил, отыскал
По оскалу забрал —

Это смерти оскал! —
Ложь и зло, — погляди,
Как их лица грубы,
И всегда позади —
Воронье и гробы!

Если мяса с ножа
Ты не ел ни куска,
Если руки сложа
Наблюдал свысока,
А в борьбу не вступил
С подлецом, палачом —
Значит, в жизни ты был
Ни при чем, ни при чем!

Если путь прорубая отцовским мечом,
Ты соленые слезы на ус намотал,
Если в жарком бою испытал, что почем, —
Значит, нужные книги ты в детстве читал!

1975

Вопросы для размышления

1. В какой момент вам хотелось бы быть рядом с героем песни?
2. Что изменилось в характере героя? Какая черта не меняется?
3. Почему руки погибших поэт называет *натруженными*?
4. Когда и почему *мы* в балладе изменяется на *ты*?
5. Почему В. Высоцкий назвал свою песню «Баллада о борьбе»?
6. За что борется автор песни?
7. Как изменяются голос исполнителя и музыка баллады по мере развития сюжета?
8. Какие из прочитанных книг вы считаете *нужными*?

Вы, наверное, удивились, что я начал поиск смысла жизни с этого произведения: ведь в нем нет даже слов об этом. Чего доброго, вы заподозрите меня в непоследовательности и небрежности. Но я-то знаю, что всякое истинное размышление о важных вещах должно начинаться с книги, причем *нужной*. Каждому нужна своя книга...

Что в памяти человечества остается дольше всего? Наверное, что-то по-настоящему важное. Может быть, там можно найти и смысл жизни?

Английские народные баллады

Украшением английской поэзии Средневековья по праву считаются английские народные баллады. Само слово *баллада* происходит от итальянского *Ballare* — танцевать, плясать.

Баллада родилась как хоровая песня, сопровождающая танец. Позднее балладой стали называть небольшое стихотворение, в основе которого лежит какой-нибудь необычный случай. Сюжет баллады легко пересказать. В непосредственной художественной форме в балладах передаются события, волновавшие каждого средневекового человека: и тонкого ценителя искусства слова, и того, кто не умел читать. Баллады рассказывают о том, что всегда волновало человечество: о войне, о подвигах, о любви, о борьбе за человеческое достоинство. И в самом повествовании проявляются яркие качества людей, непосредственных в любви и в ненависти.

В Средневековье любимым героем англичан слыл хороший стрелок — Робин Гуд. Герой народных баллад настолько популярен в Англии, что стал непременным участником народных праздников начала мая. Сохранилось около 40 баллад о знаменитом благородном разбойнике и его «зеленых стрелках». Первые из них возникли в XII—XIII веках, а записаны баллады были в XV веке. Позднее из отдельных песен сложилась целая поэма в восьми частях. Обаяние образа благородного разбойника позволило ему не только оставаться любимцем англичан на протяжении многих веков, но и стать нашим современником — героем легенд, баллад и кинофильмов.

Вопросы для размышления

1. Робин Гуд, как и многие в Средневековье, носит «говорящее имя». *Робин (Robin)* — уменьшительное от *Роберт* (из древнескандинавского) — яркая+слава; *Гуд (Hood)* (из староанглийского) — хороший+капюшон. Что говорит о судьбе героя его имя?
2. Найдите в библиотеке книгу баллад о Робин Гуде. Самостоятельно прочитайте две баллады, в которых рассказано о происхож-

- дении Робин Гуда. «Рождение Робин Гуда» более поздняя баллада. Чем объяснить разницу в рассказах? К чему обязывают героя обе версии?
3. В балладе «Рождение Робин Гуда» найдите детали описания чащи, леса: предмет, цвет, звук. Какое значение будет иметь лес в балладах о Робин Гуде?
  4. Упомянутая в статье поэма в восьми частях называлась «A Lytell Geste of Robin Hood». Жеста — песня о подвигах, например «Песнь о Роланде». Каких подвигов вы ждете от героя жесты? Оправдывает ли ваши ожидания Робин Гуд? Дайте свой вариант перевода названия поэмы.
  5. Самостоятельно прочитайте балладу «Робин Гуд молится Богу». Можно ли назвать подвигом то, что совершает в балладе Робин Гуд? С кем враждует Робин Гуд и над кем смеется?
  6. Прочитайте балладу «Робин Гуд спасает троих стрелков». Какая черта характера Робин Гуда оказалась для вас неожиданной? Прочитайте приведенный ниже фрагмент баллады в оригинале и в разных переводах. Найдите в английском тексте эпитеты, переведите их с помощью словаря. Почему никто из русских переводчиков не включил их в тексты переводов?

* * *

“O what have they done?” said bold Robin Hood,
“I pray thee tell to me:”

“It’s for slaying of the king’s fallow deer,
Bearing their long bows with thee.”

“Dost thou not mind, old woman,” he said,
Since thou made me sup and dine?

“By the truth of my body,” quoth bold Robin Hood
“You could not tell it in better time.”

* * *

«За что же слуги короля
На казнь их поведут?» —
«Они охотились в лесу
С тобою, Робин Гуд».

«Клянусь, — воскликнул Робин Гуд, —
Ты рано плачешь, мать!
Но видит Бог, что я бы мог
Навеки опоздать!»

Перевод И. Ивановского

* * *

— Нет, сударь, они не виновны ни в чем.
— За что же их карает суд?
— За то, что они королевскую лань
Убили с тобой, Робин Гуд.

— Я помню тебя и твоих сыновей.
Давно я пред ними в долгу.
Клянусь головою, — сказал Робин Гуд, —
Тебе я в беде помогу!

Перевод С. Маршака

* * *

«За что же злой шериф
Их на смерть осудил?»
— «С оленем встретились в лесу.
Лес королевский был».

«Однажды я в твоём доме
Поел, как сам король.
Не плачь, старуха! Дорога
Мне старая хлеб-соль».

Перевод М. Цветаевой

7. Самостоятельно прочитайте балладу «Робин Гуд и Алан-Э-Деил». Какие ценности защищает Робин Гуд? Предложите, как можно закончить строфу с пропущенными строчками, изложив точку зрения Робин Гуда на события баллады.
8. Запишите в толковый словарик краткую статью «Друзья и враги Робин Гуда» на основании самостоятельно прочитанных баллад.
9. Непобедим ли Робин Гуд? Можно ли его убить в честном бою? Прочитайте самостоятельно балладу «Смерть Робин Гуда». Какие духовные ценности отстаивает герой перед смертью?
10. Можно ли считать Робин Гуда национальным героем Англии? Чем он отличается от других известных вам национальных героев?
11. Робин Гуд перешагнул пределы не только своей страны, но и своего времени. В. С. Высоцкий, поэт второй половины XX века, написал баллады к фильму «Стрелы Робин Гуда», одна из них — «Баллада о вольных стрелках». Прочитайте ее и подумайте, чем интересен Высоцкому средневековый герой Робин Гуд.

Владимир Высоцкий Баллада о вольных стрелках

Если рыщут за твоею
Непокорной головой,
Чтоб петлей худую шею
Сделать более худой, —
Нет надежнее приюта:
Скройся в лес — не пропадешь, —

Если продан ты кому-то
С потрохами ни за грош.

Бедняки и бедолаги,
Презирая жизнь слуги,
И бездомные бродяги,
У кого одни долги, —
Все, кто загнан, неприкаян,
В этот вольный лес бегут, —
Потому что здесь хозяин —
Славный парень Робин Гуд!

Здесь с полслова понимают,
Не боятся острых слов,
Здесь с почетом принимают
Оторви-сорви-голов.
И скрываются до срока
Даже рыцари в лесах:
Кто без страха и упрека —
Тот всегда не при деньгах!

Знают все оленьи тропы,
Словно линии руки,
В прошлом — слуги и холопы,
Ныне — вольные стрелки.
Здесь того, кто все теряет,
Защитят и сберегут:
По лесной стране гуляет
Славный парень Робин Гуд!

И живут да поживают
Всем запретам вопреки
И ничуть не унывают
Эти вольные стрелки, —
Спят, укрывшись звездным небом,
Мох под ребра положив, —
Им, какой бы холод ни был —
Жив, и славно, если жив!

Но вздыхают от разлуки —
Где-то дом и клочок земли —
Да поглаживают луки,
Чтоб в бою не подвели,
И стрелков не сыщешь лучших!..
Что же завтра, где их ждут —
Скажет первый в мире лучник
Славный парень Робин Гуд!

1975

Литературное творчество

Традиции баллады

Напишите сочинение «Бессмертие Робин Гуда» или составьте сценарий видеоклипа к песне В. С. Высоцкого «Баллада о вольных стрелках». Используйте в качестве эпиграфа английскую поговорку «To Overshoot Robin Good», самостоятельно выполнив ее перевод на русский язык.

Дорога поисков привела нас к пониманию необходимости борьбы за то, что считаешь самым дорогим и нужным. Может быть, на этой дороге мы обретем СМЫСЛ ЖИЗНИ?

Подумайте, всякая ли война остается в памяти народа на века. А помогут вам в этом произведения на военную тему, фрагменты которых я собрал, а также вопросы и задания к ним.

I раздел

Войны и воины

Гомер

Мериме

Платонов

Лавренёв

Ахматова

Троянская война и ее герои

Гомер

Гомер — легендарный греческий аэд (певец), которому приписывают авторство двух великих поэм «Илиада» и «Одиссея». Поэмы были созданы в I тысячелетии до н. э. в Древней Греции. Лишенный зрения, Гомер часто сидел на берегу моря и, слушая мерный шепот волн, сочинял свои великие поэмы.

Шум моря и подсказал Гомеру удивительный поэтический размер — *гекзаметр*. Это шестистопный размер с чередованием ударений. Если вы напишете схему первых двух строк поэмы, вы увидите, что строка похожа на волну, как на картинке. Эта схема похожа и на знаменитый меандр — орнамент, украшавший греческие храмы. Такое совпадение не случайно: единство культуры проявляется во всех видах искусств. Чтение Гомера не только развлечение, но и читательский труд. Желаем вам успеха, потому что тогда вы почувствуете глубокую радость общения с искусством.

Илиада

Перевод Н. И. Гнедича

(Фрагменты)

Песнь первая. Язва, гнев

Жнев, богиня, воспой Ахиллеса, Пелеева сына,
Грозный, который ахеянам тысячи бедствий соделал:
Многие души могучие славных героев низринул
В мрачный Аид и самих распростер их в корысть
плотоядным
5 Птицам окрестным и псам (совершалася Зевсова воля),
С оного дня, как, воздвигшие спор, воспылали
враждою
Пастырь народов Атрид и герой Ахиллес благородный.
Кто ж от богов бессмертных подвиг их к враждебному
спору?
Сын громовержца и Леты — Феб, царем
прогневленный,

- 10 Язву на воинство злую навел; погибали народы
 В казнь, что Атрид обесчестил жреца непорочного
Хриса.
 Старец, он приходил к кораблям быстролетным
ахейским
 Пленную дочь искупить и, принеши бесчисленный
выкуп
- 15 И держа в руках, на жезле золотом, Аполлонов
 Красный венец, умолял убедительно всех он ахеян,
 Паче ж Атридов могучих, строителей рати ахейской:
 «Чада Атрея и пышнопоножные мужи ахеицы!
 О! Да помогут вам боги, имущие дома в Олимпе,
 Град Приамов разрушить и счастливо в дом
возвратиться;
 Вы ж свободите мне милую дочь и выкуп примите,
 Чествуя Зевсова сына, далеко разящего Феба».
- Все изъявили согласие криком всеобщим ахеицы
 Честь жрецу оказать и принять блистательный выкуп;
 Только царя Агамемнона было то не любо сердцу;
 Гордо жреца отослал и прирек ему грозное слово:
 «Старец, чтоб я никогда тебя не видал пред судами!
 Здесь и теперь ты не медли и впредь не дерзай
показаться!
 Или тебя не избавит ни скиптр, ни венец Аполлона.
 Деве свободы не дам я; она обещает в неволе,
 В Аргосе, в нашем дому, от тебя, от отчизны
далече —
 Ткальный стан обходя или ложе со мной разделяя.
 Прочь удались и меня ты не гневай, да здрав
возвратишься!»
- .....
- Калхасу первому, смотря свирепо, вещал Агамемнон:
 «Бед предвещатель, приятного ты никогда не сказал
мне!
- Радостно, верно, тебе человекам беды лишь
пророчить;
 Доброго слова еще ни измолвил ты нам, ни исполнил.
 Се, и теперь ты для нас как глагол проповедуешь бога,
 Будто народу беды дальномечущий Феб устроит,
 Мстя, что блестящих даров за свободу принять
Хрисеиды
 Я не хотел; но в душе я желал черноокою деву
 В дом мой ввести; предпочел бы ее и самой
Клитемнестре,
 Деву взятой в супруги; ее Хрисеида не хуже
 Прелестью вида, приятством своим, и умом, и
делами!

- Но соглашаюсь, ее возвращаю, коль требует польза:
 Лучше хочу я спасение видеть, чем гибель народа.
 Вы ж мне в сей день замените награду, да в стане
 аргивском
- 120 Я без награды один не останусь: позорно б то было;
 Вы же то видите все — от меня отходит награда».
- Грозно взглянув на него, отвечал Ахиллес
 быстроногий:
 «Царь, облеченный бесстыдством, коварный душою
 мздолюбец!
- 150 Кто из ахеев захочет твои повеления слушать?
 Кто иль поход совершит, иль с враждебными храбро
 сразится?
 Я за себя ли пришел, чтоб троян, укорителей коней,
 Здесь воевать? Предо мною ни в чем не виновны
 трояне:
 Муж их ни коней моих, ни тельцов никогда не
 похитил;
 В счастливой Фтии моей, многолюдной, плодами
 обильной,
 Нив никогда не топтал; беспредельные нас разделяют
 Горы, покрытые лесом, и шумные волны морские.
 Нет, за тебя мы пришли, веселим мы тебя, на троянах
 Чести ища Менелаю, тебе, человек псообразный!
 Ты же, бесстыдный, считаешь ничем то и все
 презираешь,
 Ты угрожаешь и мне, что мою ты награду похитишь,
 Подвигов тягостных мзду, драгоценнейший дар мне
 ахеев?..
- Но с тобой никогда не имею награды я равной,
 Если троянский цветущий ахеев град разгромляют.
 Нет, несмотря, что тягчайшее бремя томительной
 брани
- Руки мои подымают, всегда, как раздел наступает,
 Дар богатейший тебе, а я и с малым, приятным
 В стан не ропща возвращаюсь, когда истомлен
 ратоборством.
- 170 Ныне во Фтию иду: для меня несравненно приятней
 В дом возвратиться на быстрых судах; посрамленный
 тобою,
 Я не намерен тебе умножать здесь добыч и
 сокровищ».
- Быстро воскликнул к нему повелитель мужей
 Агамемнон:
 «Что же, беги, если бегства ты жаждешь!
 Тебя не прошу я
 Ради меня оставаться; останутся здесь и другие;

Вновь не прозябнет, — на нем изощренная медь
 обнажила
 Листья и кору, — и ныне который ахейские мужи
 Носят в руках судии, уставов Зевесовых стражи, —
 Скипетр сей тебе пред ахейцами будет великою
 клятвой:
 Время придет, как данаев сыны пожелают Пелида.
 Все до последнего; ты ж, и крушася,
 бессилен им будешь
 Помощь подать, как толпы их от Гектора
 мужеубийцы
 Свергнутся в прах; и душой ты своей истерзаешься,
 бешен
 Сам на себя, что ахейца храбрейшего так обесславил».

Так произнес, и на землю стремительно скипетр он
 бросил,
 Вкруг золотыми гвоздями блестящий,
 и сел меж царями.
 Против Атрид Агамемнон свирепствовал сидя.<...>

Он, призвав пред лицо Талфибия и с ним Эврибата,
 Верных клеветов и вестников, так заповедовал,
 гневный:
 «Шествуйте, верные вестники, в сень Ахиллеса Пелида;
 За руки взяв, пред меня Брисеиду немедля представьте:
 Если же он не отдаст, возвратитесь — сам я исторгну:
 С силой к нему я приду, и преслушному горестней
 будет».

Так произнес и послал, заповедавши грозное слово.
 Мужи пошли неохотно по берегу шумной пучины;
 И, приближаясь к кущам и быстрым судам мирмидонов,
 Там обретают его, перед кущей своею сидящим
 В думе; пришедших увидя, не радость Пелид
 обнаружил.
 Оба смутились они и в почтительном страхе к владыке
 Стали, ни вести сказать, ни его спросить не дерзая.
 Сердцем своим то проник и вещал им Пелид
 благородный:
 «Здравствуйте, мужи глашатаи, вестники бога и
 смертных!
 Ближе предстаньте; ни в чем вы не винны, но царь
 Агамемнон!
 Он вас послал за наградой моей,
 за младой Брисеидой.
 Друг, благородный Патрокл, изведи и отдай Брисеиду;
 Пусть похищают; но сами они же свидетели будут

- И перед сонмом богов, и пред племенем всех
человеков.
- 340 И пред царем сим неистовым, — ежели некогда снова
Нужда настанет во мне, чтоб спасти от позорнейшей
смерти
Рать остальную... свирепствует, верно, он,
ум погубивши;
Свесть настоящего с будущим он не умея, не видит,
Как при судах обеспечить спасение рати ахейской!»
Рек, и Менетиев сын покорился любезному другу.
За руку вывел из сени прекраснolanитую деву,
Отдал послам; и они удаляются к селям ахейским;
С ними отходит печальная дева. Тогда, прослезясь,
Бросил друзей Ахиллес, и далеко от всех, одинокий,
Сел у пучины седой, и, взирая на понт темноводный,
Руки в слезах простирал, умоляя любезную мать:
«Матерь! Когда ты меня породила на свет
кратковечным,
Славы не должен ли был присудить мне
высокогремящий
Зевс Эгиох? Но меня никакой не сподобил он чести!
Гордый могуществом царь, Агамемнон,
меня обесчестил:
Подвигов бранных награду похитил и властвует ею!»
Так он в слезах вопиял; и услышала вопль его матерь,
В безднах сидящая моря, в обители старца Нерая.
Быстро из пенного моря, как легкое облако, вышла,
Села близ милого сына, струящего горькие слезы;
Нежно ласкала рукой, называла и так говорила:
«Что ты, о сын мой, рыдаешь? Какая печаль посетила
Сердце твое? Не скрывайся, поведай, да оба мы знаем».
Ей, тяжело застонав, отвечал Ахиллес быстроногий:
365 «Знаешь, о матерь: почто тебе, знающей все,
возвещать мне?
.....
В Хрису священника дочь быстроокие чада ахеян
390 В легком везут корабле и дары примирения богу.
Но недавно ко мне приходили послы и из кущи
Брисову дочь увели, драгоценнейший дар мне ахеян!
Матерь! Когда ты сильна, заступися за храброго сына!
Ныне ж взойди на Олимп и моли всемогущего Зевса,
Ежели сердцу его угождала ты словом иль делом.
Часто я в доме родителя, в дни еще юности, слышал,
Часто хвалилася ты, что от Зевса, сгустителя облак,
Ты из бессмертных одна отвратила презренные козни,
В день, как отца оковать олимпийские боги дерзнули,
400 Гера и царь Посейдон и с ними Афина Паллада.
Ты, о богиня, представ, уничтожила ковы на Зевса;

Ты на Олимп многохолмниц призвала сторукого в
помощь,
Коему имя в богах Бриарей, Эгеон — в человеках:
Страшный титан, и отца своего превышающий силой,
Он близ Кронида воссел, и огромный,
и славою гордый.

Боги его ужаснулись и все отступили от Зевса.
Зевсу напомни о том и моли, обнимая колена,
Пусть он, отец, возжелает в боях побороть
за пергамлян,

Но аргивян, утесняя до самых судов и до моря,
Смертью разить, да своим аргивяне царем наслаются;
Сам же сей царь многовластный, надменный Атрид,
да познает,
Сколь он преступен, ахейца храбрейшего так
обесчестив».

Сыну в ответ говорила Фетида, лиющая слезы:
«Сын мой! Почто я тебя воспитала,

рожденного к бедствиям!
Даруй, Зевес, чтобы ты пред судами без слез и печалей
Мог оставаться. Краток твой век, и предел его близок!
Ныне ты вместе — и всех кратковечней,
и всех злополучней!

В злую годину, о сын мой, тебя я в дому породила!
Но вознесусь на Олимп многоснежный;
метателю молний

Все я поведаю, Зевсу: быть может, вонмет он моленью.
Ты же теперь оставайся при быстрых судах
мирмидонских,

Гнев на ахейан питай и от битв удержишься совершенно.
Зевс громовержец вчера к отдаленным водам Океана
С сонмом бессмертных на пир к эфиопам отшел
непорочным;

425 Но в двенадцатый день возвратится снова к Олимпу;
И тогда я пойду к меднозданному Зевсову дому,
И к ногам припаду, и царя умолить уповаю».

Слово скончала и скрылась, оставя печального сына,
В сердце питавшего скорбь о красноопоясанной деве,
430 Силой Атрида отъятой.

Он между тем враждовал, при судах оставаясь черных,
Зевсов питомец, Пелид Ахиллес, быстроногий ристатель.
Не был уже ни в советах, мужей украшающих славой,
Не был ни в грозных боях; сокрушающий сердце
печалью,

Праздный сидел; но душою алкал он и брани и боя.
С оной поры наконец двенадцать денниц совершилось,
И на светлый Олимп возвратились вечные боги

495 Все совокупно; предшествовал Зевс. Не забыла Фетида
Сына молений; рано возникла из пенного моря,
С ранним туманом взошла на великое небо, к Олимпу;
Там, одного восседающего, молний метателя Зевса
Видит на самой вершине горы многоверхой, Олимпа;
Близко пред ним восседает и, быстро обнявши колена
Левой рукою, а правой подбрадия тихо касаясь,
Так говорит, умоляя отца и владыку бессмертных:
«Если когда я, отец наш, тебе от бессмертных угодна
Словом была или делом, исполни одно мне моление!
Сына отметь мне, о Зевс! Кратковечнее всех он данаев;
Но его Агамемнон, властитель мужей, обесславил:
Сам у него и похитил награду, и властвует ею.
Но отомсти его ты, промыслитель небесный, Кронион!
Ратям троянским даруй одоление, доколе ахейцы
Сына почитать не предстанут и чести его не возвысят».

Так говорила; но, ей не ответствуя, тучегонитель
Долго безмолвный сидел; а она, как объяла колена,
Так и держала, припавши, и снова его умоляла:
«Дай непреложный обет, и священное мание сделай,
Или отвергни: ты страха не знаешь; реки, да уверюсь,
Всех ли презреннейшей я меж бессмертных богинь
остаюсь».

Ей, воздохнувши глубоко, отвечивал тучегонитель:
«Скорбное дело, ненависть ты на меня возбуждаешь
Геры надменной: озлобит меня оскорбительной речью;
Гера и так непрестанно, пред сонмом бессмертных,
со мною

Спорит и вопит, что я за троян побораю во брани.
Но удалися теперь, да тебя на Олимпе не узрит
Гера; о прочем заботы приемлю я сам и исполню:
Зри, да уверена будешь, — тебе я главой помагаю.

525 Се от лица моего для бессмертных богов величайший
Слова залог: невозвратно то слово, вовек непреложно,
И не свершиться не может, когда я главой помагаю».

Рек, и во знаменье черными Зевс помавает бровями:
Быстро власы благовонные вверх поднялись у Кронида
530 Окрест бессмертной главы, и потрясся Олимп
многохолмный...

1. Из 10 лет Троянской войны Гомер выбирает только 50 дней. Перечитайте начало «Илиады» Гомера. Какое событие стоит в центре великой поэмы? Почему Гомер считает его исключительно важным? Подготовьте выразительное чтение отрывка.

2. Расскажите о рождении и воспитании Ахилла. Как он попал на Троянскую войну?
3. Расскажите о ссоре Ахилла с Агамемноном. Как этот эпизод характеризует Ахилла? Почему он считает себя вправе больше не сражаться? Что заставляет его вновь вступить в битву?

Прочитайте самостоятельно из «Илиады» Гомера главы «Свидание Гектора с Андромахой», «Патроклия», «Отречение от гнева» и другие по вашему выбору.

1. Укажите причины войны. Объясните выражения: *яблоко раздора, суд Париса, ахиллесова пята*.
2. Расскажите о подготовке к войне. Запишите в тетради имена самых знаменитых героев-греков (ахейцев). Почему во главе войска встает Агамемнон? Приведите доказательства того, что он достоин занять эту должность.
3. Кто из героев уклоняется от похода под Трою? Почему этот герой особенно важен для союзников-греков?
4. Расскажите о попытках примирения. Кто из троянцев и греков сторонники мира? Почему их усилия обречены на неудачу?
5. Возможно ли разрешить конфликт троянцев и греков поединком Париса и Менелая? Расскажите о нем.

Песнь двадцать первая

Приречная битва

---

1. На чьей стороне в этой войне боги? Объясните, почему так произошло. При каких обстоятельствах Зевс разрешает богам вмешаться в Троянскую войну? Чем интересна эта война?
2. Прочитайте следующий фрагмент поэмы Гомера «Илиада» и подготовьте выразительное чтение его наизусть.

Мрачен и гневен, к коню говорил Ахиллес быстроногий:
«Что ты, о конь мой, пророчишь мне смерть? Не твоя то
забота!

Слишком я знаю и сам, что судьбой суждено мне
погибнуть

Здесь, далеко от отца и от матери. Но не сойду я
С боя, доколе троян не насыщу кровавою бранью».

Рек — и с криком вперед устремил он коней

звуконогих.

3. Гектор и Ахилл — враги. При этом Гомер называет Гектора *великий, божественный, дивный, могучий*, а Ахилла *благородный, бессмертным подобный, храбрейший*. Охарактеризуйте авторскую позицию Гомера.
4. Расскажите о поединке Гектора и Ахилла. На чьей стороне симпатии автора?

Песнь двадцать четвертая Выкуп Гектора

<...> **н**риам... никем не примеченный, входит в покой
и, Пелиду

1. Почему Ахилл соглашается отдать тело Гектора Приаму? Как этот эпизод дополняет образ Ахилла?
2. Расскажите о смерти Ахилла.
3. Почему такого прославленного героя убивает именно Парис?
4. Каким образом грекам удается взять неприступную Троию? Расскажите подробно этот эпизод.
5. Кто придумал способ победить храбрый народ?
6. Что случилось с этим героем в дальнейшем?
7. В каком произведении и какого автора описываются его дальнейшие приключения?
8. Большинство героев Троянской войны — это герои греческой стороны. Троянцев значительно меньше, и далеко не все из них воины. Расскажите о Приаме, Гекубе, Андромахе. Каким образом связаны с войной их судьбы?

Макулатурные листы

_____

_____

_____

_____

_____

Творческие задания

Литературное творчество

Стилизация

Стилизация — подражание. Не подумайте, что это — недостойное занятие. Первые поэтические опыты всех писателей были именно подражаниями.

Чем интересна стилизация для читателя? Она продолжает диалог с писателем. Подражать не так просто, как кажется на первый взгляд. Для начала необходимо увидеть и освоить главный стилистический прием писателя. В поэзии Гомера это прежде всего размер, сложные составные эпитеты, развернутые сравнения, рисующие целую картину жизни.

Вопросы для размышления

1. Прочитайте приведенный ниже фрагмент «Илиады». Укажите его место в событиях Троянской войны; объясните, в чем смысл столь подробно развернутого сравнения.

Первый старец Приам со стены Ахиллеса увидел,
 Полею летящего, словно звезда, окруженного блеском;
 Словно звезда, что под осень с лучами огнистыми всходит
 И, между звезд неисчетных горячая в сумраках ночи
 (Псом Ориона ее нарицают сыны человеков),
 Всех светозарнее блещет, но знаменьем грозным бывает;
 Злые она огневицы наносит смертным несчастным, —
 Так у героя бегущего медь вокруг персей блистала.

2. Плавная, неторопливая, изобилующая сравнениями и повторениями речь Гомера славится удивительными эпитетами. Прочитайте несколько таких эпитетов, объясните их значение и происхождение.

Бог многомогущий, шлемоблещущий Гектор, коннодоспешные мужи, благодумные старейшины и др.

Попробуйте воссоздать и записать гомеровские эпитеты в ваши рабочие тетради.

Аполлон (серебро, лук) — . . . . .
Афина (светлые очи) — . . . . .
Гектор (шлем, блеск) — . . . . .
Гера (злато, трон) — . . . . .
Нестор (сладко, речь) — . . . . .

Эос (розовые персты) —

Как видите, эпитеты составляются как сложные слова. Словосочетание, характеризующее героя, составляется по принципу:
существительное + существительное

существительное + прилагательное

наречие + прилагательное

существительное + причастие

и т. д. На свободных строках приведите этих эпитетов.

Это словосочетание указывает на какой-то существенный, важный признак героя. А потом словосочетание становится сложным словом — прилагательным, эпитетом.

3. Назовите понятия (продолжите их ряд), которые важны для человека и необходимы ему в жизни.

Любовь, радость, семья, мама, дружба

Продолжите этот ряд пятью — десятью своими понятиями. Подчеркните те из них, которые считаете самыми главными.

Теперь попробуйте подобрать сложные эпитеты к выбранным вами понятиям (по два-три к каждому), например:

Любовь бурнокипящая, светоносная

(продолжите ряд).

Друг в бедах надежный, румяновеселый, остроязычный

(продолжите ряд).

Жизнь быстротекущая, щедродарящая, пышноцветущая

(продолжите ряд).

4. Если вам удалось сделать эту работу и она вас заинтересовала, попробуйте подражать ритму гомеровских поэм — *гексаметру*.

Повторите несколько раз запомнившиеся вам строки. Почувствуйте и запомните мелодию и ритм.

Попробуйте составить двустишия, используя словосочетания, например:

Нет, никогда не предаст Александр меня. В бедах надежный
Он мне товарищ и друг, в школе — спутник румяновеселый.

Быстротекущая жизнь, ты приносишь и горе и счастье.
Но человек никогда не гибается в буре житейской.

Острозыкий мой друг, ты подобен зломысленной кобре —
Путника исподтишка без причины она уязвляет.

.....
.....
.....

5. Размеренность ритма гекзаметра, безусловно, помогает в выборе высокой и значительной философской темы. Но она помогает лишь выказать ее, помогает родиться мысли и чувству, живущим в душе человека.

Следующий этап работы — составление сравнений. Давайте выберем то из двустий, составленных вами, которое интереснее и красивее, с вашей точки зрения. Подумайте, какое сравнение можно развернуть в сюжетную зарисовку. Объясните ваше представление о добре, дружбе, любви. Все зависит от того, какое из составленных вами двустий станет началом вашего сравнения, какую тему вы изберете.

Подберите несколько сравнений, объясняющих ваше понимание темы, например:

Дружба как камень, нагретый солнцем; как маяк у скалы . . . .

Мама подобна апрельскому цветку, горячей печи . . . . .

Семья словно муравейник . . . . .

А теперь давайте попробуем развернуть эти сравнения в картину в найденном ритме гекзаметра, продолжая наше двустийе, например:

Быстротекущая жизнь, ты приносишь и горе и счастье.

Но человек никогда не гибается в буре житейской.

Словно могучий корабль, управляемый кормщиком смелым,

Что не страшится ни гнева ветров, ни препон Посейдона.

Он правит тем кораблем лишь по звездам и сердца биенью.

Знает он: дом и любовь ожидают его как награда.

Также и ты, о мой друг, руководствуясь сердца биеньем

(Нет, не обманет оно и поможет избежать коварства),

Смело ты в гавань любви установишь корабль своей жизни.

Композиция требует от нас возвращения после развернутого сравнения к главной теме стихотворения. Это возвращение и будет финалом текста.

Гекзаметр пробуждает высокие мысли, требует мыслить понятиями и категориями, а не фактами и событиями.

Ваше стихотворение, придуманное как стилизация гомеровского ритма и слога, может быть написано как беседа с другом, как размышление на тему любви, радости или на любую другую избранную вами тему. Может быть, ваше стихотворение будет посвящено богам и героям, может быть, оно будет юмористическим и даже сатирическим.

Дерзайте!

А вот что думает об этом наш ученый кот:

«Кот-юноша, будь скромн, подобно мне, и не излагай свои мысли всегда и немедленно стихами, если для этого достаточно простой честной прозы! Стихи в книге, написанной прозой, должны уподобляться салу в колбасе, то есть, вставленные там и сям маленькими кусочками, они придают всей начинке жирный блеск, больше сладостной прелести во вкусе».

Проспер Мериме «Взятие редута»

Новелла П. Мериме «Взятие редута» написана в Париже в 1829 году. В России в 1837 году у одного из великих русских поэтов появляется замысел стихотворения, сюжетом которого является рассказ воина об этом же сражении. Что это за стихотворение и кто его автор? О каком сражении говорится в этом стихотворении?

Вероятно, вы догадались, что речь идет о стихотворении М. Ю. Лермонтова «Бородино».

Интересно посмотреть на это сражение глазами французов, не правда ли?

Найдите в библиотеке или в Интернете и прочитайте новеллу П. Мериме «Взятие редута» и перечитайте стихотворение М. Ю. Лермонтова «Бородино» и сравните их.

Какие нравственные ценности в центре внимания французского прозаика и русского поэта? Что интересно сравнить в этих произведениях? Подумаем вместе.

Вопросы для размышления

1. Объясните смысл названия произведений М. Ю. Лермонтова и П. Мериме. Как отразились в них судьбы героев?
2. С какой целью П. Мериме вводит образ рассказчика-повествователя? Почему рассказ идет от первого лица?
3. Перечитайте описание освещенного луной шевардинского редута в новелле Мериме. Как связан ночной пейзаж с предстоящим сражением и судьбами героев?
4. Повествование ведется от первого лица, и часто употребляется местоимение *я*. В исключительных случаях местоимение *я* сменяется местоимением *мы*. Найдите эти места в тексте новеллы П. Мериме «Взятие радуга» и объясните причину такой замены.
5. Какие чувства испытывает герой в начале новеллы, какие — во время боя и какие — в конце повествования? Как изменился герой?
6. Найдите описание военных действий. Стоит ли, как намеревался рассказчик новеллы, «рассказывать об этом в салоне мадам Б.»?
7. Найдите в тексте новеллы П. Мериме и стихотворения М. Ю. Лермонтова реплики персонажей. Почему в новелле их так мало? Почему они такие короткие? Отличается ли их язык от языка повествователя? Как речь героев обоих произведений их характеризует?
8. *Эпос* — род литературы, очень тесно связанный с историей. Подготовьте небольшой исторический комментарий к новелле П. Мериме. Чем интересен этот сюжет русскому читателю?

Андрей Платонов

«Маленький солдат»

Задумывались ли вы когда-нибудь, почему начинаются войны?

Прочитайте рассказ А. Платонова «Маленький солдат» и подумайте над вопросами.

1. Почему Сергей уходит от майора Бахичева?
2. В какой момент вам хотелось бы быть рядом с Сережей? Почему? Что вы хотели бы ему сказать?
3. Почему Сережа не хочет отправляться в тыл? Захотел бы Сергей отправиться в тыл с майором Савельевым?

4. Как относится к Сереже Савельев: как к мальчику или как к солдату?
5. Опишите портрет мальчика во время прощания с майором Савельевым. В портрете героя необходимо увидеть единство душевного состояния героя и выражения лица, глаз, губ, мимики. Может быть, вы увидите целую картинку. В ней вам будет проще передать свое отношение к ситуации — вам помогут краски и освещение.
6. Подумайте, в каких ситуациях Сережа проявляет «воинский характер».
7. Почему Платонов не рассказывает о подвигах Сережи, почему только называет их?
8. Как автор относится к уходу героя?
9. Предлагаем вам стать сценаристом: написать киносценарий по рассказу А. Платонова «Маленький солдат». А мы поможем вам, подскажем, как это сделать.

Литературное творчество Киносценарий

Сначала выберем фрагмент для работы.

Интереснее всего написать сценарий последнего эпизода рассказа А. Платонова «Маленький солдат» — уход Сережи Лабкова: ведь это кульминация рассказа. У вас богатый опыт кинозрителей. Попробуйте взять на себя роль режиссера, актера и зрителя одновременно. Это — сложное и увлекательное занятие.

Для начала вы должны ответить на вопросы, предложенные для размышления перед рассказом. Если вы можете сформулировать свою позицию, значит, у вас есть режиссерский замысел, вы знаете, почему уходит Сережа Лабков.

Теперь составим план, разделив этот эпизод на кадры.

Опишите каждый кадр последовательно, как будто вы видите фильм своими глазами. Продумайте, как будут изменяться планы по ходу фильма: общий план (человек в полный рост), средний план (вид по пояс), крупный план (деталь — глаза, лицо).

Может быть, вы используете панорамное изображение.

Решите, необходимо ли вам музыкальное сопровождение.

Описывая игру актера — Сережи Лабкова, покажите зрителю, что определило его решение о побеге.

Продумайте освещение эпизода.

Вы можете составить сценарий в виде таблицы, можете также написать его в виде целостного текста. Главное — видеоряд. Как только он исчезает из вашей работы, киносценарий превращается в пересказ. А у вас другая задача.

Фильм «Иваново детство»

режиссера А. Тарковского

«Иваново детство» А. Тарковского — фильм, в котором даже фронтовики признали правду войны. Режиссер рассказывает о войне без пафоса, без прикрас, без надрыва, не нарочито бодро или слащаво, а честно. Война противоестественна, она с беспощадностью коверкает людские судьбы. Прежде всего она изламывает детские жизни.

Можно ли считать профессионализм двенадцатилетнего мальчишки естественным? Можно ли найти более страшное сочетание слов: *мальчик и разведчик-ас*?

В фильме знаменитого режиссера Андрея Тарковского «Иваново детство» два мира: в одном — слепящее солнце, духовитые яблоки, грустно бродящие лошади, смеющаяся сестренка, молодая улыбающаяся мама; в другом — окопы, солдаты, шинели, уцелевшие трубы русских печей, остовы сгоревшей техники. Два мира в одной мальчишечьей душе, а еще жизнь, которая отдана за бесценные военные сведения.

Посмотрите фильм режиссера А. Тарковского «Иваново детство» и подумайте над вопросами.

Вопросы для размышления

1. Какие сцены из фильма вызвали у вас наиболее сильные чувства?

2. Какие черты характера светлолицего, ясноглазого довоенного мальчика сохранились в отчаянном разведчике Ване? Составьте сравнительный портрет Вани до войны и во время войны.
  3. Что значат для Вани слова *тот берег*?
  4. Какие кадры, звуки и как раскрывают образ врага?
  5. Почему в гравюрах Дюрера, которые рассматривает Ваня, он видит образ фашистского солдата?
  6. Почему во время боевых действий Ване снятся сны не о войне?
  7. Какая разница в отношении взрослых — Катасоныча, Холина, полковника Грязнова — к Ване?
  8. Почему дед запирает калитку, хотя от дома осталась одна печь?
  9. Почему режиссер после сцены, где стало известно о гибели Вани, показывает сцену игры Вани и детей? Почему местом игры режиссер выбрал сухое дерево, у которого последний раз Ваня расстался с разведчиками?
-

Борис Лавренёв «Сорок первый»

Что такое Гражданская война? Для нас это давно ушедшие события истории. Эпоха революции и Гражданской войны, героическая и страшная.

Еще недавно мы оценивали это событие как героическую борьбу трудового народа против власти империалистов, за свою свободу, за справедливость. Затем говорили об исторической трагедии, о гибели русской культуры, оценивали революцию как страшную и безвозвратную ошибку.

В седьмом классе вы впервые будете размышлять об этой эпохе. Может быть, именно вашему поколению удастся посмотреть на то время объективно, взглядом историческим и свободным от предвзятых рассуждений. Вспомните: первое известное нам произведение русской литературы «Повесть временных лет» рассказывает об истории Руси.

Об истории России рассказывает и проникновенная повесть Б. Лавренёва о Гражданской войне «Сорок первый».

Историческая оценка жизни, соизмерение человеческой личности и государства — качества русского национального характера.

Знать свою историю — значит видеть свои корни, понимать себя. Взросление человека начинается с осознания понятий: Родина, Отечество, Жизнь, Любовь. Вспомните слова А. С. Пушкина:

Два чувства дивно близки нам —
В них обретает сердце пищу —
Любовь к родному пепелищу,
Любовь к отеческим гробам.

1917 год разорвал страну на две части. Революция жестко ставит перед каждым вопрос: «С кем ты?», «Кто ты?», «Какой ты?».

А. А. Ахматова осенью 1917 года, когда волна эмиграции захлестнула общество, пишет стихотворение «Когда в тоске самоубийства...».

Анна Ахматова

* * *

Когда в тоске самоубийства
Народ гостей немецких ждал
И дух суровый византийства
От русской Церкви отлетал,
Мне голос был. Он звал утешно,
Он говорил: «Иди сюда,
Оставь свой край глухой и грешный,
Оставь Россию навсегда.
Я кровь от рук твоих отмою,
Из сердца выну черный стыд,
Я новым именем покрою
Боль поражений и обид».

Но ранодушно и спокойно
Руками я замкнула слух,
Чтоб этой речью недостойной
Не осквернился скорбный дух.

Так решила тогда А. А. Ахматова: «Не с теми я, кто бросил землю...» Гордое, суровое и смелое решение. Отчаяние и страх мучили тогда каждого, и не только за судьбу страны, но и за свою собственную. Страна, жизнь, весь привычный мир перевернулись — что будет? Чего ждать?

Об этих годах Борис Андреевич Лавренёв вспоминал так:

«После октября (т. е. после революции. — С. Н.) я поехал на юг, навестить своих стариков. Душевное состояние у меня было сметенное, в голове сумятица и разброд. Мрачные эксцессы, которые мне пришлось видеть перед Октябрем и после, в первые недели, очень разболтали мне нервы. И в первый же день, зайдя в кабинет отца, я спросил у него совета: что делать и как жить дальше? Может быть, стоит уехать на время за границу и вернуться, когда жизнь наладится? Отец долго молчал, опустив уже поседевшую голову, потом пристально посмотрел мне в глаза и сказал то, что врезалось мне в память от слова до слова:

— Мы русские люди!.. Нельзя нам покидать родную землю. Тебе сейчас кажется, что все рухнет, что народ пошел не по тому пути?.. Вздор! Народ всегда находит правильный путь. Если тебе даже покажется, что твой народ

сошел с ума и несется в пропасть, — никогда не становись у него на дороге и не подымай на него руку. Народ удержится хоть на краю бездны и тебя еще удержит... Допустим, ты уедешь! Говоришь — на время, чтобы потом вернуться? А ты уверен, что сможешь вернуться? Что народ примет тебя, простив, что ты покинул его в тяжкий час?.. Нет, сын! Никуда с русской земли, хоть бы смерть у тебя за плечами стояла! Жить на чужбине и умирать постыдно!

В глазах у отца блестели слезы. После этого возможно было лишь одно решение — спустя неделю я уехал в Москву».

Родился Б. Лавренёв в Херсоне. Его родители — педагоги, отец был директором сиротского приюта в городе. Поэтому детство Бориса Лавренёва прошло, как он вспоминал, «среди разбитных и разбойных ребят, питомцев сиротского дома». Это сделало его самого человеком отважным и независимым. Когда он получил годовую двойку по алгебре, отец сказал: «Будешь босяком наподобие деда!» Сын был смертельно обижен и сбежал из дома. Он отправился юнгой на корабле в плавание. Сняли с парохода его только в Италии. Но любовь к морю в нем осталась навсегда, и он позже, самостоятельно освоив нужный курс морских наук, плавал на учебной шхуне.

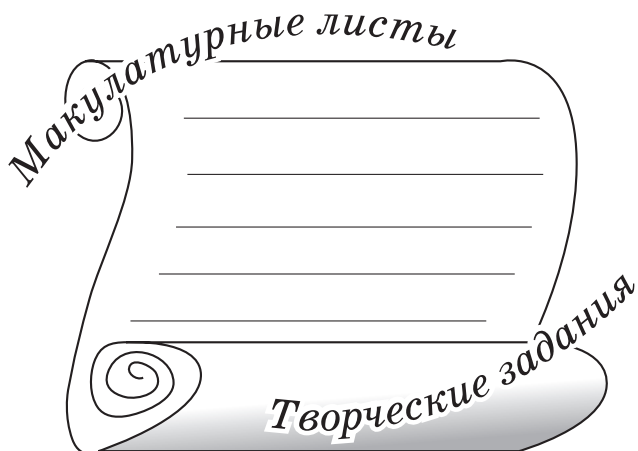
Второй его любовью на всю жизнь стала литература. Дебют тоже был непростым. В четырнадцать лет, восхищенный поэмой М. Ю. Лермонтова «Демон», Борис Лавренёв пишет объемное, в 1500 строк, подражание — «Люцифер». Отец высмеял поэму, но сын не сдался. Он захоронил свой первый шедевр, тщательно его завернув в клеенку, под сиренью во дворе и стал думать. Его одноклассником был Николай Бурлюк — младший из знаменитых впоследствии создателей русского футуризма — братьев Бурлюков. Футуристы считали, что нельзя писать так, как принято в классической литературе, слова нужно преобразовать, менять, рождать заново.

Вы имеете представление о футуризме по поэзии В. Маяковского. С В. Маяковским Б. Лавренёв также познакомился еще в юности. Вот что он вспоминает об этом: «Перед моими глазами были два дурных примера: мой одноклассник Коля Бурлюк... и совсем еще юный, в рваной черной карбонарской шляпе и черном плаще с застежками из золотых львиных голов Владимир Маяковский. Я с восхищением глядел в рот Коле, когда он, картавя, «бурлюкал» стихи, но старался уберечься от заразы. Для меня, как и для Маяковского, еще не был решен вопрос: вступать ли на тернистый путь поэзии или просто поступить в Училище живописи, ваяния и зодчества?»

Но вопрос вскоре был решен положительно в пользу литературного поприща. Однако мирное литературное существование было не по характеру Б. Лавренёву. В 1918 году он отправляется на фронт

Гражданской войны. Лавренёв воевал в Крыму, затем в Средней Азии. Здесь во время войны им и написана повесть «Сорок первый».

Самостоятельно читая повесть, подумайте, как относится автор к героям и событиям, почему Марюта, впервые счастливо и всей душой полюбившая, убивает своего возлюбленного. Могла ли она поступить иначе? Были бы герои счастливы на Большой земле?

Вопросы для размышления

1. Что поразило вас в повести?
2. Как автор относится к Говорухе-Отроку и как к Евсюкову?
3. Чем удивила вас речь героев? Попробуйте объяснить необычные словосочетания, сравнения и т. д.
4. «Оранжевая кровь пролилась по горизонту. Вода вдали сверкала чернильными отблесками. Потянуло ледяным холодком». Объясните, как этот пейзаж связан с событиями пятой главы (плавание по Аралу).
5. Почему Говоруха-Отрок сначала называет Марютку *прекрасной амазонкой*, а в финале — *амазонской царицей*?
6. Почему Марютка убивает поручика?
7. Какой вы видите Марютку в момент выстрела?
8. Попробуйте «вставить верблюдов» в Марюткино стихотворение, закончить его.
9. Автор определяет жанр своего произведения как балладу. Сравните, чем различаются баллада поэтическая и прозаическая. Что позволило Лавреневу дать такое жанровое определение?

Литературное творчество

Киносценарий

Вы уже пробовали писать киносценарий по рассказу А. Платонова «Маленький солдат». Но мне кажется, что кино — такое великое и нужное искусство, такое вам понятное и близкое, что не вредно будет потренироваться написать еще один киносценарий. Тем более что произведение-то другое, и вы сможете сделать еще более выразительный и полный вариант. А при определенной удаче, кто знает, может быть, и по вашему сценарию снимут фильм, который сделает вас знаменитым. Желаю успехов!

Во-первых, определим, что в основе сюжета нашего фильма — трагедия героини.

Во-вторых, обозначим границы фрагмента киносценария, над которым предстоит работать: верхняя граница — момент включения оппозиции «наши — враги», когда герои понимают, что корабль принадлежит белым: «Саженьях в пятидесяти бот снова лег на левый галс. На корме приподнялась фигура и, приставив руки рупором, закричала», а нижняя граница — это конец произведения.

Затем разбиваем этот фрагмент на кадры: 1) корабль — 2) радующийся Говоруха-Отрок — 3) Марютка (встрепенулась — воспоминание — выстрел) — 4) падающий поручик — 5) бессмысленно притопывающая Марютка — 6) Марютка видит убитого поручика — 7) мчится к нему — 8) Марютка и Говоруха-Отрок, плач — 9) Арал (панорама). Таков наш вариант.

С одной стороны, структура текста подсказывает кадры киносценария; с другой стороны, изображение в кадре определяется сюжетом нашего фильма.

Следующий этап — подбор планов изображения и создание зрительного и звукового ряда.

Представьте себе каждый кадр так отчетливо, как будто вы сами видите кино, и даже более того: будто вы — очевидец происходящего. Тогда вам легко будет описывать действие. Не забывайте о характерном для кино приеме — смене планов изображения (крупный — средний — дальний план).

Сравните свой вариант финала и киноверсию режиссера Г. Н. Чухрая «Сорок первый» (1956). Главные роли в фильме сыграли: Марютка — И. Извицкая, Говоруха-Отрок — О. Стриженов, Евсюков — Н. Крючков.

Да, тяжелая штука война... Когда читаешь о ней, чувствуешь жизнь как-то особенно остро.

За что воюют люди? За жизнь, за отчизну, за любовь, за близких своих... В этих ценностях они, очевидно, видят смысл своей жизни.

Тогда ЛЮБОВЬ укажет нам дальнейший путь поисков смысла жизни. Вперед!

«— Силы небесные, о силы небесные! Неужели это любовь?» — несколько успокоившись, я решил, как юноша, не лишенный эрудиции, разобратся в своем состоянии на такой предмет и взялся штудировать, правда, не без усилий «De arte amandi» («Искусство любви». — *Примечание издателя.*) Овидия, а также «Искусство любви» Мансо, но ни один из признаков влюбленности, приведенных в упомянутых книгах, ко мне не подходил. Наконец мне пришла на память вычитанная в какой-то комедии мысль, что безразличие ко всему и взлохмаченная борода суть вернейшие признаки влюбленного! Я посмотрелся в зеркало — о небо! — бакенбарды мои взлохмачены! О небо! В душе у меня безразличие ко всему!» (Мурр имеет в виду комедию В. Шекспира «Как вам это понравится». — *Примечание издателя.*)

Я решил посоветоваться о таком тонком предмете, как любовь, с одним из самых понимающих в этой области писателей — Иваном Сергеевичем Тургеневым. Вам его представлять не нужно. Вы уже знакомы. А также с другими писателями. Ведь каждая новая встреча рождает и новое понимание.

II

раздел

*Если это
не любовь,
то что же?*

Тургенев

Пушкин

Шекспир

Петрарка

Маяковский

Зощенко

Иван Сергеевич Тургенев

Конечно же, вы все знаете имя нашего великого русского писателя Ивана Сергеевича Тургенева (1818—1883). Он был известным русским писателем не только в России, но и в Европе, где провел большую часть своей жизни. Его «Записки охотника» открыли европейцам Россию и русскую литературу.

Повесть «Ася» И. С. Тургенева — повесть о первой любви. Ася — имя героини повести. Полное ее имя *Анна* обозначает «благодать», «милостивая», «грациозная»; но брат и герой считают, что более ей подходит имя Ася. *Ася* — принятое в народе сокращение от *Анастасии*, так называли и Анну. Очень любила этот вариант имени М. И. Цветаева. Имя же *Анастасия* обозначает «воскресшая», «возрожденная». Действие повести происходит в небольшом немецком городке на берегу Рейна. Германия, немецкая культура были близки русской литературе. В прошлом году вы читали переводы баллады Ф. Шиллера «Перчатка», в этом году вы познакомитесь подробнее с творчеством В. А. Жуковского, который переводил много произведений немецких романтиков. Великие немецкие поэты И. В. Гёте, Ф. Шиллер, Г. Гейне всегда привлекали внимание русских читателей.

Сам И. С. Тургенев долгое время учился в Берлинском университете, занимаясь языками и философией.

Связи между странами были не только культурные. Русский поэт Ф. И. Тютчев долгое время учился и служил в Германии. С этой страной связана его первая любовь, которой уже на склоне лет поэт посвятил знаменитое стихотворение, ставшее романсом, «Я встретил вас, и все былое...».

В повести И. С. Тургенева «Ася» много образов и героев немецкой литературы, они словно участвуют в развитии сюжета. Так, в первый вечер нашего знакомства с героем он вспоминает Гретхен. Гретхен — первая любовь Гёте, его муза. Для Гёте она схожа по характеру с Психеей из мифа Апулея «Амур и Психея», который вы читали в пятом классе. Образом Гретхен вдохновлены лирические стихи великого немецкого поэта, она была прототипом героинь его произведений, в том числе Гретхен в трагедии «Фауст», которая гибнет, не вынеся разрыва с возлюбленным. Стихотворение Гёте «Гретхен за прялкой» вдохновило Ф. Шуберта. Это была первая песня, написанная молодым композитором, первый шедевр Шуберта.

Ася, героиня одноименной повести Тургенева, также увлечена миром, в котором живут герои. Ей особенно нравится легенда о Лорелее, которую вы далее прочитаете.

Лорелей — название скалы на реке Рейне. Слово Lorelei образовано сложением двух немецких слов: женского имени Lore и слова Leu — скала. Немецкие романтики сочинили красивую легенду о де-

вухе-колдунье. На ее тему И. Штраус написал волшебный вальс «Плач Лорелеи на Рейне». Самый известный поэтический вариант этой легенды — баллада Г. Гейне, которая стала народной песней. Но от старушки фрау Луизе героиня Тургенева Ася, скорее всего, слышала прозаическую историю.

После чтения немецкой легенды «Лорелея» прочитайте повесть И. С. Тургенева «Ася» и подумайте, что могло привлекать в легенде «Лорелея» Асю.

Лорелея

Неподалеку от города Бахараха на берегу Рейна нависла над водой высокая, крутая скала. Со всех сторон она неприступна. Ни трещины, ни выступа. Если нет крыльев, не достичь ее вершины.

Говорят, под скалой, на дне омута, в зеленой глубине живет старый бог Рейна. Построил он себе там прозрачный дворец из хрусталя. Рыбы всплывают в бесчисленные окна дворца. Водоросли коврами устилают мраморные полы. От жизни в глубоком, темном омуте сумрачным и злобным стал седобородый бог Рейна.

У самой воды раскинулась рыбачья деревушка.

А на краю деревушки в ветхой хижине с почерневшей от дождей соломенной крышей живет бедный рыбак с дочерью Лорой.

Кто не знает красавицы Лоры? Лишь распустит она свои длинные волосы цвета чистого золота, и скроют они ее убогую одежду: кажется, сама королева поселилась в нищем доме рыбака.

Далеко разнеслась весть о красоте Лоры.

Юноши со всей округи собираются под ее окном. Издалека приходят, лишь бы увидеть, как огнем теплятся золотые волосы в глубине темной хижины, услышать, как поет Лора. Много прекрасных песен знает девушка. Все детство провела Лора на берегу Рейна. Потому и слышатся в ее песнях радость Рейна, игра и плеск волн.

Но вот однажды под скалой на берегу Рейна увидела Лора незнакомого молодого рыцаря. Рыцарь заблудился в лесу и вышел к реке на шум волн. Увидел Лору и застыл на месте. Не мог он понять, кто перед ним: водяная дева или лесная фея. С первого взгляда полюбил рыцарь золотоволосую Лору, а она полюбила его.

В этот день напрасно ждал Лору старый отец. Девушка не вернулась домой. Рыцарь увез ее в свой замок Штальэк. Пять раз опоясывала дорога высокую гору, подымаясь к замку рыцаря. На самой вершине горы высились башни замка.

Стоит перед зеркалом Лора, смотрится в него и не мо-

жет себя узнать. То на плечо склонит голову, то в шутку нахмурится, то погрозит себе пальцем, и красавица в зеркале, одетая в шелк и бархат, повторит каждое ее движение.

Полюбились рыцарю песни Лоры. Часто он просит:

— Спой мне песню, Лора.

Рука об руку гуляют они в тенистом лесу. Так ярко сверкают золотом волосы Лоры, что на черных вековых соснах, как свечи, загораются капли смолы. Олени рогами раздвигают листву. Поближе подходят олени, чтобы послушать ее песни.

Смеется рыцарь и сжимает рукоять меча: уж он-то сможет защитить свою любимую и от разбойника, и от хищного зверя.

А старая мать рыцаря не находила себе покоя в своей мрачной башне. Зябнет, дрожит, не может отогреться даже у раскаленного очага. Слуги разгребают горячие угли и горой наваливают дрова в очаг. Стреляют искрами сухие поленья, но не может согреться старая графиня. Зябнет она от злобы, ненависти к бедной дочери рыбака. Золотом сияют волосы Лоры, но не такое золото любит старая владелица замка. Если уж золото, то в монетах и слитках. И что это за приданое — песни?

— Нечего сказать, славное дело задумал ты, сын. Кого ты привел в мой дом? — говорит графиня рыцарю. — От стыда потускнел наш гордый герб. Видно, забыл ты, что в родстве мы с самим королем. Позором хочешь ты покрыть наш знатный род. Разве нет у тебя невесты? Прекрасна она лицом, богата и к тому же дочь знатного рыцаря. Ну что же, воля твоя. Женись на дочери рыбака. Но пусть мое проклятье будет вам свадебным даром.

Опустив глаза, слушает рыцарь суровые речи старой графини. Любит он прекрасную Лору, но и матери слушаться не смеет. Во всем покорен ее воле. Испугался материнского проклятья.

А старая графиня греется у огня, больше не зябнет. Сделала недоброе дело, теперь ей тепло у очага.

Сказал молодой граф Лоре, что выследили охотники в лесу матерого волка. Уехал со своими рыцарями и оруженосцами. В красном свете факелов чужим и страшным показалось Лоре лицо любимого. Всадники выехали со двора замка со смехом и свистом.

Смотрит Лора из окна башни. Не видит она всадников, но видит огни их факелов. Не в лес, а в другую сторону по крутой горной дороге поскакал рыцарь со своей свитой.

Тоскует Лора, от недоброго предчувствия сжимается сердце.

Тяжело отворилась высокая дверь, и вошла старая владелица замка. Движение руки — исчезли слуги.

Старая графиня медленно подошла к Лоре:

— Мой сын обманывает тебя. Не на охоту поехал он. Торопится с друзьями к своей невесте. Повез ей свадебные дары — уже не за горами их свадьба. Нечего больше тебе делать в замке. Впрочем, хочешь посмотреть на свадьбу моего сына — оставайся. Поможешь служанкам на кухне. Много будет у них дел, а твои руки привыкли к черной работе.

Все поплыло перед глазами Лоры. Свечи, старая графиня, темная дверь в глубине зала...

Рванула Лора ожерелье — вокруг нее по полу запрыгал круглый жемчуг. Сорвала с пальцев кольца, с рук — запястья, все бросила к ногам старой графини и убежала из замка.

Всю ночь бежала она по черному лесу. Ухали филины во мраке и тяжело летали над ее головой. Выли дикие звери. Но только одного боялась Лора: повстречать молодого графа. Увидеть, как, переполненный радостью и счастьем, возвращается он от своей невесты.

Только на рассвете добралась она до родной деревни.

Отец встретил ее на пороге дома. Но не ласково, а грозно взглянул он на Лору, и она опустила голову. Опозоренной дочери нет места под его кровом. Пошла она куда глаза глядят, прочь от родного дома.

А у всех ворот соседки. Показывают на нее пальцами, смеются:

— Что, недолго побыла ты графиней?

— Где твои парчовые платья? Где золотые серьги?

— Что ж ты не идешь к венцу с молодым графом?

Целый день бродила Лора по лесу, а к вечеру вышла на берег Рейна, туда, где в первый раз увидела она рыцаря. На страшное дело решилась Лора: утопиться в глубоком омуте.

Луна висит над Рейном, тиха и неподвижна гладь омута. Но вдруг взволновались воды, запенились.

Из самой глубины омута медленно поднялся старый бог Рейна.

Вот он какой, старый бог Рейна! Высунул из воды голову и плечи. В лунном свете горит хрустальная корона. Длинными зелеными прядями с головы свисают водоросли и речные травы. Ракушки облепили плечи. В бороде играет стая серебряных рыбок. Без страха смотрит на него Лора. Чего ей теперь бояться? Все самое страшное с ней уже случилось.

И тогда сказал старый бог Рейна:

— Знаю, люди жестоко обидели тебя. Но моя обида не меньше твоей. Слушай, девушка. Когда-то я царил над всей здешней страной. Низко кланяясь, приходили ко мне люди. С песнями бросали в воду драгоценности, золотые и се-

ребряные монеты. Молили, чтобы я наполнил их сети рыбой и пощадил их утлые лодчонки. Но прошло время, и люди забыли меня. Все отняли у меня: и славу, и мощь. Если ты согласишься, вместе мы можем славно отомстить людям. Дам я волшебную силу твоим песням. Но знай, Лора, в сердце твое не должна проникнуть жалость. Если ты прольешь хоть одну слезу, ты погибнешь.

И, не помня себя от горя, сказала Лора:

— Да, я согласна.

Шевельнул плечами старый бог Рейна, поднялась огромная волна, подхватила Лору и, не обрызгав платья, не намочив ее башмаков, подняла на самую вершину неприступной скалы.

Схлынула волна. Погрузился в омут старый бог Рейна. А под скалой запенился, забурлил гибельный водоворот.

По всей стране прошел слух: злой волшебницей стала дочь рыбака Лора. На закате, убранная речными жемчугами, появляется она высоко-высоко на скале и чешет золотым гребнем свои золотые волосы. Пламенем горят они в лучах заката. Стали звать эту скалу «Лорелей» — «скала Лоры». Лорелей прозвали и саму волшебницу.

Горе тому, кто услышит песню Лорелей.

Бог Рейна дал чудесную силу ее песням, а ей самой дал забвение.

Окаменело ее сердце, незрячим взором смотрит она вниз с крутизны. Никто не может противиться власти ее песен.

Нищему о королевском богатстве поет Лорелей. Рыцарю обещает победу и славу. Покой — старому. Любовь — влюбленному. Каждый слышит в ее песнях то, чего жаждет его душа.

Гибель несут песни Лорелей. Околдует ее голос, а потом поведет за собой, заманит в страшный водоворот. Прочь отсюда, рыбак! Берегись, пловец! Если достигнет тебя ее песня — ты погиб!

Рыбак бросил весла, и его лодку сносит течением. Забыв обо всем, околдованный песней, смотрит он вверх на Лорелею. Водоворот цепко схватил, закружил лодку. Нет спасенья!

А рыцарь возвратился домой от своей невесты и, не найдя в замке своей любимой, затосковал смертной тоской.

Опостытели ему пиры и охоты. Теперь ему ненавистно даже имя его знатной невесты.

Не умолкая, звучит в ушах рыцаря голос его любимой.

Рыцарь бродит по темным залам. Вспоминает: у этого окна стояла она, в это зеркало смотрелась, а на этой крутой лестнице споткнулась она, и он успел подхватить ее на руки.

— Зачем вы прогнали ее, матушка? — говорит он старой

графине, которая дрожит в мехах и бархате у раскаленного очага и уже больше никогда не согреется.

В далекие южные страны в крестовый поход отправился молодой граф. Долгие годы длились его странствия. Но больше, чем полученные раны, жжет и гложет его тоска.

Рыцарь вернулся домой.

Старая мать умерла, не дождавшись встречи с сыном.

Все в замке потускнело, обветшало, истлел флаг на башне, и неразличим герб над воротами. Травы подползли к дверям, пробились между плитами.

Далеко по Рейну плывет недобрая молва о золотоволосой колдунье на скале. Странствующие рыцари, захожие путники разносят эту молву по всем дорогам. Об этом шепчутся слуги в замке.

Отчаяние и ярость охватывают рыцаря. От горя и тоски мутится разум. Его Лора!.. С мечом бросается на каждого, кто осмелится сказать при нем, что Лора — колдунья.

От страха сжался за дверью верный паж. Один заперся рыцарь в своих покоях. Доносятся оттуда грохот и лягз. Мечом в щепу рыцарь изрубил тяжелый стол, смял золотую утварь, сплющил кубки.

Нет, больше его никто не удержит. Ничьих советов не послушает он. Даже если тень матери встанет из могилы, ей не остановить сына. Граф приказал оседлать коня.

Быстро скачет конь по крутой дороге. Тут бы попридержать коня, а рыцарь еще вонзает шпоры в покрытые пеной бока.

Красным закатным огнем горят вершины гор. Рыцарь выехал на берег Рейна. Но никто из рыбаков не соглашается вести его к скале Лорелеи. Граф обещал им все свои богатства, все, чем он владеет, но жизнь им дороже.

Бросив рыбакам кошель денег, рыцарь прыгнул в лодку и сам сел за весла. Издали услышал он знакомый голос. Слабо, с перерывами доносит его ветер. Скорей, скорей увидеть любимую. Рыцарь в нетерпении изо всех сил налегает на весла.

Все громче звучит песня Лорелеи. Слышится рыцарю, к себе зовет его Лорелея, торопит. Все простила она. Счастье ближе, ближе с каждым ударом весел!..

Кажется рыцарю: по воздуху плывет лодка. Нет, это не волны — голос Лорелеи плещется вокруг него, переливается через борт. Это не воздух, не ветер — это голос Лорелеи. Слепят глаза золотые волосы...

— Лора! — крикнул рыцарь.

Миг — и водоворот волчком завертел лодку, столбом поднимая брызги вокруг брошенных весел, и ударил ее о скалу.

И вдруг смолкла Лорелея. На полуслове оборвалась пес-

ня. Будто разбудил ее голос рыцаря. В ужасе глядит Лорелея: тонет рыцарь. Вот мелькнула его голова и руки среди бушующей пены. Водоворот затягивает его. Слезы обожгли глаза Лорелеи. Видит она: рыцарь не борется с волнами, не хватается за обломки лодки.

Об одном лишь думая — спасти любимого, протянула руки Лорелея. Ниже, ниже наклонялась она и вдруг сорвалась со скалы и упала. Длинные ее волосы поплыли по воде золотым кругом, намокая, темнея. Вместе скрылись в волнах Лорелея и рыцарь.

И тогда донесся со дна отдаленный глухой удар. Говорят, это рухнул хрустальный дворец старого бога Рейна.

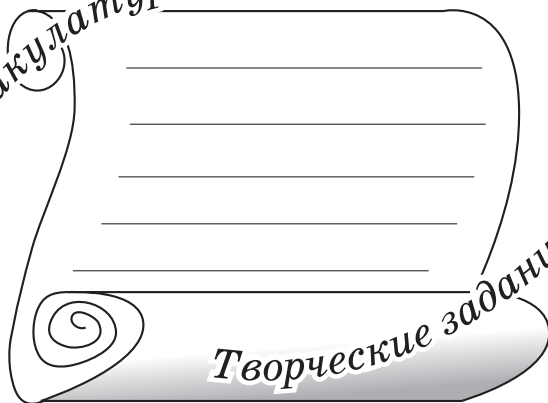
С тех пор никто больше не видел старого бога. Окрестные жители давно забыли его.

А Лорелею помнят. Живы еще рассказы о ее золотых волосах, дивных песнях и злосчастной судьбе.

Говорят, и теперь еще иногда в часы заката является Лорелея на скале и чешет гребнем свои длинные золотые волосы. Стало совсем прозрачно ее тело, еле слышным стал голос.

Скалу эту и в наши дни называют «скала Лорелеи».

Макулатурные листы

Творческие задания

Ася

I

Мне было тогда лет двадцать пять, — начал Н. Н., — дела давно минувших дней, как видите. Я только что вырвался на волю и уехал за границу, не для того, чтобы «окончить мое воспитание», как говарива-

лось тогда, а просто мне захотелось посмотреть на мир Божий. Я был здоров, молод, весел, деньги у меня не переводились, заботы еще не успели завестись — я жил без оглядки, делал, что хотел, процветал, одним словом. Мне тогда и в голову не приходило, что человек не растение и процветать ему долго нельзя. Молодость ест пряники золоченые, да и думает, что это-то и есть хлеб насущный; а придет время — и хлеба попросишься. Но толковать об этом не для чего.

Я путешествовал без всякой цели, без плана; останавливался везде, где мне нравилось, и отправлялся тотчас далее, как только чувствовал желание видеть новые лица — именно лица. Меня занимали исключительно одни люди; я ненавидел любопытные памятники, замечательные собрания, один вид лон-лакея возбуждал во мне ощущение тоски и злости; я чуть с ума не сошел в дрезденском «Грюне Гевелбе». Природа действовала на меня чрезвычайно, но я не любил так называемых ее красот, необыкновенных гор, утесов, водопадов; я не любил, чтобы она навязывалась мне, чтобы она мне мешала. Зато лица, живые человеческие лица — речи людей, их движения, смех — вот без чего я обойтись не мог. В толпе мне было всегда особенно легко и отраднo; мне было весело идти туда, куда шли другие, кричать, когда другие кричали, и в то же время я любил смотреть, как эти другие кричат. Меня забавляло наблюдать людей... да я даже не наблюдал их — я их рассматривал с каким-то радостным и ненасытным любопытством. Но я опять сбиваюсь в сторону.

Итак, лет двадцать тому назад я жил в немецком небольшом городке З., на левом берегу Рейна. Я искал уединения: я только что был поражен в сердце одной молодой вдовой, с которой познакомился на водах. Она была очень хороша собой и умна, кокетничала со всеми — и со мною, грешным, — сперва даже поощряла меня, а потом жестоко меня уязвила, пожертвовав мною одному краснощекому баварскому лейтенанту. Признаться сказать, рана моего сердца не очень была глубока; но я почел долгом предаться на некоторое время печали и одиночеству — чем молодость не тежится! — и поселился в З.

Городок этот мне понравился своим местоположением у подошвы двух высоких холмов, своими дряхлыми стенами и башнями, вековыми липами, крутым мостом над светлой речкой, впадавшей в Рейн, — а главное, своим хорошим вином. По его узким улицам гулял вечером, тотчас после захождения солнца (дело было в июне), прехорошенькие белокурые немочки и, встретясь с иностранцем, произносили приятным голоском: «Guten Abend!» — а некоторые из них не уходили даже и тогда, когда луна поднималась из

за острых крыш стареньких домов и мелкие камешки мостовой четко рисовались в ее неподвижных лучах. Я любил бродить тогда по городу; луна, казалось, пристально глядела на него с чистого неба; и город чувствовал этот взгляд и стоял чутко и мирно, весь облитый ее светом, этим безмятежным и в то же время тихо душу волнующим светом. Петух на высокой готической колокольне блестел бледным золотом; таким же золотом переливались струйки по черному гляncу речки; тоненькие свечки (немец бережлив!) скромно теплились в узких окнах под грифельными кровлями; виноградные лозы таинственно высывали свои завитые усики из-за каменных оград; что-то пробегало в тени около старинного колодца на треугольной площади, внезапно раздавался сонливый свисток ночного сторожа, добродушная собака ворчала вполголоса, а воздух так и ластился к лицу, и липы пахли так сладко, что грудь по-неволле все глубже и глубже дышала, и слово «Гретхен» — не то восклицание, не то вопрос — так и просилось на уста.

Городок *З.* лежит в двух верстах от Рейна. Я часто ходил смотреть на величавую реку и, не без некоторого напряжения мечтая о коварной вдове, просиживал долгие часы на каменной скамье под одиноким огромным ясенем. Маленькая статуя мадонны с почти детским лицом и красным сердцем на груди, пронзенным мечами, печально выглядывала из его ветвей. На противоположном берегу находился городок *Л.*, немного побольше того, в котором я поселился. Однажды вечером я сидел на своей любимой скамье и глядел то на реку, то на небо, то на виноградники. Передо мной белоголовые мальчишки карабкались по бокам лодки, вытасенной на берег и опрокинутой насмолненным брюхом кверху. Кораблики тихо бежали на слабо надувшихся парусах; зеленоватые волны скользили мимо, чуть-чуть вспухая и урча. Вдруг донеслись до меня звуки музыки; я прислушался. В городе *Л.* играли вальс; контрабас гудел отрывисто, скрипка неясно заливалась, флейта свистала бойко.

— Что это? — спросил я у подошедшего ко мне старика в плисовом жилете, синих чулках и башмаках с пряжками.

— Это, — отвечал он мне, предварительно передвинув мундштук своей трубки из одного угла губ в другой, — студенты приехали из *Б.* На коммерш.

«А посмотрю-ка я на этот коммерш, — подумал я, — кстати же, я в *Л.* не бывал». Я отыскал перевозчика и отправился на другую сторону.

1. Каким настроением проникнута первая глава повести?
2. Почему герою хочется произнести имя *Гретхен*?
3. Как герой относится к жестокой вдове?

II

Может быть, не всякий знает, что такое коммерш. Это особенного рода торжественный пир, на который сходятся студенты одной земли или братства (*Landsmannschaft*). Почти все участники в коммерше носят издавна установленный костюм немецких студентов: венгерки, большие сапоги и маленькие шапочки с околышами известных цветов. Собираются студенты обыкновенно к обеду под председательством сениора, то есть старшины, — и пируют до утра, пьют, поют песни, *Landesvater*, *Gaudeamus*, курят, бранят филистеров; иногда они нанимают оркестр.

Такой точно коммерш происходил в г. *Л.* перед небольшой гостиницей под вывескою Солнца, в саду, выходившем на улицу. Над самой гостиницей и над садом веяли флаги; студенты сидели за столами под обстриженными липками; огромный бульдог лежал под одним из столов; в стороне, в беседке из плюща, помещались музыканты и усердно играли, то и дело подкрепляя себя пивом. На улице, перед низкой оградой сада, собралось довольно много народа: добрые граждане *Л.* не хотели пропустить случая поглазеть на заезжих гостей. Я тоже вмешался в толпу зрителей. Мне было весело смотреть на лица студентов; их объятия, восклицания, невинное кокетничанье молодости, горящие взгляды, смех без причины — лучший смех на свете — все это радостное кипение жизни юной, свежей, этот порыв вперед — куда бы то ни было, лишь бы вперед, — это добродушное раздолье меня трогало и поджигало. «Уж не пойти ли к ним?» — спрашивал я себя...

— Ася, довольно тебе? — вдруг произнес за мной мужской голос по-русски.

— Подождем еще, — ответил другой, женский голос на том же языке.

Я быстро обернулся... Взор мой упал на красивого молодого человека в фуражке и широкой куртке; он держал под руку девушку невысокого роста, в соломенной шляпе, закрывавшей всю верхнюю часть ее лица.

— Вы русские? — сорвалось у меня невольно с языка.

Молодой человек улыбнулся и промолвил:

— Да, русские.

— Я никак не ожидал... в таком захолустье, — начал было я.

— И мы не ожидали, — перебил он меня, — что ж? Тем лучше. Позвольте рекомендоваться: меня зовут Гагиным, а вот это моя... — он запнулся на мгновение, — моя сестра. А ваше имя позвольте узнать?

Я назвал себя, и мы разговорились. Я узнал, что Гагин, путешествуя, так же как и я, для своего удовольствия, неделю тому назад заехал в городок Л., да и застрял в нем. Правду сказать, я неохотно знакомился с русскими за границей. Я их узнавал даже издали по их походке, покрою платья, а главное, по выраженью их лица. Самодовольное и презрительное, часто повелительное, оно вдруг сменялось выражением осторожности и робости... Человек внезапно настораживался весь, глаз беспокойно бегал... «Батюшки мои! Не соврал ли я, не смеются ли надо мною», — казалось, говорил этот уторопленный взгляд... Проходило мгновение — и снова восстанавливалось величие физиономии, изредка чередуясь с тупым недоумением. Да, я избегал русских, но Гагин мне понравился тотчас. Есть на свете такие счастливые лица: глядеть на них всякому любо, точно они греют вас или гладят. У Гагина было именно такое лицо, милое, ласковое, с большими мягкими глазами и мягкими курчавыми волосами. Говорил он так, что, даже не видя его лица, вы по одному звуку его голоса чувствовали, что он улыбается.

Девушка, которую он назвал своей сестрою, с первого взгляда показалась мне очень миловидной. Было что-то свое, особенное, в складе ее смугловатого, круглого лица, с небольшим тонким носом, почти детскими щечками и черными, светлыми глазами. Она была грациозно сложена, но как будто не вполне еще развита. Она несколько не походила на своего брата.

— Хотите вы зайти к нам? — сказал мне Гагин, — кажется, довольно мы насмотрелись на немцев. Наши бы, правда, стекла разбили и поломали стулья, но эти уж больно скромны. Как ты думаешь, Ася, пойти нам домой?

Девушка утвердительно качнула головой.

— Мы живем за городом, — продолжал Гагин, — в винограднике, в одиноком домишке, высоко. У нас славно, посмотрите. Хозяйка обещала приготовить нам кислого молока. Теперь же скоро стемнеет, и вам лучше будет переждать Рейн при луне.

Мы отправились. Через низкие ворота города (старинная стена из булыжника окружала его со всех сторон, даже бойницы не все еще обрушились) мы вышли в поле и, пройдя шагов сто вдоль каменной ограды, остановились перед узенькой калиткой. Гагин отворил ее и повел нас в гору по крутой тропинке. С обеих сторон, на уступах, рос виноград; солнце только что село, и алый тонкий свет лежал на зеленых лозах, на высоких тычинках, на сухой земле,

усыпанной сплошь крупным и мелким плитняком, и на белой стене небольшого домика, с косыми черными перекладинами и четырьмя светлыми окошками, стоявшего на самом верху горы, по которой мы взбирались.

— Вот и наше жилище! — воскликнул Гагин, как только мы стали приближаться к домику, — а вот и хозяйка несет молоко. Guten Abend, Madame!.. Мы сейчас примем за еду; но прежде, — прибавил он, — оглянитесь... каков вид?

Вид был, точно, чудесный. Рейн лежал перед нами весь серебряный, между зелеными берегами; в одном месте он горел багряным золотом заката. Приютившийся к берегу городок показывал все свои дома и улицы; широко разбегались холмы и поля. Внизу было хорошо, но наверху еще лучше: меня особенно поразили чистота и глубина неба, сияющая прозрачность воздуха. Свежий и легкий, он тихо колыхался и перекатывался волнами, словно и ему было раздольнее на высоте.

— Отличную вы выбрали квартиру, — промолвил я.

— Это Ася ее нашла, — отвечал Гагин. — Ну-ка, Ася, — продолжал он, — распорядись. Вели все сюда подать. Мы станем ужинать на воздухе. Тут музыка слышнее. Заметили ли вы, — прибавил он, обратясь ко мне, — вблизи иной вальс никуда не годится — пошлые, грубые звуки, — а в отдаленье, — чудо! Так и шевелит в вас все романтические струны.

Ася (собственное имя ее было Анна, но Гагин называл ее Асей, и уж вы позвольте мне ее так называть) — Ася отправилась в дом и скоро вернулась вместе с хозяйкой. Они вдвоем несли большой поднос с горшком молока, тарелками, ложками, сахаром, ягодами, хлебом. Мы уселись и принялись за ужин. Ася сняла шляпу; ее черные волосы, остриженные и причесанные, как у мальчика, падали крупными завитками на шею и уши. Сначала она дичилась меня; но Гагин сказал ей:

— Ася, полно ежиться! Он не кусается.

Она улыбнулась и немного спустя уже сама заговаривала со мной. Я не видел существа более подвижного. Ни одно мгновение она не сидела смирно; вставала, убегала в дом и прибегала снова, напевала вполголоса, часто смеялась, и престранным образом: казалось, она смеялась не тому, что слышала, а разным мыслям, приходившим ей в голову. Ее большие глаза глядели прямо, светло, смело, но иногда веки ее слегка щурились, и тогда взор ее внезапно становился глубок и нежен.

Мы проболтали часа два. День давно погас, и вечер, сперва весь огнистый, потом ясный и алый, потом бледный и смутный, тихо таял и переливался в ночь, а беседа наша

все продолжалась, мирная и кроткая, как воздух, окружавший нас. Гагин велел принести бутылку рейнвейна; мы ее распили не спеша. Музыка по-прежнему долетала до нас, звуки ее казались слаще и нежнее; огни зажглись в городе и над рекою. Ася вдруг опустила голову, так что кудри ей на глаза упали, замолкла и вздохнула, а потом сказала нам, что хочет спать, и ушла в дом; однако я видел, как она, не зажигая свечи, долго стояла за нераскрытым окном. Наконец, луна встала и заиграла по Рейну; все осветилось, потемнело, изменилось, даже вино в наших граненых стаканах заблестело таинственным блеском. Ветер упал, точно крылья сложил, и замер; ночным, душистым теплом повеяло от земли.

— Пора! — воскликнул я, — а то, пожалуй, перевозчика не сыщешь.

— Пора, — повторил Гагин.

Мы пошли вниз по тропинке. Камни вдруг посыпались за нами: это Ася нас догоняла.

— Ты разве не спишь? — спросил ее брат, но она, не ответив ему ни слова, пробежала мимо.

Последние умирающие плошки, зажженные студентами в саду гостиницы, освещали снизу листья деревьев, что придавало им праздничный и фантастический вид. Мы нашли Асю у берега: она разговаривала с перевозчиком. Я прыгнул в лодку и простился с новыми моими друзьями. Гагин обещал навестить меня на следующий день; я пожал его руку и протянул свою Асе; но она только посмотрела на меня и покачала головой. Лодка отчалила и понеслась по быстрой реке. Первозчик, бодрый старик, с напряжением погружал весла в темную воду.

— Вы в лунный столб въехали, вы его разбили, — кричала мне Ася.

Я опустил глаза; вокруг лодки, чернея, колыхались волны.

— Прощайте! — раздался опять ее голос.

— До завтра, — проговорил за нею Гагин.

Лодка причалила. Я вышел и оглянулся. Никого уж не было видно на противоположном берегу. Лунный столб опять тянулся золотым мостом через всю реку. словно на прощание примчались звуки старинного лансеровского вальса. Гагин был прав: я почувствовал, что все струны моего сердца задрожали в ответ на те заискивающие напевы. Я отправился домой через потемневшие поля, медленно вдыхая пахучий воздух, и пришел в свою комнату весь разнеженный сладостным томлением беспредметных и бесконечных ожиданий. Я чувствовал себя счастливым... Но отчего я был счастлив? Я ничего не желал, я ни о чем не думал... Я был счастлив.

Чуть не смеясь от избытка приятных и игривых чувств, я нырнул в постель и уже закрыл было глаза, как вдруг мне пришло на ум, что в течение вечера я ни разу не вспомнил о моей жестокой красавице... «Что же это значит? — спросил я самого себя. — Разве я не влюблен?» Но, задав себе этот вопрос, я, кажется, немедленно заснул, как дитя в колыбели.<...>

1. Почему герои считают, что девушке больше подходит имя Ася?
2. Почему Н. почувствовал себя счастливым?
3. Опишите ночной Рейн.
4. Чем привлекает городок З. Гагиных и главного героя?

Прочитайте несколько глав повести самостоятельно. Разобраться в тексте вам помогут вопросы и подсказки кота Мурра.

Вопросы к главам III—VII

III—IV

1. Как вы относитесь к Асе?
2. Что дает повод герою сомневаться в том, что Ася Гагину сестра?
3. Что рассердило героя и пробудило в нем «горькое и жгучее волнение»?

V

1. Как изменилась Ася?
2. Рассмотрите картину Рафаэля «Триумф Галатеи». Почему герой сравнивает Асю с античной нимфой?

«Конечно, мой умный и образованный читатель без труда отыщет в Интернете эту картину Рафаэля. Ведь теперь так просто это сделать в любой поисковой системе. Я уже в начале книги рассказывал вам об этом. Стоит набрать ключевые слова, например:

Рафаэль. «Триумф Галатеи». Изображение,

и — о чудо! — перед вами творение гения».

VII

1. В чем, по-вашему, проявлялась Асина «игра» в Доротею?
2. Что чувствует к Асе главный герой?
3. Почему он отправляется в путешествие?

VIII

Гагин встретил меня по-приятельски, осыпал меня ласковыми упреками; но Ася, точно нарочно, как только увидела меня, расхохоталась без всякого повода и, по своей привычке, тотчас убежала. Гагин смутился, пробормотал ей вслед, что она сумасшедшая, попросил меня извинить ее. Признаюсь, мне стало очень досадно за Асю; уж и без того мне было не по себе, а тут опять этот неестественный смех, эти странные ужимки. Я, однако, показал вид, будто ничего не заметил, и сообщил Гагину подробности моего небольшого путешествия. Он рассказал мне, что делал, когда я отсутствовал. Но речи наши не клеились; Ася входила в комнату и убегала снова; я объявил наконец, что у меня есть спешная работа и что мне пора вернуться домой. Гагин сперва удерживал меня, потом, посмотрев на меня пристально, вызвался провожать меня. В передней Ася вдруг подошла ко мне и протянула мне руку; я слегка пожал ее пальцы и едва поклонился ей. Мы вместе с Гагиным переправились через Рейн и, проходя мимо любимого моего ясеня с статуей-кой мадонны, присели на скамью, чтобы полюбоваться видом. Замечательный разговор произошел тут между нами.

Сперва мы перекинулись несколькими словами, потом замолкли, глядя на светлую реку.

— Скажите, — заговорил вдруг Гагин, со своей обычной улыбкой, — какого вы мнения об Асе? Не правда ли, она должна казаться вам немного странной?

— Да, — ответил я не без некоторого недоумения. Я не ожидал, что он заговорит о ней.

— Ее надо хорошенько узнать, чтобы о ней судить, — промолвил он, — у ней сердце очень доброе, но голова бедовая. Трудно с ней ладить. Впрочем, ее нельзя винить, и если б вы знали ее историю...

— Ее историю? — перебил я, — разве она не ваша...

Гагин взглянул на меня.

— Уж не думаете ли вы, что она не сестра мне?.. Нет, — продолжал он, не обращая внимания на мое замешательство, — она точно мне сестра, она дочь моего отца. Выслушайте меня. Я чувствую к вам доверие и расскажу вам все.

Отец мой был человек весьма добрый, умный, образованный — и несчастливый. Он женился рано, по любви; жена его, моя мать, умерла очень скоро; я остался после нее

шести месяцев. Отец увез меня в деревню и целые двенадцать лет не выезжал никуда. Он сам занимался моим воспитанием и никогда бы со мной не расстался, если б брат его, мой родной дядя, не заехал к нам в деревню. Дядя этот жил постоянно в Петербурге и занимал довольно важное место. Он уговорил отца отдать меня к нему на руки, так как отец ни за что не соглашался покинуть деревню. Дядя представил ему, что мальчику моих лет вредно жить в совершенном уединении, что с таким вечно унылым и молчаливым наставником, каков был мой отец, я непременно отстану от моих сверстников, да и самый нрав мой легко может испортиться. Отец долго противился увещаниям своего брата, однако уступил, наконец. Я плакал, расставаясь с отцом; я любил его, хотя никогда не видел улыбки на лице его... но попавши в Петербург, скоро позабыл наше темное и невеселое гнездо. Я поступил в юнкерскую школу, а из школы перешел в гвардейский полк. Каждый год приезжал я в деревню на несколько недель и с каждым годом находил моего отца все более и более грустным, в себя углубленным, задумчивым до робости. Он каждый день ходил в церковь и почти разучился говорить. В одно из моих посещений (мне уже было лет двадцать с лишком) я в первый раз увидал у нас в доме худенькую черноглазую девочку лет десяти — Асю. Отец сказал, что она сирота и взята им на прокормление — он именно так выразился. Я не обратил особенного внимания на нее; она была дика, проворна и молчалива, как зверек, и как только я входил в любимую комнату моего отца, огромную и мрачную комнату, где скончалась моя мать и где даже днем зажигались свечи, она тотчас пряталась за вольтеровское кресло его или за шкаф с книгами.

Случилось так, что в последовавшие за тем три, четыре года обязанности службы помешали мне побывать в деревне. Я получал от отца ежемесячно по короткому письму; об Асе он упоминал редко, и то вскользь. Ему было уже за пятьдесят лет, но он казался еще молодым человеком. Представьте же мой ужас: вдруг я, ничего не подозревавший, получаю от приказчика письмо, в котором он меня извещает о смертельной болезни моего отца и умоляет приехать как можно скорее, если хочу проститься с ним. Я поскакал сломя голову и застал отца в живых, но уже при последнем издыхании. Он обрадовался мне чрезвычайно, обнял меня своими исхудалыми руками, долго поглядел мне в глаза каким-то не то испытующим, не то умоляющим взором, и, взяв с меня слово, что я исполню его последнюю просьбу, велел своему старому камердинеру привести Асю. Старик привел ее: она едва держалась на ногах и дрожала всем телом.

— Вот, — сказал мне с усилием отец, — завещаю тебе мою дочь — твою сестру. Ты все узнаешь от Якова, — прибавил он, указав на камердинера.

Ася зарыдала и упала лицом на кровать... Полчаса спустя мой отец скончался.

Вот что я узнал. Ася была дочь моего отца и бывшей горничной моей матери, Татьяны. Живо я помню эту Татьяну, помню ее высокую стройную фигуру, ее благообразное, строгое, умное лицо с большими темными глазами. Она слыла девушкой гордой и неприступной. Сколько я мог понять из почтительных недомолвок Якова, отец мой сошелся с нею несколько лет спустя после смерти матушки. Татьяна уже не жила тогда в господском доме, а в избе у замужней сестры своей, скотницы. Отец мой сильно к ней привязался и после моего отъезда из деревни хотел даже жениться на ней, но она сама не согласилась быть его женой, несмотря на его просьбы.

— Покойница Татьяна Васильевна, — так докладывал мне Яков, стоя у двери с закинутыми назад руками, — во всем были рассудительны и не захотели батюшку вашего обидеть. Что, мол, я вам за жена? какая я барыня? Так они говорить изволили, при мне говорили-с.

Татьяна даже не хотела переселиться к нам в дом и продолжала жить у своей сестры, вместе с Асей. В детстве я видывал Татьяну только по праздникам, в церкви. Появляющаяся темным платком, с желтой шалью на плечах, она становилась в толпе, возле окна, — ее строгий профиль четко вырезался на прозрачном стекле, — и смиренно и важно молилась, кланяясь низко, по-старинному. Когда дядя увез меня, Асе было всего два года, а на девятом году она лишилась матери.

Как только Татьяна умерла, отец взял Асю к себе в дом. Он и прежде изъявлял желание иметь ее при себе, но Татьяна ему и в этом отказала. Представьте же себе, что должно было произойти в Асе, когда ее взяли к барину. Она до сих пор не может забыть ту минуту, когда ей в первый раз надели шелковое платье и поцеловали у ней ручку. Мать, пока была жива, держала ее очень строго; у отца она пользовалась совершенной свободой. Он был ее учителем; кроме него, она никого не видала. Он не баловал ее, то есть не нянчился с нею; но он любил ее страстно и никогда ничего ей не запрещал: он в душе считал себя перед ней виноватым. Ася скоро поняла, что она главное лицо в доме, она знала, что барин ее отец; но она также скоро поняла свое ложное положение; самолюбие развилось в ней сильно, недоверчивость тоже; дурные привычки укоренились, простота исчезла. Она хотела (она сама мне раз призналась в этом) заставить целый мир забыть ее проис-

хождение; она и стыдилась своей матери, и стыдилась своего стыда, и гордилась ею. Вы видите, что она многое знала и знает, чего не должно бы знать в ее годы... Но разве она виновата? Молодые силы разыгрывались в ней, кровь кипела, а вблизи ни одной руки, которая бы ее направила. Полная независимость во всем! да разве легко ее вынести? Она хотела быть не хуже других барышень; она бросилась на книги. Что тут могло выйти путного? Неправильно начатая жизнь слагалась неправильно, но сердце в ней не испортилось, ум уцелел.

И вот я, двадцатилетний малый, очутился с тринадцатилетней девочкой на руках! В первые дни после смерти отца, при одном звуке моего голоса, ее била лихорадка, ласки мои повергали ее в тоску, только понемногу, исподволь, привыкла она ко мне. Правда, потом, когда она убедилась, что я точно признаю ее за сестру и полюбил ее, как сестру, она страстно ко мне привязалась: у ней ни одно чувство не бывает вполнину. Я привез ее в Петербург. Как мне ни больно было с ней расстаться, — жить с ней вместе я никак не мог; я поместил ее в один из лучших пансионеров. Ася поняла необходимость нашей разлуки, но начала с того, что заболела и чуть не умерла.

Потом она обтерпелась и выжила в пансионе четыре года; но, против моих ожиданий, осталась почти таковою же, как была прежде. Начальница пансиона часто жаловалась мне на нее. «И наказать ее нельзя, — говаривала она мне, — и на ласку она не поддается». Ася была чрезвычайно понятлива, училась прекрасно, лучше всех; но никак не хотела подойти под общий уровень, упрямилась, глядела буквой... Я не мог слишком винить ее: в ее положении ей надо было либо прислуживаться, либо дичиться. Изю всех подруг она сошлась только с одной, некрасивой, загнанной и бедной девушкой. Остальные барышни, с которыми она воспитывалась, большей частью из хороших фамилий, не любили ее, язвили ее и кололи, как только могли; Ася им на волос не уступала. Однажды на уроке из закона Божия преподаватель заговорил о пороках. «Лесть и трусость — самые дурные пороки», — громко промолвила Ася. Словом, она продолжала идти своей дорогой; только манеры ее стали лучше, хотя и в этом отношении она, кажется, не много успела.

Наконец ей минуло семнадцать лет; оставаться ей долее в пансионе было невозможно. Я находился в довольно большом затруднении. Вдруг мне пришла благая мысль: выйти в отставку, поехать за границу на год или на два и взять Асю с собой. Задумано — сделано; и вот мы с ней на берегах Рейна, где я стараюсь заниматься живописью, а она... шалит и чудит по-прежнему. Но теперь я надеюсь, что вы

не станете судить ее слишком строго; а она хоть и притворяется, что ей все нипочем, — мнением каждого дорожит, вашим же мнением в особенности.

И Гагин опять улыбнулся своей тихой улыбкой. Я крепко стиснул ему руку.

— Все так, — заговорил опять Гагин, — но с нею мне беда. Порох она настоящий. До сих пор ей никто не нравился, но беда, если она кого полюбит! Я иногда не знаю, как с ней быть. На днях она что вздумала: начала вдруг уверять меня, что я к ней стал холоднее прежнего и что она одного меня любит и век будет меня одного любить... И при этом так расплакалась...

— Так вот что... — промолвил было я и прикусил язык.

— А скажите-ка мне, — спросил я Гагина: дело между нами пошло на откровенность, — неужели в самом деле ей до сих пор никто не нравился? В Петербурге видела же она молодых людей?

— Они-то ей и не нравились вовсе. Нет, Асе нужен герой, необыкновенный человек — или живописный пастух в горном ущелье. А впрочем, я заболтался с вами, задержал вас, — прибавил он, вставая.

— Послушайте, — начал я, — пойдете к вам, мне домой не хочется.

— А работа ваша?

Я ничего не ответил; Гагин добродушно усмехнулся, и мы вернулись в Л. Увидев знакомый виноградник и белый домик на верху горы, я почувствовал какую-то сладость — именно сладость на сердце. Мне стало легко после гагинского рассказа.

1. Почему герою сначала неприятно общество Гагиных, а потом он возвращается, чувствуя «сладость на сердце»?
2. Как изменилось ваше отношение к героине после рассказа Гагина?

IX

Ася встретила нас на самом пороге дома; я снова ожидал смеха; но она вышла к нам вся бледная, молчаливая, с потупленными глазами.

— Вот он опять, — заговорил Гагин, — и, заметь, сам захотел вернуться.

Ася впрямительно посмотрела на меня. Я в свою очередь протянул ей руку и на этот раз крепко пожал ее холодные пальчики. Мне стало очень жаль ее; теперь я многое понимал в ней, что прежде сбивало меня с толку: ее

внутреннее беспокойство, неуменье держать себя, желание порисоваться — все мне стало ясно. Я понял, почему эта странная девочка меня привлекала; не одной только полудикой прелестью, разлитой по всему ее тонкому телу, привлекала она меня: ее душа мне нравилась.

Гагин начал копаться в своих рисунках; я предложил Асе погулять со мной по винограднику. Она тотчас согласилась, с веселой и почти покорной готовностью. Мы спустились до половины горы и присели на широкую плиту.

— И вам не скучно было без нас? — начала Ася.

— А вам без меня было скучно? — спросил я.

Ася взглянула на меня сбоку.

— Да, — ответила она. — Хорошо в горах? — продолжала она тотчас, — они высоки? Выше облаков? Расскажите мне, что вы видели. Вы рассказывали брату, но я ничего не слыхала.

— Вольно ж было вам уходить, заметил я.

— Я уходила... потому что... Я теперь вот не уйду, — прибавила она с доверчивой лаской в голосе, — вы сегодня были сердиты.

— Я?

— Вы.

— Отчего же, помилуйте...

— Не знаю, но вы были сердиты и ушли сердитыми. Мне было очень досадно, что вы так ушли, и я рада, что вы вернулись.

— И я рад, что вернулся, — промолвил я.

Ася повела плечами, как это часто делают дети, когда им хорошо.

— О, я умею отгадывать! — продолжала она, — бывало, я по одному папашиному кашлю из другой комнаты узнавала, доволен ли он мной или нет.

До этого дня Ася ни разу не говорила мне о своем отце. Меня это поразило.

— Вы любили вашего батюшку? — проговорил я и вдруг, к великой моей досаде, почувствовал, что краснею.

Она ничего не отвечала и покраснела тоже. Мы оба замолкли. Вдали по Рейну бежал и дымился пароход. Мы принялись глядеть на него.

— Что же вы не рассказываете? — прошептала Ася.

— Отчего вы сегодня рассмеялись, как только увидели меня? — спросил я.

— Сама не знаю. Иногда мне хочется плакать, а я смеюсь. Вы не должны судить меня... по тому, что я делаю. Ах, кстати, что это за сказка о Лорелее? Ведь это ее скала виднеется? Говорят, она прежде всех топила, а как полюбила, сама бросилась в воду. Мне нравится эта сказка. Фрау

Луизе мне всякие сказки рассказывает. У фрау Луизе есть черный кот с желтыми глазами...

Ася подняла голову и встряхнула кудрями.

— Ах, мне хорошо, — проговорила она.

В это мгновение до нас долетели отрывочные, однообразные звуки. Сотни голосов разом и с мерными остановками повторяли молитвенный напев: толпа богомольцев тянулась внизу по дороге с крестами и хоругвями...

— Вот бы пойти с ними, — сказала Ася, прислушиваясь к постепенно ослабевавшим взрывам голосов.

— Разве вы так набожны?

— Пойти куда-нибудь далеко, на молитву, на трудный подвиг, — продолжала она. — А то дни уходят, жизнь уходит, а что мы сделали?

— Вы честолюбивы, — заметил я, — вы хотите прожить не даром, след за собой оставить...

— А разве это невозможно?

«Невозможно», — чуть было не повторил я... Но я взглянул в ее светлые глаза и только промолвил:

— Попробуйте.

— Скажите, — заговорила Ася после небольшого молчания, в течение которого какие-то тени пробежали у ней по лицу, уже успевшему побледнеть, — вам очень нравилась та дама... Вы помните, брат пил за ее здоровье в развалине, на второй день нашего знакомства?

Я засмеялся.

— Ваш брат шутил; мне ни одна дама не нравилась; по крайней мере теперь ни одна не нравится.

— А что вам нравится в женщинах? — спросила Ася, закинув голову с невинным любопытством.

— Какой странный вопрос! — воскликнул я.

Ася слегка смутилась.

— Я не должна была сделать вам такой вопрос, не правда ли? Извините меня, я привыкла болтать все, что мне в голову входит. Оттого-то и я боюсь говорить.

— Говорите, ради Бога, не бойтесь, — подхватил я, — я так рад, что вы наконец перестаете дичиться.

Ася опустила глаза и засмеялась тихим и легким смехом; я не знал за ней такого смеха.

— Ну, рассказывайте же, — продолжала она, разглаживая полы своего платья и укладывая их себе на ноги, точно она усаживалась надолго, — рассказывайте или прочитайте что-нибудь, как, помните, вы нам читали из «Онегина»...

Она вдруг задумалась...

Где нынче крест и тень ветвей

Над бедной матерью моей! —

проговорила она вполголоса.

— У Пушкина не так, — заметил я.

— А я хотела бы быть Татьяной, — продолжала она все так же задумчиво. — Рассказывайте, — подхватила она с живостью.

Но мне было не до рассказов. Я глядел на нее, всю облитую ясным солнечным лучом, всю успокоенную и кроткую. Все радостно сияло вокруг нас, внизу, над нами — небо, земля и воды; самый воздух, казалось, был насыщен блеском.

— Посмотрите, как хорошо! — сказал я, невольно понизив голос.

— Да, хорошо! — так же тихо отвечала она, не смотря на меня. — Если бы мы с вами были птицы, — как бы мы взвились, как бы полетели... Так бы и утонули в этой синеве... Но мы не птицы.

— А крылья могут у нас вырасти, — возразил я.

— Как?

— Поживите — узнаете. Есть чувства, которые поднимают нас от земли. Не беспокойтесь, у вас будут крылья.

— А у вас были?

— Как вам сказать... Кажется, до сих пор я еще не летал.

Ася опять задумалась. Я слегка наклонился к ней.

— Умеете вы вальсировать? — спросила она вдруг.

— Умею, — ответил я, несколько озадаченный.

— Так пойдете, пойдете... Я попрошу брата сыграть нам вальс... Мы вообразим, что мы летаем, что у нас выросли крылья.

Она побежала к дому. Я побежал вслед за нею — и несколько мгновений спустя мы кружились в тесной комнате, под сладкие звуки Ланнера. Ася вальсировала прекрасно, с увлечением. Что-то мягкое, женское проступило вдруг сквозь ее девически строгий облик. Долго потом рука моя чувствовала прикосновение ее нежного стана, долго слышалась мне ее ускоренное, близкое дыхание, долго мерещились темные, неподвижные, почти закрытые глаза на бледном, но оживленном лице, резво обвеянном кудрями.<...>

1. Почему Асе одновременно хочется идти с богомольцами «на молитву, на трудный подвиг» и быть пушкинской Татьяной?
2. Отчего, по-вашему, у человека могут вырасти крылья?
3. Нравится ли вам легенда о Лорелее? Что нравится в ней Асе?
4. В чем разница в отношении к жизни героя и героини?

Вопросы к главам X—XV

X

1. Сравните переезд героя через Рейн в главах II и X. Что так изменило его чувства?

XI

1. Как вы считаете, в чем проявляется диссонанс чувств героев? Опишите портрет Аси, когда она говорит: «Крылья у меня выросли — да лететь некуда».

XIII — XIV

1. Что было для вас неожиданным в главах XIII—XIV?
2. Почему герой показывает записку Аси брату?

XV

1. Как связаны эпизод с Ганхен и история героев?
2. Почему герой принимает такое решение: «Я не могу на ней жениться... она не узнает, что и я полюбил ее»?

XVI

В небольшой комнате, куда я вошел, было довольно темно, и я не тотчас увидел Асю. Закутанная в длинную шаль, она сидела на стуле возле окна, отвернув и почти спрятав голову, как испуганная птичка. Она дышала быстро и вся дрожала. Мне стало несказанно жалко ее. Я подошел к ней. Она еще больше отвернула голову...

— Анна Николаевна, — сказал я.

Она вдруг вся выпрямилась, хотела взглянуть на меня — и не могла. Я схватил ее руку, она была холодна и лежала, как мертвая, на моей ладони.

— Я желала... — начала Ася, стараясь улыбнуться, но ее бледные губы не слушались ее, — я хотела... Нет, не могу, — проговорила она и умолкла. Действительно, голос ее прерывался на каждом слове.

Я сел подле нее.

— Анна Николаевна, — повторил я и тоже не мог ничего прибавить.

Настало молчание. Я продолжал держать ее руку и глядел на нее. Она по-прежнему вся сжималась, дышала с трудом и тихонько покусывала нижнюю губу, чтобы не заплакать, чтобы удержать налипавшие слезы... Я глядел на нее; было что-то трогательно-беспомощное в ее робкой неподвижности: точно она от усталости едва добралась до стула и так и упала на него. Сердце во мне растаяло...

— Ася, — сказал я чуть слышно...

Она медленно подняла на меня свои глаза... О, взгляд женщины, которая полюбила, — кто тебя опишет? Они молили, эти глаза, они доверялись, вопрошали, отдавались... Я не мог противиться их обаянию. Тонкий огонь пробежал по мне жгучими иглами, я нагнулся и приник к ее руке...

Послышался трепетный звук, похожий на прерывистый вздох, и я почувствовал на моих волосах прикосновение слабой, как лист, дрожавшей руки. Я поднял голову и увидел ее лицо. Как оно вдруг преобразилось! Выражение страха исчезло с него, взор ушел куда-то далеко и увлекал меня за собою, губы слегка раскрылись, лоб побледнел как мрамор, и кудри отодвинулись назад, как будто ветер их откинул. Я забыл все, я потянул ее к себе — покорно повиновалась ее рука, все тело ее повлеклось вслед за рукою, шаль покатила с плеч, и голова ее тихо легла на мою грудь, легла под мои загоревшиеся губы...

— Ваша... — прошептала она чуть слышно.

Уже руки мои скользили вокруг ее стана... Но вдруг воспоминание о Гагине, как молния, меня озарило.

— Что мы делаем!.. — воскликнул я и судорожно отодвинулся назад. — Ваш брат... ведь он все знает... Он знает, что я вижусь с вами.

Ася опустилась на стул.

— Да, — продолжал я, вставая и отходя в другой угол комнаты. — Ваш брат все знает... Я должен был ему все сказать.

— Должны? — проговорила она невнятно. Она, видимо, не могла еще прийти в себя и плохо меня понимала.

— Да, да, — повторил я с каким-то ожесточением, — и в этом вы одни виноваты, вы одни. Зачем вы сами выдали вашу тайну? Кто заставлял вас все высказать вашему брату? Он сегодня был сам у меня и передал мне ваш разговор с ним. — Я старался не глядеть на Асю и ходил большими шагами по комнате. — Теперь все пропало, все, все.

Ася поднялась было со стула.

— Оставайтесь, — воскликнул я, — оставайтесь, прошу вас. Вы имеете дело с честным человеком, — да, с честным человеком. Но, ради Бога, что взволновало вас? Разве вы заметили во мне какую перемену? А я не мог скрываться перед вашим братом, когда он пришел сегодня ко мне.

«Что я такое говорю?» — думал я про себя, и мысль, что я безнравственный обманщик, что Гагин знает о нашем свидании, что все искажено, обнаружено, — так и звенела у меня в голове.

— Я не звала брата, — послышался испуганный шепот Аси, — он пришел сам.

— Посмотрите же, что вы наделали, — продолжал я. — Теперь вы хотите уехать...

— Да, я должна уехать, — так же тихо проговорила она, — я и попросила вас сюда для того только, чтобы проститься с вами.

— И вы думаете, — возразил я, — мне будет легко с вами расстаться?

— Но зачем же вы сказали брату? — с недоумением повторила Ася.

— Я вам говорю — я не мог поступить иначе. Если бы вы сами не выдали себя...

— Я заперлась в моей комнате, — возразила она просто-душно, — я не знала, что у моей хозяйки был другой ключ...

Это невинное извинение, в ее устах, в такую минуту — меня тогда чуть не рассердило... а теперь я без умиления не могу его вспомнить. Бедное, честное, искреннее дитя!

— И вот теперь все кончено! — начал я снова. — Все. Теперь нам должно расстаться. — Я украдкой взглянул на Асю... лицо ее быстро покраснело. Ей, я это чувствовал, и стыдно становилось и страшно. Я сам ходил и говорил как в лихорадке. — Вы не дали развиться чувству, которое начинало созревать, вы сами разорвали нашу связь, вы не имели ко мне доверия, вы усомнились во мне...

Пока я говорю, Ася все больше и больше наклонялась вперед — и вдруг упала на колени, уронила голову на руки и зарыдала. Я подбежал к ней, пытался поднять ее, но она мне не давалась. Я не выношу женских слез: при виде их я теряюсь тотчас.

— Анна Николаевна, Ася, — твердил я, — пожалуйста, умоляю вас, ради Бога, перестаньте... — Я снова взял ее за руку...

Но, к величайшему моему изумлению, она вдруг вскочила — с быстротою молнии бросилась к двери и исчезла...

Когда несколько минут спустя фрау Луизе вошла в комнату — я все еще стоял по самой середине ее, уж точно как громом пораженный. Я не понимал, как могло это свидание так быстро, так глупо кончиться — кончиться, когда я и сотой доли не сказал того, что хотел, что должен был сказать, когда я еще сам не знал, чем оно разрешится...

— Фрейлейн ушла? — спросила меня фрау Луизе, приподняв свои желтые брови до самой накладки.

Я посмотрел на нее как дурак — и вышел вон.<...>

1. Почему герой сначала обнимает Асю, а потом отталкивает ее?
2. Зачем в финале сцены появляется фрау Луизе?

Быстро взбираясь по тропинке виноградника, я увидел свет в комнате Аси... Это меня несколько успокоило.

Я подошел к дому; дверь внизу была заперта, я постучался. Неосвещенное окошко в нижнем этаже осторожно отворилось, и показалась голова Гагина.

— Нашли? — спросил я его.

— Она вернулась, — ответил он мне шепотом, — она в своей комнате и раздевается. Все в порядке.

— Слава Богу! — воскликнул я с несказанным порывом радости, — слава Богу! Теперь все прекрасно. Но вы знаете, мы должны еще переговорить.

— В другое время, — возразил он, тихо потянув к себе раму, — в другое время, а теперь прощайте.

— До завтра, — сказал я, — завтра все будет решено.

— Прощайте, — повторил Гагин. Окно затворилось.

Я чуть было не постучал в окно. Я хотел тогда же сказать Гагину, что я прошу руки его сестры. Но такое сватанье в такую пору... «До завтра, — подумал я, — завтра я буду счастлив...»

Завтра я буду счастлив! У счастья нет завтрашнего дня; у него нет и вчерашнего; оно не помнит прошедшего, не думает о будущем; у него есть настоящее — и то не день, а мгновенье.

Я не помню, как я дошел до З. Не ноги меня несли, не лодка меня везла: меня поднимали какие-то широкие, сильные крылья. Я прошел мимо куста, где пел соловей, я остановился и долго слушал: мне казалось, он пел мою любовь и мое счастье.

Что вновь переменяло чувство героя?

Вопросы к главе XXI

1. Почему герой не утешился, как Ганхен?
2. Кому вы больше сочувствуете: Асе или главному герою?
3. Н. А. Некрасов, в журнале которого была впервые опубликована «Ася», считал, что повесть И. С. Тургенева — «чистое золото поэзии... что-то небывалое... по красоте и чистоте...». Только сцена свидания не нравилась Н. А. Некрасову «ненужной грубостью». По мнению популярного и авторитетного критика Н. Г. Чернышевского, сцена свидания ставит все на свои места, обнаруживая, что главный герой — «дрянное отъ-

явленного негодяя». «Кто сочувствует Асе, тот должен радоваться тяжелой возмутительной сцене. Сочувствующий Асе совершенно прав: он избрал предметом своих симпатий существо зависимое, существо оскорбляемое».

Кто, по вашему мнению, справедливее в оценке характеров героев и повести?

4. Видели ли вы, как танцуют вальс? Может быть, вы сами умеете его танцевать? Чем отличается вальс от других танцев?
5. Сравните описание дома Гагиных в главах II и XXI. Что изменилось в характерах героев и в обстановке? Как эти изменения связаны с сюжетом повести?
6. К каким эпизодам вы хотели бы нарисовать иллюстрации? Опишите одну из них.

Макулатурные листы

Творческие задания

Литературное творчество

Музыка и лирика

Вы уже знакомы со многими произведениями А. С. Пушкина. Мы предлагаем вам написать сочинение о романсе «Я здесь, Инезилья...», созданном современником А. С. Пушкина — Михаилом Ивановичем Глинкой на стихотворение поэта.

В сочинении на тему «Музыка и лирика. „Я здесь, Инезилья...“» постарайтесь отразить изменение вашего впечатления от восприятия произведений разных видов искусств, в данном случае музыкального и литературного, показать свое отношение к герою этих произведений, а также уви-

деть, где перекликаются, а где различаются отношения авторов к своему герою. Вопросы к каждому произведению помогут вам в работе.

Александр Сергеевич Пушкин

* * *

Я здесь, Инезилья,
Я здесь под окном.
Объята Севилья
И мраком и сном.

Исполнен отвагой,
Окутан плащом,
С гитарой и шпагой
Я здесь под окном.

Ты спишь ли? Гитарой
Тебя разбуджу.
Проснется ли старый,
Мечом уложу.

Шелковые петли
К окошку привесь...
Что медлишь?.. уж нет ли
Соперника здесь?

Я здесь, Инезилья,
Я здесь под окном.
Объята Севилья
И мраком и сном.

Вопросы для размышления

1. С каким чувством вы прочитаете это стихотворение вслух? Составьте партитуру чувств для выразительного чтения.
2. Какие строфы или строчки объединены одинаковыми чувствами? В какой строфе самая сложная палитра чувств?
3. Каким вы видите героя произведения? Как вы представляете окно дома, под которым он стоит?
4. Почему поэт повторяет первую строфу?

Романс М. И. Глинки
«Я здесь, Инезилья...»

1. С какими чувствами вы бы предложили исполнителю спеть это произведение? Определите главный тон исполнения для каждой строфы.
2. Почему в мелодии средней части (строфы III и IV) самый причудливый ритм, акценты, яркие гармонические сочетания?
3. Как раскрывает отношение композитора к герою музыка строк «Что медлишь?..» и «...уж нет ли / Соперника здесь?»?
4. Почему композитор повторяет не только первую, но и вторую строфу стихотворения?
5. В чем перекликаются интонации поэтического и музыкального произведений?
6. Одинаково ли относятся к своему герою поэт и композитор?

Фильм Ф. Дзеффирелли «Ромео и Джульетта»

«Шекспир — это самый
большой друг юности».
Франко Дзеффирелли

Мы предлагаем вам посмотреть фильм итальянского режиссера Франко Дзеффирелли «Ромео и Джульетта» (1968). Он так говорил о своем замысле:

«В моем понимании трагедия молодой любви, действенность чувства делает проблему живой для молодых людей. О них много говорят сегодня, однако никто не помогает им по-настоящему обрести веру в себя. Шекспир — это самый большой друг юности. Никто, по моему мнению, не создал столь свежего произведения, как „Ромео и Джульетта“».

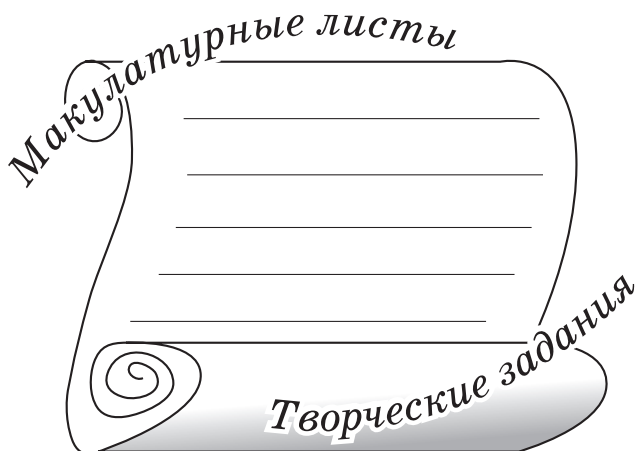
В главных ролях: *Леонард Уайтинг* (Ромео) и *Оливия Хасси* (Джульетта). Актерам почти столько же лет, сколько героям Шекспира: Леонарду Уайтингу 17, а Оливии Хасси 15, в жизни они стали первой любовью друг друга. Роль Меркуцио сыграл *Джон Мак Энери*, роль Тибальта — *Майкл Йорк*, кормилицу Джульетты — *Пэт Хейвуд*. В фильме звучит волшебная музыка *Нино Рото*. Знаменитая песня «What is a youth?»¹ сопровождает рождение любви героев. Появившись на экранах, фильм вызвал много восторгов и споров. Скандальной казалась критикам сцена пробуждения молодоженов. Дзеффирелли отвечал на это:

«Если вы приходите в музей, то разве отворачиваете голову от нагой живописи? Это был мальчик с обнаженной спиной, в его пер-

¹ «Что такое юность?»

вой и единственной любовной сцене с девочкой, на которой он женился. Это был памятник целомудрию и красоте физической любви. Я не вижу, что можно возразить против этого».

Однако споры о достоинствах фильма не прекращаются и поныне. Новые постановки дают им пищу и продолжение. В самом деле, как создать такой фильм, чтобы он был современен, но не упрощал и не искажал замысел Шекспира? Возможно ли это?

Литературное творчество

Рецензия

Сравнение двух поединков: дуэли Меркуцио и Тибальта и поединка Тибальта и Ромео

Слово *рецензия* происходит от латинского *recensio* — рассмотрение. Однокоренные слова со словом *рецензия*: *цензор*, *цензура*, *ценз*. *Цензура*, *цензурный комитет* — целая система, задача которой — решить, возможно ли публиковать произведение. Талантливые русские писатели работали в цензурном комитете: С. Т. Аксаков, Ф. И. Тютчев, И. А. Гончаров. Попробуйте эту новую для вас роль *цензора*.

Рецензия — критический жанр сочинения, в котором дается оценка, краткий отзыв о произведении искусства.

Пока мы не будем браться за такую масштабную работу и ограничимся в анализе рамками эпизода. Однако давайте подумаем, чем *рецензия* отличается от *отзыва*.

Отзыв требует передать личные впечатления (подробнее о том, что такое *отзыв* и как его написать см. на с. 109—110).

Безусловно, и в рецензии наши впечатления играют важную роль. Такими ли мы представляли героев, как увидели их на экране? Что изменил режиссер в произведении? Что помогло вам понять, в чем смысл трагедии?

Однако рецензия — это еще и анализ увиденного и прочитанного. Что же может стать критерием оценки художественного произведения, основой анализа? Это, во-первых, соответствие идеи фильма замыслу В. Шекспира. Вы обсуждали трагедию на уроках литературы, и поэтому у вас есть мнение об авторской позиции драматурга, о конфликте трагедии, о характерах героев произведения.

Второй критерий нашего анализа — язык искусства кино. У кино есть свои законы и особые художественные средства. Это, например, деление на кадры и использование планов изображения: ближнего, среднего, дальнего. Это динамика действия, освещение и звуковое сопровождение сцен и т.д.

Сравните два поединка. В размышлении вам помогут вопросы. Они же могут стать планом для написания рецензии, в который, однако, необходимо включить и личные впечатления как первую часть сочинения.

1. Почему Ромео сначала не хочет биться с Тибальтом, а потом сам вызывает его?
2. Почему Меркуцио вызывает Тибальта?
3. Почему никто не верит, что Меркуцио мертв?
4. Как ведут себя Тибальт и Меркуцио в тот момент, когда их жизни угрожает опасность?
5. Как изменяются Тибальт и Ромео во время поединка?
6. Почему режиссер меняет пространство и освещение, в котором происходит вторая дуэль?
7. Как Ромео убивает Тибальта? Соответствует ли это шекспировскому пониманию характера героя?

Вильям Шекспир и Франческо Петрарка

В. Шекспир и Ф. Петрарка — поэты, стоящие по разные стороны эпохи Возрождения. Петрарка жил в Италии в XIV веке, на заре Ренессанса. Творчество Шекспира (XVI век) связано с кратким периодом расцвета Возрождения в Англии и началом барокко.

Франческо Петрарка родом из Флоренции. С этим городом связано творчество Леонардо да Винчи, Микеланджело, Рафаэля, Данте. Семья Петрарки — потомственные юристы, отец прочил и сы-

ну подобную карьеру. Ф. Петрарка получил хорошее домашнее образование, его родители в это время жили в Авиньоне, на юге Франции. Авиньон был признанной культурной столицей Европы. Ф. Петрарка продолжает образование в болонском университете — лучшем юридическом учебном заведении того времени. Но он не закончил университетский курс и сбежал из Болоньи в Авиньон. Разрушив семейную традицию, Ф. Петрарка стал первым поэтом Италии своего времени и первым лириком эпохи Возрождения. 8 апреля 1341 года, в первый день Пасхи, Ф. Петрарка был увенчан лаврами как величайший поэт современности. Церемония состоялась на Капитолийском холме; в указе Сената Рима о коронации поэта говорилось, что Франческо Петрарка — король «всех образованных людей, поэтов и историков». Короли и ученые, великие мира сего считали за честь беседовать с Ф. Петраркой, даже несколько минут. Его покровитель, король Неаполитанский, подарил Ф. Петрарке пурпурную мантию, подбитую горностаем, — мантию короля. День 8 апреля 1341 года вошел в историю как первый день новой эпохи — эпохи Возрождения.

Лучшие произведения поэта — «Книга песен», посвященная его возлюбленной, мадонне Лауре. Ф. Петрарка увидел Лауру 6 апреля 1327 года в авиньонской церкви Св. Клары. Больше о девушке ничего не известно, мы даже не знаем, была ли она на самом деле. Но любовь Ф. Петрарки была. Возлюбленная никогда не отвечала поэту взаимностью, и он всю жизнь любил безответно и посвящал своей Лауре стихи двадцать лет ее жизни и десять лет после ее смерти. Итальянское имя *Lauro* созвучно слову *листва*, *лавр*, а также *L'aura* может быть переведено как *дыхание*, *дуновенье*.

Сонеты в отличие от многих произведений Ф. Петрарки написаны на итальянском языке. В то время языком искусства и науки была латынь, а итальянский язык считался наречием, необработанным и вульгарным. Ф. Петрарка создал прекрасный и мелодичный язык любви, язык итальянской лирики. Хотя сам он в шутку называл «Книгу песен» «*Rerum vulgarium fragmenta*» — «осколки на просторечии». Отточенная Ф. Петраркой форма сонета стала классической, как и форма сонета шекспировского, о которой вы говорили на уроках.

Сонет разделяется на две части, первая из которых состоит из 8, а вторая из 6 стихов.

Восьмистишие с рифмовкой *abba abba* называется *октавой*, а *шестиистишие* с рифмовкой *cde cde* — *секстетом*.

Позже, уже после смерти Ф. Петрарки, сборник условно разделили на две части: сонеты «На жизнь мадонны Лауры» и сонеты «На смерть мадонны Лауры». Сам же поэт этого разделения не проводил. Между сонетами было несколько листов чистой бумаги. Подумайте, почему Ф. Петрарка не дал названия частям сборника.

Итак, Ф. Петрарку и В. Шекспира разделяют три столетия. Сравните сонет СХVI В. Шекспира «Мешать соединенью двух сердец...» и сонет ССLXXIX Ф. Петрарки «Когда заплачут птицы иль листва/Зашелестит в зеленом своде лета...». Это позволит вам увидеть, как «живет поэзия» во времени, как изменяется представление человека о своем месте в мире.

Подумайте, чем различаются отношения поэтов к любви и к возлюбленной. В размышлении вам помогут ответы на следующие вопросы:

Вопросы для размышления

1. Какие контрасты вы видите в первых строфах стихотворений В. Шекспира и Ф. Петрарки?
2. Как углубляется противоречие во вторых строфах стихотворений?
3. Как вы понимаете слова Ф. Петрарки о своей любви: «В земле сокрыта, в небесах она...»?
4. Как развивается конфликт в сонетах В. Шекспира и Ф. Петрарки?
5. Почему слова любимой Ф. Петрарки оформлены как прямая речь?
6. Разверните метафору последней строфы сонета В. Шекспира:
Любовь — не кукла жалкая в руках
У времени, стирающего розы
На пламенных устах и на щеках,
И не страшны ей времени угрозы.
7. Как разрешается конфликт в последних строфах каждого из сонетов?
8. Как идея любви, выраженная в сонете В. Шекспира, отражает новое представление о человеке, сложившееся в эпоху Возрождения?
9. Какая мелодия могла бы сопровождать оба сонета?

Вильям Шекспир

Перевод С. Я. Маршака

СХVI

Мешать соединенью двух сердец
Я не намерен. Может ли измена
Любви безмерной положить конец?
Любовь не знает убыли и тлена.

Любовь — над бурей поднятый маяк,
Не меркнувший во мраке и тумане.

Любовь — звезда, которую моряк
Определяет место в океане.

Любовь — не кукла жалкая в руках
У времени, стирающего розы
На пламенных устах и на щеках,
И не страшны ей времени угрозы.

А если я не прав и лжет мой стих,
То нет любви — и нет стихов моих!

Ф. Петрарка CCLXXIX

Когда заплачут птицы иль листва
зашелестит в зеленом своде лета,
иль сипло шепчет ясная волна,
цветущей свежестью брегов одета,

сижу, любовью опечален, где-то.
В земле сокрыта, в небесах она,
но вижу, слышу, что еще жива,
и вздох мой ждет далекого ответа.

«Увы, зачем ты изнурен до срока, —
мне с жалостью она, зачем течет
из грустных глаз река, где скорбь жестока?»

Не плачь же обо мне. Мой взгляд живет,
став в смерти вечным: брызнет свет из ока,
когда вопрос из глаз твоих дойдет».

Единство культуры проявляется не только в области мысли, сознания, но и в области художественного образа, даже приема.

Рассмотрите картину Фра Беато Анджелико «Благовещение». Ее легко можно найти в Интернете. Сравните ее с сонетом CLXII Ф. Петрарки «Благорожденные цветы и травы!».

Ф. Петрарка

CLXII

Благорожденные цветы и травы!
Задумчиво мадонна здесь ходила,
и место эхо нежных слов хранило,
следы ее — прекрасных ног оправы.

Прямые деревья, и крон забавы,
и бледная фиалка, что любила,
тенистые леса, куда светила
лучи проникли, стали величавы.

О нежный край! Река чиста, спокойна,
сюда она омыть лицо сходила,
и свет живой вода хранит достойно.

Здесь ваша верность зависть пробудила.
Теперь задышит каждый камень знойно,
так мое пламя вспыхнуть научило.

Найдите в Интернете адрес, который приведет вас к самому первому в Европе и самому знаменитому лирическому дневнику — «Книге песен» Ф. Петрарки. Прочитав эту замечательную книгу, вы сможете постичь всю глубину истинной, возвышенной любви, над которой невластна даже смерть.

Вопросы для размышления

1. Какой новый художественный прием, появившийся одновременно в литературе и в живописи раннего Возрождения, позволяет Ф. Петрарке передать свое восхищение мадонной?
2. Какими средствами поэт создает ощущение присутствия возлюбленной в мире?

Я не могу иначе передать свои мысли о любви и дружбе, как в стихах. Вот они:

— Дружба по свету не рыщет,
А любовь к нам рвется в дом.
Всюду нас любовь отыщет,
Дружбу ищем днем с огнем.

Слышу стоны, слышу вздохи, —
Млеет сердце в томной страсти.
Это мука или счастье —
Жить в любовной суматохе?
Всюду ждут тебя подвохи!

Явь иль сон меня объяли?
Разум смутен, слог напыщен, —
Это вынесешь едва ли.
Ах, на крыше и в подвале —
Всюду нас любовь отыщет!

Но однажды — час настанет, —
Поборов тоску, томленье,
Ты узнаешь исцеленье:
Боль твоя как в воду канет,
Вновь душа здоровой станет!
Лживо кошкино сердечко,
Постоянства нету в нем...
Что в тоске чадить, как свечка?
Лучше с пуделем под печку —
Дружбу ищут днем с огнем!<...>

В комедиях, сонетах и трагедиях В. Шекспир — разный человек и писатель. Самостоятельно прочитайте его комедию «Укрощение строптивой» (мы рекомендуем ее в переводе П. Мелкова). Какой Шекспир будет более близок вам?

В театре «Глобус», для которого писал пьесы В. Шекспир, собиралась самая разная публика: от утонченных аристократов и интеллектуалов до матросов и мелких торговцев. В. Шекспиру в своих комедиях удавалось рассмешить всех, так как его юмору свойственно множество разных оттенков: от балаганного грубого смеха до изысканной игры слов. Какие шутки рассмешат вас? Постарайтесь осмыслить, что вас рассмешило в комедии В. Шекспира.

Как вы понимаете название комедии В. Шекспира «Укрощение строптивой»? Кого обычно *укрощают*? Что означают слова *укрощение* и *строптивая*?

Вильям Шекспир

«Укрощение строптивой»

Вопросы для размышления

Акт I

1. Чем больше Катарину ругают, тем больший интерес она вызывает у Петруччио. «Клянусь душой, веселая девчонка!» — восклицает он, услышав, что Катарина разбила лютюю о голову учителя. Чем объяснить возрастающий интерес Петруччио?
2. Катарину называют *чертовка*, *ведьма*, уверяют, что она *сварлива* и *груба сверх всякой меры*. Насколько справедливы эти обвинения? Кто и почему ее так называет?

Акт II

1. Сцену первой встречи Катарины и Петруччио часто называют «Знакомство». Какое еще название ей можно дать? Обоснуйте свой вариант ответа. Что узнают друг о друге Петруччио и Катарина?
2. Почему не дружат сестры? Что раздражает Катарину в Бьянке?
3. «Она мне покорится! — уверен Петруччио. — Я не юнец безусый, а мужчина». Как понимать эту похвальбу?
4. *Kate* — Катарина.
  - a. *Cat* — кошка.
  - b. *Cates* — сласти.
  - c. «Моя сверхлакомая Кэт», «Кэт-кошечка, «Кэт — лакомый кусочек» называет невесту Петруччио. Что в характере Катарины натолкнуло его на такую игру слов?

Акт III

1. Во что превращает свадьбу Петруччио?
2. Что для него важнее, чем венчание и праздник?

«Укрощение строптивой»

Акт V

1. В основе любого драматического произведения лежит *конфликт*. В комедии все конфликтуют друг с другом. Какой из конфликтов самый важный в комедии В. Шекспира?
2. Действительно ли деньги Катарины притягивают Петруччио?
3. «Мой сокол голоден и раздражен», — говорит о жене Петруччио. Сокол во времена В. Шекспира в быту — драгоценная охотничья птица, в искусстве — символ преданной любви. Что обозначает сравнение Катарины с соколом?
4. Петруччио начинает «укрощение» с того, что игнорирует вопиющие недостатки Катарины. Затем он столь же темпераментно отрицает установления повседневной жизни (еда, сон и т. д. — все это «недостойно» Катарины). И наконец, Петруччио игнорирует основы миропорядка: время он устанавливает сам. Завершено ли «укрощение»? Если завершено, то почему именно в этот момент?
5. Превратилась ли Катарина в «обычную милую домашнюю киску», как предлагал Петруччио? О каком превращении он мечтал?
6. Посмотрите фильмы, снятые по этой комедии В. Шекспира. Художественный фильм режиссера *Ф. Дзеффирелли* вышел на экраны в 1967 году, главные роли в нем сыграли *Элизабет Тейлор* (Катарина) и *Ричард Бертон* (Петруччио). Другой фильм отечественный, он снят *Сергеем Колосовым* в 1961 году. В главных ролях *Людмила Касаткина* и *Андрей Попов*. Подумайте, чем различаются актерские трактовки образов главных героев. Какой вариант ближе вам? Кто ближе к шекспировским персонажам?

Макулатурные листы

Blank lined area for writing, shaped like a scroll.

Творческие задания

Я хочу предложить тебе, о мой просвещенный читатель, увлекательное занятие: прочитать повесть А. С. Пушкина «Барышня-крестьянка» и сравнить ее с пьесой В. Шекспира «Укрощение строптивой».

Подумай, почему у В. Шекспира получилась трагедия, а у А. С. Пушкина — повесть со счастливым концом.

Александр Сергеевич Пушкин Барышня-крестьянка

(Фрагменты)

Во всех ты, душенька, нарядах хороша.

Богданович

В одной из отдаленных наших губерний находилось имение Ивана Петровича Берестова... В молодости своей служил он в гвардии, вышел в отставку в начале 1797 года, уехал в свою деревню, и с тех пор он оттуда не выезжал. Он был женат на бедной дворянке, которая умерла в родах, в то время как он находился в отъезде в поле. Хозяйственные упражнения скоро его утешили. Он выстроил дом по собственному плану, завел у себя суконную фабрику, утроил доходы и стал почитать себя умнейшим человеком во всем околотке, в чем и не прекословили ему соседи, приезжавшие к нему гостить с своими семействами и собаками.<...>

...Вообще его любили, хотя и почитали гордым. Не ладил с ним один Григорий Иванович Муромский, ближайший его сосед. Этот был настоящий русский барин. Промотав в Москве большую часть имения своего и на ту пору овдовев, уехал он в последнюю свою деревню, где продолжал проказничать, но уже в новом роде. Развел он английский сад, на который тратил почти все остальные доходы. Конюхи его были одеты английскими жокеями. У дочери его была мадам англичанка. Поля свои обрабатывал он по английской методе: «Но на чужой манер хлеб русский не родится», и, несмотря на значительное уменьшение расходов, доходы Григорья Ивановича не прибавлялись; он и в деревне находил способ входить в новые долги; со всем тем почитался человеком не глупым, ибо первый из помещиков своей губернии догадался заложить имение в Опекунский совет: оборот, казавшийся в то время чрезвычайно сложным и смелым. Из людей, осуждавших его, Берестов отзывался строже всех. Ненависть к нововведениям была отличительная черта его характера. Он не мог равнодушно

говорить об англомании своего соседа и поминутно находил случай его критиковать...<...>

Таковы были сношения между сими двумя владельцами, как сын Берестова приехал к нему в деревню. Он был воспитан в *** университете и намеревался вступить в военную службу, но отец на то не соглашался. К статской службе молодой человек чувствовал себя совершенно неспособным. Они друг другу не уступали, и молодой Алексей стал жить покамест баринном, отпустив усы на всякий случай.

Алексей был в самом деле молодец. Право, было бы жаль, если бы его стройного стана никогда не стягивал военный мундир и если бы он, вместо того чтобы рисоваться на коне, провел свою молодость, согнувшись над канцелярскими бумагами. Смотря, как он на охоте скакал всегда первый, не разбирая дороги, соседи говорили согласно, что из него никогда не выйдет путного столоначальника. Барышни поглядывали на него, а иные и заглядывались; но Алексей мало ими занимался, а они причиной его нечувствительности полагали любовную связь...<...>

Те из моих читателей, которые не жилали в деревнях, не могут себе вообразить, что за прелесть эти уездные барышни! Воспитанные на чистом воздухе, в тени своих садовых яблонь, они знание света и жизни почерпают из книжек. Уединение, свобода и чтение рано в них развивают чувства и страсти, неизвестные рассеянным нашим красавицам. Для барышни звон колокольчика есть уже приключение, поездка в ближний город полагается эпохой в жизни, и посещение гостя оставляет долгое, иногда и вечное воспоминание. Конечно, всякому вольно смеяться над некоторыми их странностями, но шутки поверхностного наблюдателя не могут уничтожить их существенных достоинств, из коих главное: особенность характера, самобытность... В столицах женщины получают, может быть, лучшее образование; но навык света скоро сглаживает характер и делает души столь же однообразными, как и головные уборы.

Легко вообразить, какое впечатление Алексей должен был произвести в кругу наших барышень. Он первый перед ними явился мрачным и разочарованным, первый говорил им об утраченных радостях и об увядшей своей юности; сверх того носил он черное кольцо с изображением мертвой головы. Все это было чрезвычайно ново в той губернии. Барышни сходили по нем с ума.

Но всех более занята была им дочь англомана моего, Лиза (или Бетси, как звал ее обыкновенно Григорий Иванович). Отцы друг ко другу не ездили, она Алексея еще не видала, между тем как все молодые соседки только об нем и говорили. Ей было семнадцать лет. Черные глаза ожив-

ляли ее смуглое и очень приятное лицо. Она была единственное и следственно балованное дитя... <...>

За Лизою ходила Настя; она была постарше, но столь же ветрена, как и ее барышня. Лиза очень любила ее, открывала ей все свои тайны, вместе с нею обдумывала свои затеи; словом, Настя была в селе Прилучине лицом гораздо более значительным, нежели любая наперсница¹ во французской трагедии.

— Позвольте мне сегодня пойти в гости, — сказала однажды Настя, одевая барышню.

— Изволь; а куда?

— В Тугилово, к Берестовым. Поварова жена у них именинница и вчера приходила звать нас отобедать.

— Вот! — сказала Лиза, — господа в ссоре, а слуги друга друга угощают.

— А нам какое дело до господ! — возразила Настя, — к тому же я ваша, а не папенькина. Вы ведь не бранились еще с молодым Берестовым; а старики пускай себе дерутся, коли им это весело.

— Постарайся, Настя, увидеть Алексея Берестова, да расскажи мне хорошенько, каков он собою и что он за человек.

Настя обещалась, а Лиза с нетерпением ожидала целый день ее возвращения. Вечером Настя явилась.

— Ну, Лизавета Григорьевна, — сказала она, входя в комнату, — видеда молодого Берестова: нагладелась довольно; целый день были вместе.

— Как это? Расскажи, расскажи по порядку. <...>

— Как бы мне хотелось его видеть! — сказала Лиза со вздохом.

— Да что же тут мудреного? Тугилово от нас недалеко, всего три версты: подите гулять в ту сторону или поезжайте верхом; вы, верно, встретите его. Он же всякий день, рано поутру, ходит с ружьем на охоту.

— Да нет, нехорошо. Он может подумать, что я за ним гоняюсь. К тому же отцы наши в ссоре, так и мне все же нельзя будет с ним познакомиться... Ах, Настя! Знаешь ли что? Наряжусь я крестьянкою!

— И в самом деле; наденьте толстую рубашку, сарафан да и ступайте смело в Тугилово; ручаюсь вам, что Берестов уж вас не прозевает.

— А по-здешнему я говорить умею прекрасно. Ах, Настя, милая Настя! Какая славная выдумка! — И Лиза легла спать с намерением непременно исполнить веселое свое предположение. <...>

---

¹ Подружка, которой доверяли все тайны.

Теперь, любезный мой читатель, представь себе встречу Лизы и Алексея. Как ты думаешь, не выдала ли она себя? Можешь прочитывать пропущенные здесь страницы в книге.

<...> ...Молодые люди расстались. Лиза вышла из лесу, перебралась через поле, прокралась в сад и опрометью побежала в ферму, где Настя ожидала ее. Там она переоделась, рассеянно отвечая на вопросы нетерпеливой наперсницы, и явилась в гостиную... <...>

...Она в мыслях повторяла все обстоятельства утреннего свидания, весь разговор Акулины с молодым охотником, и совесть начинала ее мучить. Напрасно возражала она самой себе, что беседа их не выходила из границ благопристойности, что эта шалость не могла иметь никакого последствия, совесть ее роптала громче ее разума. Обещание, данное ею на завтрашний день, всего более беспокоило ее: она совсем было решила не сдерживать своей торжественной клятвы. Но Алексей, прождав ее напрасно, мог идти отыскивать в селе дочь Василья-кузнеца, настоящую Акулину, толстую, рябую девку, и таким образом догадаться об ее легкомысленной проказе. Мысль эта ужаснула Лизу, и она решила на другое утро опять явиться в рощу Акулиной.

С своей стороны Алексей был в восхищении, целый день думал он о новой своей знакомке; ночью образ смуглой красавицы и во сне преследовал его воображение. Заря едва занималась, как он уже был одет. Не дав себе времени зарядить ружье, вышел он в поле с верным своим Сбогаром и побежал к месту обещанного свидания. Около полудня прошло в несносном для него ожидании; наконец он увидел меж кустарника мелькнувший синий сарафан и бросился навстречу милой Акулины. Она улыбнулась восторгу его благодарности; но Алексей тотчас же заметил на ее лице следы уныния и беспокойства. Он хотел узнать тому причину. Лиза призналась, что поступок ее казался ей легкомысленным, что она в нем раскаивалась, что на сей раз не хотела она не сдержать данного слова, но что это свидание будет уже последним и что она просит его прекратить знакомство, которое ни к чему доброму не может их довести. Все это, разумеется, было сказано на крестьянском наречии; но мысли и чувства, необыкновенные в простой девушке, поразили Алексея. Он употребил все свое красноречие, дабы отвратить Акулину от ее намерения; уверял ее в невинности своих желаний, обещал никогда не подать ей повода к раскаянию, повиноваться ей во всем, заклинал ее не лишать его одной отрады: видаться с нею наедине, хотя бы через день, хотя бы дважды в неделю. Он говорил язы-

ком истинной страсти и в эту минуту был точно влюблен. Лиза слушала его молча. «Дай мне слово, — сказала она наконец, — что ты никогда не будешь искать меня в деревне или расспрашивать обо мне. Дай мне слово не искать других со мной свиданий, кроме тех, которые я сама назначу». Алексей поклялся было ей святою пятницею, но она с улыбкой осталась его. «Мне не нужно клятвы, — сказала Лиза, — довольно одного твоего обещания». После того они дружески разговаривали, гуляя вместе по лесу, до тех пор, пока Лиза сказала ему: пора. Они расстались, и Алексей, оставшись наедине, не мог понять, каким образом простая деревенская девочка в два свидания успела взять над ним истинную власть. Его сношения с Акулиной имели для него прелесть новизны, и хотя предписания странной крестьянки казались ему тягостными, но мысль не сдерживать своего слова не пришла даже ему в голову. Дело в том, что Алексей, несмотря на роковое кольцо, на таинственную переписку и на мрачную разочарованность, был добрый и пылкий малый и имел сердце чистое, способное чувствовать наслаждения невинности.

Оба они были счастливы настоящим и мало думали о будущем.

Мысль о неразрывных узах довольно часто мелькала в их уме, но никогда они о том друг с другом не говорили. Причина ясная: Алексей, как ни привязан был к милой своей Акулине, все помнил расстояние, существующее между им и бедной крестьянкою; а Лиза ведала, какая ненависть существовала между их отцами, и не смела надеяться на взаимное примирение. К тому же самолюбие ее было втайне подстрекаемо темной, романтической надеждою увидеть наконец тугиловского помещика у ног дочери прилучинского кузнеца. Вдруг важное происшествие чуть было не переменяло их взаимных отношений...

Здесь я намеренно сократил повесть: ведь у вас под рукой книга А. С. Пушкина.

<...>На другой день за завтраком Григорий Иванович спросил у дочки, все ли намерена она спрятаться от Берестовых. «Папа, — отвечала Лиза, — я приму их, если это вам угодно, только с уговором: как бы я перед ними ни явилась, что б я ни сделала, вы бранить меня не будете и не дадите никакого знака удивления или неудовольствия». — «Опять какие-нибудь проказы! — сказал, смеясь, Григорий Иванович. — Ну, хорошо, хорошо; согласен, делай что хо-

чешь, черноглазая моя шалунья». С этим словом он поцеловал ее в лоб, и Лиза побежала приготовляться.

В два часа ровно коляска домашней работы, запряженная шестью лошадьми, въехала на двор и покатила около густо-зеленого дернового круга. Старый Берестов взошел на крыльцо с помощью двух ливрейных лакеев Муромского. Вслед за ним сын его приехал верхом и вместе с ним вошел в столовую, где стол был уже накрыт. Муромский принял своих соседей как нельзя ласковее, предложил им осмотреть перед обедом сад и зверинец и повел по дорожкам, тщательно выметенным и усыпанным песком. <...>

Хочу предоставить тебе, мой пытливый читатель, самостоятельно прочитать эпизод о встрече Алексея и Лизы в родительском доме. Может быть, некоторые читающие барышни увидят в Лизе себя и посмеются...

...Читатель догадается, что на другой день утром Лиза не замедлила явиться в роце свиданий. «Ты был, барин, вечер у наших господ? — сказала она тотчас Алексею, — какова показалась тебе барышня?» Алексей отвечал, что он ее не заметил. «Жаль», — возразила Лиза. «А почему же?» — спросил Алексей. «А потому, что я хотела бы спросить у тебя, правда ли, говорят...» — «Что же говорят?» — «Правда ли, говорят, будто бы я на барышню похожа?» — «Какой вздор! Она перед тобой урод уродом». — «Ах, барин, грех тебе это говорить; барышня наша такая беленькая, такая щеголиха! Куда мне с нею равняться!» Алексей божился ей, что она лучше всевозможных беленьких барышень и, чтоб успокоить ее совсем, начал описывать ее госпожу такими смешными чертами, что Лиза хохотала от души. «Однако ж, — сказала она со вздохом, — хоть барышня, может, и смешна, все же я перед нею дура безграмотная». <...>

Прошла неделя, и между ними завелась переписка. Почтовая контора учреждена была в дупле старого дуба. Настя втайне исправляла должность почтальона. Туда приносил Алексей крупным почерком написанные письма и там же находил на синей простой бумаге каракульки своей любезной. Акулина, видимо, привыкла к лучшему складу речей, и ум ее приметно развивался и образовывался.

Между тем недавнее знакомство между Иваном Петровичем Берестовым и Григорьем Ивановичем Муромским более и более укреплялось и вскоре превратилось в дружбу, вот по каким обстоятельствам: Муромский нередко думал о том, что по смерти Ивана Петровича все его имение перейдет

в руки Алексею Ивановичу; что в таком случае Алексей Иванович будет один из самых богатых помещиков той губернии, и что нет ему никакой причины не жениться на Лизе. Старый же Берестов, со своей стороны, хотя и признавал в своем соседе некоторое сумасбродство (или, по его выражению, английскую дурь), однако ж не отрицал в нем и многих отличных достоинств, например: редкой оборотливости; Григорий Иванович был близкий родственник графу Пронскому, человеку знатному и сильному; граф мог быть очень полезен Алексею, а Муромский (так думал Иван Петрович), вероятно, обрадуется случаю выдать свою дочь выгодным образом. Старики до тех пор обдумывали все это каждый про себя, что наконец друг с другом и переговорились, обнялись, обещались дело порядком обработать и принялись о нем хлопотать каждый со своей стороны. <...>

В первый раз видел он ясно, что он в нее страстно влюблен; романическая мысль жениться на крестьянке и жить своими трудами пришла ему в голову, и чем более думал он о сем решительном поступке, тем более находил в нем благоразумия. С некоторого времени свидания в роще были прекращены по причине дождливой погоды. Он написал Акулине письмо самым четким почерком и самым бешеным слогом, объявлял ей о грозящей им гибели и тут же предлагал ей свою руку. Тотчас отнес он письмо на почту, в душло, и лег спать весьма довольный собою.

На другой день Алексей, твердый в своем намерении, рано утром поехал к Муромскому, дабы откровенно с ним объясниться. Он надеялся подстрекнуть его великодушие и склонить его на свою сторону. «Дома ли Григорий Иванович?» — спросил он, останавливая свою лошадь перед крыльцом прилучинского замка. «Никак нет, — отвечал слуга, — Григорий Иванович с утра изволил выехать». — «Как досадно!» — подумал Алексей. «Дома ли по крайней мере Лизвета Григорьевна?» — «Дома-с». И Алексей спрыгнул с лошади, отдал поводья в руки лакею и пошел без доклада.

«Все будет решено, — думал он, подходя к гостиной, — объяснюсь с нею самою». Он вошел... и остолбенел! Лиза... нет, Акулина, милая смуглая Акулина, не в сарафане, а в белом утреннем платье, сидела перед окном и читала его письмо; она так была занята, что не слыхала, как он и вошел. Алексей не мог удержаться от радостного восклицания. Лиза взрогнула, подняла голову, закричала и хотела убежать. Он бросился ее удерживать. Акулина, Акулина!.. Лиза старалась от него освободиться... <...>

«Акулина! друг мой, Акулина!» — повторял он, целуя ее руки. Мисс Жаксон, свидетельница этой сцены, не зна-

ла, что подумать. В эту минуту дверь отворилась, и Григорий Иванович вошел.

— Ага! — сказал Муромский, — да у вас, кажется, дело совсем уже слажено...

Читатели избавят меня от излишней обязанности описывать развязку.

1830

Владимир Владимирович Маяковский «Люблю»

Вы уже знакомы с произведениями В. В. Маяковского «Послушайте», «О дряни». В. В. Маяковского чаще воспринимают как поэта-трибуна, горлопана, агитатора, но самое верное понимание поэта-человека мы можем получить, только вчитываясь в лирические произведения, где перед нами поэт предстает с открытым сердцем, где чувство любви заполняет все сердце и стремится вырваться и захлестнуть весь мир.

В жизни В. В. Маяковского была не просто возлюбленная, а женщина-Муза. Огромное количество произведений посвящено Владимиром Маяковским Лиле Брик, есть среди этих посвящений и очень многозначительное: «Ей и мне». Но личные отношения гениальных людей не укладываются в привычные схемы. Между В. В. Маяковским и Лилей Брик пролегли бесконечные встречи и расставания, глубокие и поверхностные отношения с другими мужчинами и женщинами, попытки Маяковского освободиться от Лилиной безграничной власти над ним и «убежать» в Нью-Йорк, Париж, Лондон и колдовская притягательность этой женщины, всегда возвращающая поэта обрат-

но. Лиля Брик была для Маяковского одновременно и Музой, и Мукой.

Стихотворение «Люблю» написано в 1921—1922 годах, когда любовь к Лиле Брик еще горела в его душе, но отношения становились все напряженнее.

Люблю

<...>Ты
Пришла — деловито,
за рыком,
за ростом,
взглянув,
разглядела просто мальчика.
Взяла,
отобрала сердце
и просто
пошла играть —
как девочка мячиком.
И каждая —
чудо будто видится —
где дама вкопалась,
а где девица.
«Такого любить?
Да этакий ринется!
Должно, укротительница.
Должно, из зверинца!»
А я ликую.
Нет его —
ига!
От радости себя не помня,
скакал,
индейцем свадебным прыгал,
так было весело,
было легко мне.

Невозможно
Один не смогу —
не снесу рояля
(тем более —
несгораемый шкаф).
А если не шкаф,
не рояль,
то я ли
сердце снес бы, обратно взяв.
Банкиры знают:
«Богаты без края мы.
Карманов не хватает —

кладем в несгораемый».
Любовь
в тебя —
богатством в железо —
запиртал,
хожу
и радуюсь Крезом.
И разве,
если захочется очень,
улыбку возьму,
пол-улыбки
и мельче,
с другими кутя,
протрачу в полночи
рублей пятнадцать лирической мелочи.

Так и со мной
Флоты — и то стекаются в гавани.
Поезд — и то к вокзалу гонит.
Ну а меня к тебе и подавней —
я же люблю! —
тянет и клонит.
Скупой спускается пушкинский рыцарь
подвалом своим любоваться и рыться.
Так я
к тебе возвращаюсь, любимая.
Мое это сердце,
любуюсь моим я.
Домой возвращаетесь радостно.
Грязь вы
с себя соскребаете, бреясь и моясь.
Так я
к тебе возвращаюсь, —
разве,
к тебе идя,
не иду домой я?!
Земных принимает земное лоно.
К конечной мы возвращаемся цели.
Так я
к тебе
тянусь неуклонно,
еле расстались,
развиделись еле.

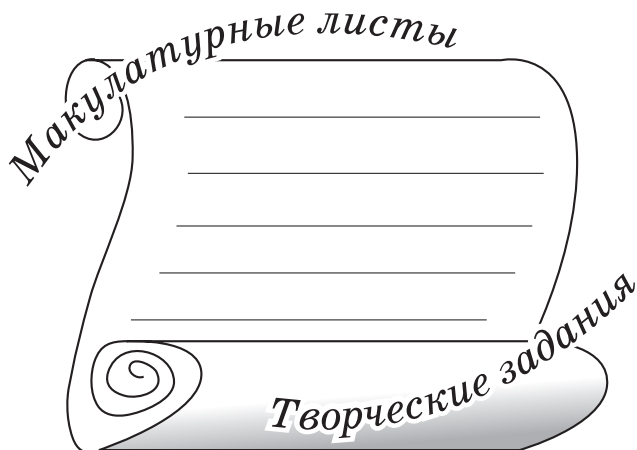
Вывод

Не смоят любовь
ни ссоры,

ни вёрсты.
Продумана,
выверена,
проверена.
Подъемя торжественно стих строкопёрстый,
клянусь —
люблю
неизменно и верно!

Ноябрь 1921 г. — февраль 1922 г.

1. Какие чувства вызывает у вас любовь В. В. Маяковского? Недоумение, раздражение, восхищение, сочувствие
.....
(дополните этот список).
2. Найдите в стихотворении строки, которые раскрывают «анатомию» поэта. Чем она отличается от «анатомии» обычных людей?
3. Почему В. В. Маяковский сравнивает себя с пушкинским скупым рыцарем?
4. Как в стихотворении раскрываются отношения между поэтом и возлюбленной?
5. Наделена ли возлюбленная поэта способностью любить и насколько это важно для самого поэта?
6. Почему для Маяковского возможен только такой вывод в конце произведения?
7. Мешает или помогает ритм стихотворения понять вам чувства поэта?

Герои Н. В. Гоголя, А. П. Чехова, М. М. Зощенко

**Сравнение рассказа М. М. Зощенко
«Свадебное происшествие»
и водевиля А. П. Чехова «Свадьба»**

Чтобы сравнить близкие по теме произведения писателей, самостоятельно прочитайте и осмыслите одноактную пьесу А. П. Чехова «Свадьба».

М. М. Зощенко — писатель первой половины XX века. Чеховское драматическое начало присутствует в рассказах М. М. Зощенко, драма близка стилю писателя и идее рассказа.

Предваряя главу «Голубой книги», Зощенко рассматривает любовь во все времена; он намеренно утрирует подход современников к прошлому и упрощает в духе времени содержание: любви нет и никогда не было, только корысть, амбиции и постыдные прихоти. Но на дворе новая советская историческая эпоха, человек переродился. Сравнить эти два произведения вам помогут вопросы на с. 92.

Михаил Зощенко

Свадебное происшествие

Конечно, Володька Завитушкин немного поторопился. Был такой грешок.

Володька, можно сказать, толком и не разглядел своей невесты. Он, по совести говоря, без шляпки и без пальто ее никогда даже и не видел. Потому все главные события на улице развернулись.

А что перед самой свадьбой Володька Завитушкин заходил со своей невестой к ее мамаше представляться, так он, не раздеваясь, представился. В прихожей. Так сказать, на ходу.

А познакомился Володя Завитушкин со своей невестой в трамвае. Дней за пять до брака.

Сидит он в трамвае и вдруг видит, перед ним этакая барышня вырисовывается. Такая ничего себе барышня, аккуратенькая. В зимнем пальто.

И стоит эта самая барышня в зимнем своем пальто перед Володькой и за ремешок держится, чтоб пассажиры ее не опрокинули. А другой рукой пакет к груди прижимает. А в трамвае, конечно, давка. Пихаются. Стоять, прямо сказать, нехорошо.

Вот Володька ее и пожалел.

— Присаживайтесь, — говорит, — ко мне на одно колесо, все легче ехать.

— Да нет, — говорит, — мерси.

— Ну, так, — говорит, — давайте тогда пакет. Кладите мне на колени, не стесняйтесь. Все легче будет стоять.

Нет, видит, и пакета не отдает. Или пугается, чтоб не упер. Или еще что. Глянул на нее Володя Завитушкин еще раз и прямо обалдел. «Господи, — думает, — какие бывают миловидные барышни в трамваях».

Едут так они две остановки. Три. Четыре. Наконец видит Завитушкин барышня к выходу тискается. Тоже и Володька встал. Тут у выхода, значит, у них знакомство и состоялось.

Познакомились. Пошли вместе. И так у них все это быстро и без затрат обернулось, что через два дня Володька Завитушкин и предложение ей сделал.

Или она сразу согласилась, или нет, но только на третий день пошли они в гражданский подотдел и записались. Записались они в загсе, а после записи и развернулись главные события.

После записи пошли молодые на квартиру к мамаше.

Там, конечно, полная суматоха. Стол накрывают. Гостей много. И вообще семейное торжество — молодых ждут.

И какие-то разные барышни и кавалеры по комнате суетятся, приборы ставят и пробки открывают.

А свою молодую супругу Володька Завитушкин еще в прихожей потерял из виду.

Сразу его, как на грех, обступили разные мамыши и родственники, начали его поздравлять и в комнату тащить. Привели его в комнату, разговаривают, руки жмут, спрашивают, в каком, дескать, союзе находится.

Только видит Володька — и не разобрать ему, где его молодая жена. Девиц в комнате много. Все вертятся, все мотаются, ну, прямо с улицы, со свету, хоть убей, не разобрать.

«Господи, — думает Володька, — никогда ничего подобного со мной не происходило. Какая же из них моя молодая супруга?»

Стал он по комнате ходить между девиц. То к одной толкнется, то к другой. А те довольно неохотно держатся и особой радости не выказывают.

Тут Володька немного даже испугался.

«Вот, — думает, — на чем засыпался — жену уж не могу найти».

А тут еще родственники начали коситься — чего это молодой ходит как ненормальный и на всех девиц бросается. Стал Володька к двери и стоит в полном упадке.

«Ну, спасибо, — думает, — если сейчас за стол садиться будут. Тогда, может, что-нибудь определится. Которая со мной сядет, та, значит, и есть. Хотя бы, думает, вот эта

белобрысенькая села. А то, ей-Богу, подсунут какое-нибудь дерьмо, потом живи с ним».

В это время гости начали за стол садиться.

Мамаша Христом Богом просит обождать еще немного, не садиться. Но на гостей прямо удержу нету, прямо кидаются на жратву и на выпивку.

Тут Володю Завитушкина волокут на почетное место. И рядом с ним с одного боку сажают девицу.

Поглядел на нее Володька, и отлегло у него на сердце.

«Ишь ты, — думает, — какая. Прямо, думает, недуренькая. Без всякой шляпки ей даже лучше. Нос не так уж просится наружу».

От полноты чувств Володя Завитушкин нацедил себе и ей вина и полез поздравлять и целоваться.

Но тут развернулись главные события.

Начали раздаваться крики и разные вопли.

— Это, — кричат, — какой-то ненормальный сукин сын. На всех девиц кидается. Молодая супруга еще к столу не вышедши — прибирается, а он с другой начал упражняться.

Тут произошла абсолютная дрянь и неразбериха.

Володьке бы, конечно, в шутку все превратить. А он очень обиделся. Его в суматохе какой-то родственник бутылкой тиснул по затылку.

Володька кричит:

— А бес вас разберет! Насажали разных баб, а мне разбирайся.

Тут невеста в белом балахоне является. И цветы в ручках держит.

— Ах так, — говорит, — ну, так это вам выйдет боком.

И опять, конечно, вопли, крики и истерика.

Начали, конечно, родственники выгонять Володьку из квартиры.

Володька говорит:

— Дайте хоть пожрать. С утра, — говорит, — не жрамши по такой канители.

Но родственники поднажали и ссыпали Володьку на лестницу.

На другой день Володя Завитушкин после работы зашел в гражданский подотдел и развелся.

Там ему сказали несколько кислых слов.

— Хотя, — говорят, — иной раз бывают такие легкомысленные браки. Но впредь этого не делайте. А то под суд попадете.

И сразу же развели.

Так что он теперь холостой и снова может жениться на желающих.

Но чего хорошего в браке и зачем к этому стремятся — это прямо трудно понять.

Обыкновенно жены изменяют, и загадочная подробность — всегда вместо мужа любят кого-нибудь другого. Так что не знаю, как вы, а я гляжу против такого брака. Хотя если говорить о браке, то я стою за крепкий и твердый брак. Тем не менее не закрываю себе глаза на это и знаю, что это такое.

В общем, вот чего однажды приключилось на любовном фронте.

1. Какая свадьба представляется вам более веселой и почему?
2. Подготовьте материал для стилистического конкурса: выберите 2—3 реплики из каждого произведения. Пусть ваши одноклассники угадают, откуда взята реплика, и докажут свои предположения.

Реплики из водевиля узнаются благодаря яркой речевой характеристике персонажей: герои А. П. Чехова имеют свои любимые словечки или обороты речи, характеризующие их, каждый узнается по своей комической маске.

Комизм реплик М. М. Зощенко строится на речевых ошибках и стилистических контрастах, вместе с тем по сравнению с речами чеховских персонажей высказывания героев Зощенко более лаконичны.

Герои А. П. Чехова говорят с увлечением и с удовольствием, и каждый из них слушает себя. Это откровенно выражается в комическом приеме диалога глухих, использованном автором для передачи попыток разговора Настасьи Тимофеевны и Ревунова.

Речь героев М. М. Зощенко более близка просторечию, в высказываниях преобладает грубая лексика, индивидуальных речевых характеристик персонажей в рассказе нет — они объединяются своей речевой манерой в однородную серую массу.

3. Сопоставьте поведение гостей и родственников на свадьбе и прокомментируйте способы осмеяния персонажей.
4. Найдите примеры саморазоблачения персонажей. На чем основан комический эффект у А. П. Чехова и у М. М. Зощенко?
5. Сравните кульминационные моменты произведений. Чья авторская позиция более ясна для вас?
6. Подводя итоги сопоставления, сформулируйте, над чем и над кем смеются А. П. Чехов и М. М. Зощенко.

Мы предлагаем вам сравнить повесть Н. В. Гоголя «Невский проспект» и рассказ М. М. Зощенко «Свадьба».

Обе истории условно можно назвать любовными. Оба героя чувствуют себя жертвами. Оба выходят из неприятностей победителями, с гордо поднятой головой.

Итак, самостоятельно прочитайте повесть Н. В. Гоголя «Невский проспект» и подумайте над вопросами:

Николай Васильевич Гоголь Невский проспект

Завитушкин и Пирогов

1. Чем различается ваше отношение к героям? Кто для вас симпатичнее?
2. Сравните финальные эпизоды: что чувствуют герои? Каково отношение рассказчика к герою? Каковы приемы изображения героя?

В рассказе Зоценко этот финальный эпизод начинается со слов: «Тут произошла абсолютная дрянь и неразбериха» и до слов: «Так что он теперь холостой и снова может жениться на желающих». Этот финальный эпизод смотрите на с. 91.

Макулатурные листы

_____

_____

_____

_____

_____

Творческие задания

Вопросы для размышления

1. Что чувствуют герои М. М. Зоценко и Н. В. Гоголя?
2. Каково отношение рассказчика к героям? Какие приемы изображения героя использует каждый писатель?

В текстах подчеркните карандашом нужные слова и выражения.

3. Почему М. М. Зощенко, обращаясь к читательницам, говорит, что «желающие» могут выйти замуж за Завитушкина?
4. Чем похожи и чем различаются реакции Пирогова и Завитушкина на свое «поражение»?
5. Сравните художественные приемы изображения персонажей у Н. В. Гоголя и М. М. Зощенко: гипербола, контраст, речь персонажа. Какие художественные приемы использует каждый из сатириков? Как это раскрывает авторскую позицию?
6. Почему именно пирожки, а не какую-нибудь другую пищу заставляет съесть своего героя Н. В. Гоголь?
7. Определите, что значат словарные пометы: *грубое, просторечное, вульгарное*. Выпишите в тетради финальный фрагмент рассказа М. М. Зощенко, расставьте соответствующие пометы и аргументируйте свой выбор.
8. Как относятся авторы к своим героям? Сопоставьте начало и конец рассказа М. М. Зощенко «Свадебное происшествие» (с. 89, 91—92) и повести Н. В. Гоголя «Невский проспект».

Н. В. Гоголь

Невский проспект

(Фрагмент)

«**О**ивно устроен свет наш! — думал я, идя третьего дня по Невскому проспекту и приводя на память эти два происшествия. — Как странно, как непостижимо играет нами судьба наша! Получаем ли мы когда-нибудь то, чего желаем? Достигаем ли мы того, к чему, кажется, нарочно приготовлены наши силы? Все происходит наоборот. Тому судьба дала прекраснейших лошадей, и он равнодушно катается на них, вовсе не замечая их красоты, — тогда как другой, которого сердце горит лошадиною страстью, идет пешком и довольствуется только тем, что пощелкивает языком, когда мимо его проводят рысака. Тот имеет отличного повара, но, к сожалению, такой маленький рот, что больше двух кусочков никак не может пропустить; другой имеет рот величиною в арку главного штаба, но, увы! должен довольствоваться каким-нибудь немецким обедом из картофеля. Как странно играет нами судьба наша!» Но страннее всего происшествия, случающиеся на Невском проспекте. О, не верьте этому Невскому проспекту! Я всегда закутываюсь покрепче плащом своим, когда иду по нем, и стараюсь совсем не глядеть на встречающиеся предметы. Всё обман, всё мечта, всё не то, чем кажется! <...> Вы воображаете, что эти два толстяка, остановившиеся перед строящеюся церковью, судят об архитектуре ее? Совсем

нет: они говорят о том, как странно сели две вороны одна против другой. Вы думаете, что этот энтузиаст, размахивающий руками, говорит о том, как жена его бросила из окна шариком в незнакомого ему вовсе офицера? Совсем нет, он говорит о Лафайете. Менее заглядывайте в окна магазинов: безделушки, в них выставленные, прекрасны, но пахнут страшным количеством ассигнаций. Но Боже вас сохраните заглядывать дамам под шляпки! Как ни развевайся вдали плащ красавицы, я ни за что не пойду за нею любопытствовать. Далее, ради Бога, далее от фонаря! И скорее, сколько можно скорее, проходите мимо. Это счастье еще, если отделаетесь тем, что он зальет щегольской куртку ваш вонючим своим маслом. Но и кроме фонаря, все дышит обманом. Он лжет во всякое время, этот Невский проспект, но более всего тогда, когда ночь сгущенною массою наляжет на него и отделит белые и палевые стены домов, когда весь город превратится в гром и блеск, мириады карет валяются с мостов, форейторы кричат и прыгают на лошадях и когда сам демон зажигает лампы для того только, чтобы показать все не в настоящем виде.

Макулатурные листы

Творческие задания

Литературное творчество

Сочинение-рассуждение

Завершить работу мы предлагаем вам сочинением-рассуждением на тему

«Почему пошлость живуча и неуязвима?».

Вы можете воспользоваться следующим планом сочинения, однако можете следовать и собственному ходу мысли.

1. Какого человека можно назвать *пошляком*? Объясните значение слова *пошлость*.
2. Чем различаются герои А. П. Чехова, М. М. Зощенко и Н. В. Гоголя и что в них общего? Кто из героев более неприятен вам и почему?
3. Почему пошлость иногда является качеством человеческой жизни? Чем побеждается пошлость?

«Один глубокомысленный ученый дает в своей книге совет людям, желающим быстро усовершенствовать свои познания в чужом языке: они должны думать на этом языке. Совет отменный, но, выполняя его, подвергаешься некоторой опасности. Я, например, довольно скоро привык думать по-пуделиному, но до того углубился в пуделиный образ мыслей, что потерял способность бегло говорить на своем родном языке и перестал понимать, о чем сам думаю. Большинство этих непонятных мыслей было мною записано, они составили сборник под заглавием «Листья аканта». Меня до сих пор поражает глубина этих афоризмов, смысла которых я до сего дня так и не понял».

Приблизились ли мы к разгадке смысла жизни, не знаю. Но вот к чему привело меня наше литературное путешествие.

Человек неповторим, каждый из вас уникален, единствен, в каждом заключена великая тайна бытия.

(Я не говорю о котах, их неповторимость общеизвестна, ведь кот гуляет сам по себе; вспомните мою подружку из сказки Р. Киплинга).

Открыть таинственные движения души, может быть, и составляет смысл жизни для понимающих.

А как ты, мой юный читатель, думаешь?

Тебе помогут произведения, герои которых на первый взгляд ничего особенного не делают, просто живут. Но, может быть, именно в такой жизни есть особый смысл? Желаю вам до него докопаться, и тогда, может быть, мы обретем и смысл собственной жизни.

III

раздел

*« Не хочется
думать в ночи
и по приказу
лечтаться... »*

Ж. Превьер

Тургенев

Шукшин

Айтматов

И. С. Тургенев

Однажды И. С. Тургенев слышал состязание двух народных певцов. Спустя два месяца Тургенев написал рассказ «Притынный кабак», который в дальнейшем стал называться «Певцы». Читая его, подумайте, кому отдали бы победу вы: рядчику или Якову Турку. Почему Тургенев изменил первоначальное название рассказа?

Певцы

(В сокращении)

Небольшое сельцо Колотовка, принадлежавшее некогда помещице, за лихой и бойкий нрав прозванной в околотке Стрыганихой (настоящее имя ее осталось неизвестным), а ныне состоящее за каким-то петербургским немцем, лежит на скате голого холма, сверху донизу расщепленного страшным оврагом, который, зияя как бездна, ветвясь, разрытый и размытый, по самой середине улицы и пуще реки, — через реку можно по крайней мере навести мост, — разделяет обе стороны бедной деревушки. Несколько тощих ракит боязливо спускаются по песчаным его бокам; на самом дне, сухом и желтом, как медь, лежат огромные плиты глинистого камня. Невеселый вид, нечего сказать, — а между тем всем окрестным жителям хорошо известна дорога в Колотовку: они ездят туда охотно и часто.

У самой головы оврага, в нескольких шагах от той точки, где он начинается узкой трещиной, стоит небольшая четвероугольная избушка, стоит одна, отдельно от других. Она крыта соломой, с трубой; одно окно, словно зоркий глаз, обращено к оврагу и в зимние вечера, освещенное изнутри, далеко виднеется в тусклом тумане мороза и не одному проезжему мужичку мерцает путеводной звездой. Над дверью избушки прибита голубая дощечка: эта избушка — кабак, прозванный «Притынным»¹. В этом кабаке вино продается, вероятно, не дешевле положенной цены, но посещается он гораздо прилежнее, чем все окрестные заведения такого же рода. Причиной этому целовальник² Николай Иваныч.

¹ *Притынным* называется всякое место, куда охотно сходятся, всякое приятное место. (Примечание И. С. Тургенева.)

² *Целовальник* — в XIV—XVII веках так называли людей, исполняющих государственные должности и целовавших крест в знак верности царю. Позже так же стали называть чиновников, занимавшихся государственной закупкой и продажей вина, хотя они крест не целовали. Затем образовалось переносное значение слова. Целовальниками стали называть хозяев кабаков.

Усталыми шагами приближался я к жилищу Николая Иваныча, возбуждая, как водится, в ребятишках изумление, доходившее до напряженно-бесмысленного созерцания, в собаках — негодование, выражавшееся лаем, до того хриплым и злобным, что, казалось, у них отрывалась вся внутренность, и они сами потом кашляли и задыхались, — как вдруг на пороге кабачка показался мужчина высокого роста, без шапки, во фризовой¹ шинели, низко подпоясанной голубым кушачком. На вид он казался дворовым; густые седые волосы в беспорядке вздымались над сухим и сморщенным его лицом. Он звал кого-то, торопливо действуя руками, которые, очевидно, размахивались гораздо далее, чем он сам того желал. Заметно было, что он уже успел выпить.

— Иди, иди же! — залепетал он, с усилием поднимая густые брови, — иди, Моргач, иди! Экой ты, братец, ползешь, право слово. Это нехорошо, братец. Тут ждут тебя, а ты вот ползешь... Иди.

— Ну, иду, иду, — раздался дребезжащий голос, и из-за избы направо показался человек низенький, толстый и хромой. На нем была довольно опрятная суконная чуйка, вдетая на один рукав; высокая остроконечная шапка, прямо надвинутая на брови, придавала его круглому, пухлому лицу выражение лукавое и насмешливое. Его маленькие желтые глазки так и бегали, с тонких губ не сходила сдержанная, напряженная улыбка, а нос, острый и длинный, нахально выдвигался вперед, как руль. — Иду, любезный, — продолжал он, ковыляя в направлении питейного заведения, — зачем ты меня зовешь?.. Кто меня ждет?

— Зачем я тебя зову? — сказал с укоризной человек во фризовой шинели. — Экой ты, Моргач, чудной, братец: тебя зовут в кабак, а ты еще спрашиваешь зачем. А ждут тебя все люди добрые: Турок-Яшка, да Дикий-Барин, да рядчик² с Жиздры. Яшка-то с рядчиком об заклад побились: осьмуху³ пива поставили — кто кого одолеет, лучше споет то есть... понимаешь?

— Яшка петь будет? — с живостью проговорил человек, прозванный Моргачом. — И ты не врешь, Обалдуй?

— Я не вру, — с достоинством отвечал Обалдуй, — а ты брешешь. Стало быть, будет петь, коли об заклад побился, божья коровка ты этакая, плут ты этакой, Моргач!

— Ну, пойдем, простота, — возразил Моргач.

— Ну, поцелуй же меня по крайней мере, душа ты моя, — залепетал Обалдуй, широко раскрыв объятия.

¹ Фриз^овая — шерстяная, из грубой ткани.

² Рядчик — второстепенный подрядчик, который не берет на себя раб^от, но только поставляет рабочих.

³ Осьму^ха — 1/8 часть объема.

— Вишь, Езоп изнеженный, — презрительно ответил Моргач, отталкивая его локтем, и оба, нагнувшись, вошли в низенькую дверь.

Слышанный мною разговор сильно возбудил мое любопытство. Уже не раз доходили до меня слухи об Яшке-Турке как о лучшем певце в околотке, и вдруг мне представился случай услышать его в состязании с другим мастером. Я удвоил шаги и вошел в заведение. <...>

Когда я вошел в Притынный кабачок, в нем уже собралось довольно многочисленное общество.

За стойкой, как водится, почти во всю ширину отверстия, стоял Николай Иваныч, в пестрой ситцевой рубаше, и, с ленивой усмешкой на пухлых щеках, наливал своей полной и белой рукой два стакана вина вошедшим приятелям, Моргачу и Обалдую; а за ним, в углу, возле окна, виднелась его востроглазая жена. Посередине комнаты стоял Яшка-Турок, худой и стройный человек лет двадцати трех, одетый в долгополый нанковый кафтан¹ голубого цвета. Он смотрел удалым фабричным малым и, казалось, не мог похвастаться отличным здоровьем. Его впалые щеки, большие беспокойные серые глаза, прямой нос с тонкими, подвижными ноздрями, белый покаты́й лоб с закинутыми назад светлорусыми кудрями, крупные, но красивые, выразительные губы — все его лицо изобличало человека впечатлительного и страстного. Он был в большом волнении: мигал глазами, неровно дышал, руки его дрожали, как в лихорадке, — да у него и точно была лихорадка, та тревожная, внезапная лихорадка, которая так знакома всем людям, говорящим или поющим перед собранием. Подле него стоял мужчина лет сорока, широкоплечий, широкоскулый, с низким лбом, узкими татарскими глазами, коротким и плоским носом, четверугольным подбородком и черными блестящими волосами, жесткими, как щетина. Выражение его смуглого с свинцовым отливом лица, особенно его бледных губ, можно было бы назвать почти свирепым, если б оно не было так спокойно-задумчиво. Он почти не шевелился и только медленно поглядывал кругом, как бык из-под ярма. Одет он был в какой-то поношенный сюртук с медными гладкими пуговицами; старый черный шелковый платок окутывал его огромную шею. Звали его Диким-Бариним. Прямо против него, на лавке под образами, сидел соперник Яшки — рядчик из Жиздры. Это был невысокого роста плотный мужчина лет тридцати, рябой и курчавый, с тупым вздернутым носом, живыми карими глазками и жидкой бородкой. Он бойко поглядывал кругом, подсунув под себя руки, беспеч-

---

¹ *Нанковая ткань* — легкая хлопчатобумажная ткань, также называлась *китайкой*. *Кафтан* — двубортная верхняя одежда.

но болтал и постукивал ногами, обутыми в щегольские сапоги с оторочкой. На нем был новый тонкий армяк¹ из серого сукна с плисовым воротником, от которого резко отделялся край алой рубахи, плотно застегнутой вокруг горла. В противоположном углу, направо от двери, сидел за столом какой-то мужичок в узкой изношенной свите², с огромной дырой на плече. Солнечный свет струился жидким желтоватым потоком сквозь запыленные стекла двух небольших окошек и, казалось, не мог победить обычной темноты комнаты: все предметы были освещены скупо, словно пятнами. Зато в ней было почти прохладно, и чувство духоты и зноя, словно бремя, свалилось у меня с плеч, как только я переступил порог.

Мой приход — я это мог заметить — сначала несколько смутил гостей Николая Иваныча; но, увидев, что он поклонился мне, как знакомому человеку, они успокоились и уже более не обращали на меня внимания. Я спросил себе пива и сел в уголок, возле мужичка в изорванной свите.

— Ну, что ж! — возопил вдруг Обалдуй, выпив духом стакан вина и сопровождая свое восклицание теми странными размахиваниями рук, без которых он, по-видимому, не произносил ни одного слова. — Чего еще ждать? Начинать так начинать. А? Яша?..

— Начинать, начинать, — одобрительно подхватил Николай Иваныч.

— Начнем, пожалуй, — хладнокровно и с самоуверенной улыбкой промолвил рядчик, — я готов.

— И я готов, — с волнением произнес Яков.

— Ну, начинайте, ребятки, начинайте, — пропищал Моргач.

Но несмотря на единодушно изъявленное желание, никто не начинал; рядчик даже не приподнялся с лавки, — все словно ждали чего-то.

— Начинай! — угрюмо и резко проговорил Дикий-Барин.

Яков вздрогнул. Рядчик встал, осунул кушак и откашлялся.

— А кому начать? — спросил он слегка изменившимся голосом у Дикого-Барина, который все продолжал стоять неподвижно посередине комнаты, широко расставив толстые ноги и почти по локоть засунув могучие руки в карманы шарвар.

— Тебе, тебе, рядчик, — залепетал Обалдуй, — тебе, братец.

---

¹ *Армяк* — верхняя одежда в виде халата из грубой ткани.

² *Свита* — верхняя одежда, скроенная в талию, обычно ниже колен. Свиты носили украинцы, белорусы.

Дикий-Барин посмотрел на него исподлобья. Обалдуй слабо пискнул, замялся, глянул куда-то в потолок, повел плечами и умолк.

— Жеребий кинуть, — с расстановкой произнес Дикий-Барин, — да осьмуху на стойку.

Николай Иванович нагнулся, достал, кряхтя, с полу осьмуху и поставил ее на стол.

Дикий-Барин глянул на Якова и промолвил: «Ну!»

Яков зарылся у себя в карманах, достал грош и наметил его зубом. Рядчик вынул из-под полы кафтана новый кожаный кошелек, не торопясь распутал шнурок и, насыпав множество мелочи на руку, выбрал новенький грош. Обалдуй подставил свой затасканный картуз с обломанным и отставшим козырьком; Яков кинул в него свой грош, рядчик — свой.

— Тебе выбирать, — проговорил Дикий-Барин, обратившись к Моргачу.

Моргач самодовольно усмехнулся, взял картуз в обе руки и начал его встряхивать. Мгновенно воцарилась глубокая тишина: гроши слабо звякали, ударяясь друг о друга. Я внимательно поглядел кругом: все лица выражали напряженное ожидание; сам Дикий-Барин прищурился; мой сосед, мужичок в изорванной свитке, и тот даже с любопытством вытянул шею. Моргач запустил руку в картуз и достал рядчиков грош; все вздохнули. Яков покраснел, а рядчик провел рукой по волосам.

— Ведь я же говорил, что тебе, — воскликнул Обалдуй, — я ведь говорил.

— Ну, ну, не «циркай»¹! — презрительно заметил Дикий-Барин. — Начинай, — продолжал он, качнув головой на рядчика.

— Какую же мне песню петь? — спросил рядчик, приходя в волнение.

— Какую хочешь, — отвечал Моргач. — Какую вздумаешь, ту и пой.

— Конечно, какую хочешь, — прибавил Николай Иванович, медленно складывая руки на груди. — В этом тебе указу нету. Пой какую хочешь; да только пой хорошо; а мы уж потом решим по совести.

— Разумеется, по совести, — подхватил Обалдуй и полизал край пустого стакана.

— Дайте, братцы, откашляться маленько, — заговорил рядчик, перебирая пальцами вдоль воротника кафтана.

— Ну, ну, не прохлаждайся — начинай! — решил Дикий-Барин и потупился.

---

¹ Циркают ястреба, когда они чего-нибудь испугаются. (Примечание И. С. Тургенева.)

Рядчик подумал немного, встряхнул головой и выступил вперед. Яков впился в него глазами... <...>

Итак, рядчик выступил вперед, закрыл до половины глаза и запел высочайшим фальцетом. Голос у него был довольно приятный и сладкий, хотя несколько сиплый; он играл и велял этим голосом, как юлюю, беспрестанно заливался к верхним нотам, которые выдерживал и вытягивал с особенным стараньем, умолкал и потом вдруг подхватывал прежний напев с какой-то залихватской, заносистой удалью. Его переходы были иногда довольно смелы, иногда довольно забавны: знатоку они бы много доставили удовольствия; немец пришел бы от них в негодование. Это был русский *tenore di grazia*, *tenor leger*¹. Пел он веселую плясовую песню, слова которой, сколько я мог уловить сквозь бесконечные украшения, прибавленные согласные и восклицания, были следующие:

Распаху я, молода-молоденька,
Землицы маленько;
Я посею, молода-молоденька,
Цветика аленька.

Он пел; все слушали его с большим вниманьем. Он, видимо, чувствовал, что имеет дело с людьми сведущими, и потому, как говорится, просто лез из кожи. Действительно, в наших краях знают толк в пении, и недаром село Сергиевское, на большой орловской дороге, славится во всей России своим особенно приятным и согласным напевом. Долго рядчик пел, не возбуждая слишком сильного сочувствия в своих слушателях; ему недоставало поддержки, хора; наконец, при одном особенно удачном переходе, заставившем улыбнуться самого Дикого-Барина, Обалдуй не выдержал и вскрикнул от удовольствия. Все встрепнулись. Обалдуй с Моргачом начали вполголоса подхватывать, подтягивать, покрикивать: «Лихо!.. Забирай, шельмец!.. Забирай, вытягивай, аспид²! Вытягивай еще! Накаливай еще, собака ты этакая, пес!.. Погуби Ирод твою душу!» и пр. Николай Иванович из-за стойки одобрительно закачал головой направо и налево. Обалдуй наконец затопал, засеменял ногами и задергал плечиком, а у Якова глаза так и разгорелись, как уголья, и он весь дрожал как лист и беспорядочно улыбался. Один Дикий-Барин не изменился в лице и по-прежнему не двигался с места; но взгляд его, устремленный на рядчика, несколько смягчился, хотя выражение губ оставалось

¹ Лирический тенор (*итал.* и *франц.*).

² *Аспид* (*греч.*) — ядовитый змей. В переносном значении — лукавый, хитрый человек.

презрительным. Ободренный знаками всеобщего удовольствия, рядчик совсем завихрился и уж такие начал отделять завитушки, так защелкал и забарабанил языком, так неистово заиграл горлом, что, когда наконец, утомленный, бледный и облитый горячим потом, он пустил, перекинувшись назад всем телом, последний замирающий возглас, — общий, слитный крик ответил ему неистовым взрывом. Обалдуй бросился ему на шею и начал душить его своими длинными, костлявыми руками; на жирном лице Николая Иваныча выступила краска, и он словно помолодел; Яков как сумасшедший закричал: «Молодец, молодец!» Даже мой сосед, мужик в изорванной свите, не вытерпел и, ударив кулаком по столу, воскликнул: «Ага! Хорошо, черт побери, хорошо!» — и с решительностью плюнул в сторону.

— Ну, брат, потешил! — кричал Обалдуй, не выпуская изнеможенного рядчика из своих объятий, — потешил, нечего сказать! Выиграл, брат, выиграл! Поздравляю — осьмуха твоя! Яшке до тебя далеко... Уж я тебе говорю: далеко... А ты мне верь! (И он снова прижал рядчика к своей груди.)

— Да пусти же его; пусти, неотвязная... — с досадой заговорил Моргач, — дай ему присесть на лавку-то; вишь, он устал... Экой ты фофан, братец, право, фофан! Что пристал, словно банный лист?

— Ну что ж, пусть садится, а я за его здоровье выпью, — сказал Обалдуй и подошел к стойке. — На твой счет, брат, — прибавил он, обращаясь к рядчику.

Тот кивнул головой, сел на лавку, достал из шапки полотенце и начал утирать лицо; а Обалдуй с торопливой жадностью выпил стакан и, по привычке горьких пьяниц, крикая, принял грустно-озабоченный вид.

— Хорошо поешь, брат, хорошо, — ласково заметил Николай Иваныч. — А теперь за тобой очередь, Яша: смотри, не сробей. Посмотрим, кто кого, посмотрим... А хорошо поет рядчик, ей-Богу хорошо.

— Очинна хорошо, — заметила Николай Иванычева жена и с улыбкой поглядела на Якова.

— Хорошо-га! — повторил вполголоса мой сосед.

— А, заворотень-полеха¹! — завопил вдруг Обалдуй и, подойдя к мужичку с дырой на плече, уставился на него пальцем, запрыгал и залился дребезжащим хохотом. — По-

---

¹ Полехами называются обитатели Южного Полесья — длинной лесной полосы, начинающейся на границе Волховского и Жиздринского уездов. Они отличаются многими особенностями в образе жизни, нравах и языке. Заворотнями же их зовут за подозрительный и тугой нрав. (Примечание И. С. Тургенева.)

леха! Полеха! Га, баде паняй¹, заворотень! Зачем пожаловал, заворотень? — кричал он сквозь смех.

Бедный мужик смутился и уже собрался было встать да уйти поскорей, как вдруг раздался медный голос Дикого-Барина:

— Да что ж это за несносное животное такое? — произнес он, скрыпнув зубами.

— Я ничего, — забормотал Обалдуй, — я ничего... я так...

— Ну, хорошо, молчать же! — возразил Дикий-Барин. — Яков, начинай!

Яков взялся рукой за горло.

— Что, брат, того... что-то... Гм... Не знаю, право, что-то того...

— Ну, полно, не робей. Стыдись!.. чего вертишься?.. Пой, как Бог тебе велит.

И Дикий-Барин потупился, выжидая.

Яков помолчал, взглянул кругом и закрылся рукой. Все так и впилась в него глазами, особенно рядчик, у которого на лице, сквозь обычную самоуверенность и торжество успеха, проступило невольное, легкое беспокойство. Он прислонился к стене и опять положил под себя обе руки, но уже не болтал ногами. Когда же наконец Яков открыл свое лицо — оно было бледно, как у мертвого; глаза едва мерцали сквозь опущенные ресницы. Он глубоко вздохнул и запел... Первый звук его голоса был слаб и неровен и, казалось, не выходил из его груди, но принесся откуда-то издалека, словно залетел случайно в комнату. Странно подействовал этот трепещущий, звенящий звук на всех нас; мы взглянули друг на друга, а жена Николая Иваныча так и выпрямилась. За этим первым звуком последовал другой, более твердый и протяжный, но все еще видимо дрожащий, как струна, когда, внезапно прозвенев под сильным пальцем, она колеблется последним, быстро замирающим колебанием, за вторым — третий, и, понемногу разгорячаясь и расширяясь, полилась заунывная песня. «Не одна во поле дороженька пролежала», — пел он, и всем нам сладко становилось и жутко. Я, признаюсь, редко слыхивал подобный голос: он был слегка разбит и звенел, как надтреснутый; он даже сначала отзывался чем-то болезненным; но в нем была и неподдельная глубокая страсть, и молодость, и сила, и сладость, и какая-то увлекательно-беспечная, грустная скорбь. Русская, правдивая, горячая душа звучала и дышала в нем и так и хватала вас за сердце, хватала прямо за его русские струны. Песнь росла, разливалась. Яковом, видимо,

¹ Полехи прибавляют почти к каждому слову восклицания «га!» и «баде!». «Паняй» вместо «погоняй». (Примечание И. С. Тургенева.)

овладевало упоение: он уже не робел, он отдавался весь своему счастью; голос его не трепетал более — он дрожал, но той едва заметной внутренней дрожью страсти, которая стрелой вонзается в душу слушателя, и беспрестанно крепчал, твердел и расширялся. Помнится, я видел однажды, вечером, во время отлива, на плоском песчаном берегу моря, грозно и тяжело шумевшего вдали, большую белую чайку: она сидела неподвижно, подставив шелковистую грудь алому сиянию зари, и только изредка медленно расширяла свои длинные крылья навстречу знакомому морю, навстречу низкому, багровому солнцу: я вспомнил о ней, слушая Якова. Он пел, совершенно позабыв и своего соперника, и всех нас, но, видимо, поднимаемый, как бодрый пловец волнами, нашим молчаливым, страстным участием. Он пел, и от каждого звука его голоса веяло чем-то родным и необозримо широким, словно знакомая степь раскрывалась перед вами, уходя в бесконечную даль. У меня, я чувствовал, закипали на сердце и поднимались к глазам слезы; глухие, сдержанные рыдания внезапно поразили меня... Я оглянулся — жена целовальника плакала, припав грудью к окну. Яков бросил на нее быстрый взгляд и залился еще звонче, еще слаще прежнего; Николай Иваныч потупился, Моргач отвернулся; Обалдуй, весь разнеженный, стоял, глупо разинув рот; серый мужичок тихонько всхлипывал в уголку, с горьким шепотом покачивая головой; и по железному лицу Дикого-Барина, из-под совершенно надвинувшихся бровей, медленно прокатилась тяжелая слеза; рядчик поднес сжатый кулак ко лбу и не шевелился... Не знаю, чем бы разрешилось всеобщее томленье, если б Яков вдруг не кончил на высоком, необыкновенно тонком звуке — словно голос у него оборвался. Никто не крикнул, даже не шевельнулся; все как будто ждали, не будет ли он еще петь; но он раскрыл глаза, словно удивленный нашим молчаньем, вопрошающим взором обвел всех кругом и увидел, что победа была его...

— Яша, — проговорил Дикий-Барин, положил ему руку на плечо и — смолк.

Мы все стояли как оцепенелые. Рядчик тихо встал и пошел к Якову. «Ты... твоя... ты выиграл», — произнес он наконец с трудом и бросился вон из комнаты...

Его быстрое, решительное движение как будто нарушило очарование: все вдруг заговорили шумно, радостно. Обалдуй подпрыгнул кверху, залепетал, замахал руками, как мельница крыльями; Моргач, ковыляя, подошел к Якову и стал с ним целоваться; Николай Иваныч приподнялся и торжественно объявил, что прибавляет от себя еще осьмуху пива; Дикий-Барин посмеивался каким-то добрым смехом, которого я никак не ожидал встретить на его лице; серый мужичок то и дело твердил в своем уголку, утирая обоими

рукавами глаза, щеки, нос и бороду: «А хорошо, ей-Богу хорошо, ну, вот будь я собачий сын, хорошо!», а жена Николая Иваныча, вся покрасневшая, быстро встала и удалилась. Яков наслаждался своей победой, как дитя; все его лицо преобразилось; особенно его глаза так и засияли счастьем. Его потащили к стойке; он подозвал к ней расплакавшегося серого мужичка, послал целовальникова сынишку за рядчиком, которого, однако, тот не сыскал, и начался пир. «Ты еще нам споешь, ты до вечера нам петь будешь», — твердил Обалдуй, высоко поднимая руки.

Я еще раз взглянул на Якова и вышел. <...>

Заря уже давно погасла, и едва белел на небосклоне ее последний след; но в недавно раскаленном воздухе сквозь ночную свежесть чувствовалась везде теплота, и грудь все еще жаждала холодного дуновенья. Ветра не было, не было и туч; небо стояло кругом все чистое и прозрачно-темное, тихо мерцающая бесчисленными, но чуть видными звездами. По деревне мелькали огоньки; из недалекого, ярко освещенного кабака несли нестройный, смутный гам, среди которого, мне казалось, я узнавал голос Якова. Ярый смех по временам поднимался оттуда взрывом. Я подошел к окошку и приложился лицом к стеклу. Я увидел невеселую, хотя пеструю и живую картину: все было пьяно — все, начиная с Якова. С обнаженной грудью сидел он на лавке и, напевая осиплым голосом какую-то плясовую, уличную песню, лениво перебирал и щипал струны гитары. Мокрые волосы ключьями висели над его страшно побледневшим лицом. Посередине кабака Обалдуй, совершенно «развинченный» и без кафтана, выплясывал вперепрыжку перед мужиком в сероватом армяке; мужичок, в свою очередь, с трудом топотал и шаркал ослабевшими ногами и, бессмысленно улыбаясь сквозь взъерошенную бороду, изредка помахивал одной рукой, как бы желая сказать: «Куда ни шло!» Ничего не могло быть смешней его лица; как он ни вздергивал вверх свои брови, отяжелевшие веки не хотели подняться, а так и лежали на едва заметных, посоловелых, но сладчайших глазках. Он находился в том милом состоянии окончательно подгулявшего человека, когда всякий прохожий, заглянув ему в лицо, непременно скажет: «Хорош, брат, хорош!» Моргач, весь красный как рак и широко раздув ноздри, язвительно посмеивался из угла; один Николай Иваныч, как и следует истинному целовальнику, сохранял свое неизменное хладнокровие. В комнату набралось много новых лиц; но Дикога-Барина я в ней не видал.

Я отвернулся и быстрыми шагами стал спускаться с холма, на котором лежит Колотовка. У подошвы этого холма расстилается широкая равнина; затопленная мглистыми волнами вечернего тумана, она казалась еще необъятней и

как будто сливалась с потемневшим небом. Я сходил большими шагами по дороге вдоль оврага, как вдруг где-то далеко в равнине раздался звонкий голос мальчика. «Антропка¹! Антропка-а-а!.. — кричал он с упорным и слезливым отчаянием, долго, долго вытягивая последний слог.

Он умолкал на несколько мгновений и снова принимался кричать. Голос его звонко разносился в неподвижном, чутко дремлющем воздухе. Тридцать раз, по крайней мере, прокричал он имя Антропки, как вдруг с противоположного конца поляны, словно с другого света, принесся едва слышный ответ:

— Чего-о-о-о-о?

Голос мальчика тотчас с радостным озлоблением закричал:

— Иди сюда, черт леши-и-и-ий!

— Заче-е-е-ем? — ответил тот спустя долгое время.

— А затем, что тебя тятя высечь хочи-и-и-т, — поспешно прокричал первый голос.

Второй голос более не откликнулся, а мальчик снова принялся взывать к Антропке. Возгласы его, более и более редкие и слабые, долетали еще до моего слуха, когда уже стало совсем темно и я огибал край леса, окружающего мою деревеньку и лежащего в четырех верстах от Колотовки...

«Антропка-а-а!» — все еще чудилось в воздухе, наполненном тенями ночи.

Макулатурные листы

Творческие задания

¹ Антропка — от греческого имени Евтроп — «благодетельный» — в просторечии заменено на Антроп.

1. С каким чувством вы закончили чтение рассказа?
2. Почему слушатели отдали предпочтение Якову Турку?
3. Чем различается манера исполнения певцов? Какие стороны русского характера раскрывает каждая песня?
4. «Помнится, я видел однажды, вечером, во время отлива, на плоском песчаном берегу моря, грозно и тяжело шумевшего вдали, большую белую чайку: она сидела неподвижно, подставив шелковистую грудь алому сиянию зари, и только изредка медленно расширяла свои длинные крылья навстречу знакомому морю, навстречу низкому, багровому солнцу: я вспомнил о ней, слушая Якова». Объясните авторское впечатление от пения Якова Турка.
5. Почему охотник уходит из кабака, когда начинают поздравлять Якова с победой?
6. Опишите местность, в которой расположена деревня Колотовка.
7. *Antropos* (греч.) — человек. Как связана заключительная сцена — переключка братьев — с содержанием рассказа?

Литературное творчество

Отзыв

Вдумаемся в значение слова *отзыв* — это отклик чувств, отзыв человеческой души на события жизни или явления искусства.

Однокоренное слово *отзывчивый* обозначает способность человека откликаться на чувства и мысли другого.

Итак, задача нашего сочинения — передать свои впечатления. Эта задача не так проста, как кажется на первый взгляд. Вы, вероятно, уже сталкивались с такими ситуациями в жизни, когда передать то, что вы чувствуете и думаете, очень сложно. Как помочь этому? Ведь нам хочется, чтобы друзья, родители, другие люди понимали нас. Возможно ли этому научиться? Мы считаем — возможно.

Давайте рассмотрим вместе эпизод, в котором рассказывает о пении Якова Турка И. С. Тургенев. Ведь мы понимаем, что и он, и все слушатели глубоко потрясены, мы чувствуем даже настроение песни, ее мелодию, хотя не присутствовали при состязании певцов. Как же это удастся автору?

Составим план этого эпизода, выделив главные темы. Эта работа подготовит план нашего собственного сочинения.

Первую часть можно было бы назвать «Настрой певца и слушателей до начала исполнения». Искусство — это диалог, и Тургенев показывает, как этот диалог развивается. В первой части автор описывает портрет Якова Турка, который позволяет судить не только о внешнем облике, но и о душевном состоянии певца.

Вторая часть — «Начало пения». Здесь главная тема — первое впечатление аудитории и рождение песни. Автор сначала описывает звучание голоса героя, а потом говорит название песни. Мы так же, как и герои рассказа, сначала вслушиваемся в звуки голоса, по настроению угадываем песню. Исполнитель захватывает именно чувства аудитории. Если сравнить реакцию слушателей на пение рядчика и пение Якова Турка, это особенно заметно. Голос Якова становится главным героем текста.

Как передать движение чувства, движения души? Автор использует эпитеты и сравнения. Центральная, главная часть фрагмента могла бы быть озаглавлена «Преображение певца». Та страстность, которая только проступала в портрете Якова, которая набирала силу в первых звуках голоса, преобразилась в упоение и счастье пения. Сравнение, образ всегда шире по своему значению, чем четко сформулированное понятие. Поэтому постарайтесь в своем сочинении также найти образ, который передаст ваше впечатление.

Завершающая часть фрагмента — «Состояние слушателей». И здесь становится ясно, что певец передает владевшее им чувство. Каждый из героев в силу своего характера переживает потрясение.

Итак, сюжетом нашего отзыва может стать диалог певца и слушателей. Или, например, ваш личный диалог с искусством. И мы можем взять за образец план фрагмента рассказа И. С. Тургенева:

1. Портреты певца и слушателей до начала пения.
2. Начало исполнения (впечатление аудитории, звучание голоса).
3. Преображение певца (как изменяется голос по мере исполнения; какие чувства испытываете вы; что думаете, слушая певца; образ или сравнение, которые выразят ваше впечатление).
4. Как изменились чувства слушателей.

Главная задача — передать личное впечатление. Поэтому к своим чувствам нужно отнестись очень внимательно и постараться высказать то, что вы пережили. Поэтому лучше писать о той народной песне или о том музыкальном произведении, которые вы знаете и любите. Может быть, вам интересно будет написать о песне, которую любят петь в вашей семье. Выбор за вами, единственное условие — говорите о том, что вызвало в вашем сердце *отзыв*.

Василий Макарович Шукшин

Он знать хотел все от и до,
Но не добрался он, не до...
Ни до догадки, ни до дна,
Не докопался до глубин
И ту, которая одна, —
Недолюбил.
Смешно, не правда ли, смешно!
А он спешил — недоспешил, —
Осталось недорешено
Все то, что он недорешил.

В. Высоцкий. «Прерванный полет»

Василий Макарович Шукшин родился в 1929 году в селе Сростки Бийского района Алтайского края. Судьба отмерила ему очень недолгую жизнь — всего 45 лет, в 1974 году он умер во время съемок фильма С. Бондарчука «Они сражались за Родину» в станице Клетской Волгоградской области. Шукшину пришлось испробовать множество профессий, прежде чем он нашел себя. Он работал и слесарем, и учителем литературы и истории, был моряком, директором школы и наконец стал актером, писателем, режиссером.

Когда В. Шукшин поступал в Институт кинематографии (ВГИК), курс набирал сам М. Ромм — мэтр отечественного кино XX века.

Соучениками В. Шукшина были в дальнейшем знаменитые режиссеры — А. Тарковский, А. Михалков-Кончаловский. В. Шукшин решил поступать на режиссерский факультет, поскольку он узнал по приезду в Москву, что именно режиссер — главный человек на съемочной площадке.

В ответ на экзаменационный вопрос: «Расскажите о Пьере Безухове» — В. Шукшин ответил М. Ромму:

— Я «Войну и мир» не читал. Толстая книжка — времени не было.

— Вы, что же, толстых книг никогда не читали? — удивился Ромм.

— Одну прочел, — сказал Шукшин. — «Мартин Иден». Хорошая книжка.

Ромм возмутился:

— Как же вы работали директором школы? Вы же некультурный человек! А еще режиссером хотите стать!

— А что такое директор школы? Дрова достань, напил, наколи, сложи, чтобы детишки не замерзли зимой. Учебники достань, керосин добудь, учителей найди. А машина одна в деревне — на четы-

рех копытах и с хвостом... А то и на собственном горбу... Куда уж тут книжки толстые читать!..

Во ВГИКе была хорошая профессиональная школа. Фильм В. Шукшина «Живет такой парень» (1964) получил премию «Золотой Лев Св. Марка» на Венецианском кинофестивале. Кино стремительно сделало его популярным. Лучшие и самые известные его картины: «Калина красная», «Печки-лавочки».

Однако сам В. Шукшин всегда выше кинематографа ставил литературу. Он считал, что невозможно выразить средствами кино то, что высказывается в слове.

Шукшин говорил о своих героях и о себе:

«Так у меня вышло к сорока годам, что я — не городской до конца и не деревенский уже. Ужасно неудобное положение. Это даже — не между двух стульев, а, скорее, так: одна нога на берегу, а другая в лодке. И не плыть нельзя, и плыть вроде как страшновато...»

Прочитайте рассказ В. Шукшина «Микроскоп» в нашей книге, а еще рекомендуем самостоятельно прочитать его рассказы «Сапожки», «Космос, нервная система и шмат сала», «Обида» и многие другие.

Микроскоп

Н а это надо было решиться. Он решился. Как-то пришел домой — сам не свой — желтый; не глядя на жену, сказал:

— Это... я деньги потерял. — При этом ломаный его нос (кривой, с горбатинкой) из желтого стал красным. — Сто двадцать рублей.

У жены отвалилась челюсть, на лице появилось просительное выражение: может, это шутка? Да нет, этот кривоносик никогда не шутит, не умеет. Она глупо спросила:

— Где?

Тут он невольно хмыкнул.

— Да если б я знал, я б пошел и...

— Ну, не-ет!! — взревела она. — Ухмыляться ты теперь до-олго не будешь! — И побежала за сковородником. — Месяцев девять, гад!

Он схватил с кровати подушку — отражать удары. (Древние только форсили своими сверкающими щитами. Подушка!) Они закружились по комнате...

— Подушку-то, подушку-то мараешь! Самой стирать!..

— Выстираю! Выстираю, кривоносик! А два ребра мои будут! Мои! Мои!..

— По рукам, слушай!..

— От-теньки-коротеньки!.. Кривенькие носики!

— По рукам, зараза! Я ж завтра на бюлитень сяду! Тебе же хуже!..

— Садись!

— Тебе же хуже...

— Пускай!

— Ой!

— От так!

— Ну будет?

— Нет, дай я натешусь! Дай мне душеньку отвести, скважина ты кривоносая! Дятел... — Тут она изловчилась и больно достала его по голове. Немножко сама испугалась...

Он бросил подушку, схватился за голову, застонал. Она пытливо смотрела на него: притворяется или правда больно? Решила, что — правда. Поставила сковородник, села на табуретку и завыла. Да с причетом, с причетом:

— Ох, да за што же мне долюшка така-ая-а?.. Да копила-то я их, копила!.. Ох, да лишний-то раз кусочка белого не ела-а!.. Ох, да и детушкам своим пряничка сладкого не покупала!.. Все берегла-то я, берегла, скважина ты кривоносая-а!.. Ох-х!.. Каждую-то копейчку откладывала да радовалась: будут у моих детушек к зиме шубки теплые да нарядные! И будут-то они ходить в школу не рваные да не холодные!

— Где это они у тебя рваные-то ходят? — не вытерпел он.

— Замолчи, скважина! Замолчи. Съел ты эти денюжки от своих же детей! Съел и не подавился... Хоть бы ты подавился имья, нам бы маленько легче было...

— Спасибо на добром слове, — ядовито прошептал он.

— М-хх, скважина!.. Где был-то? Может, вспомнишь?.. Может, на работе забыл где-нибудь? Может, под верстак положил да забыл?

— Где на работе!.. Я в сберкассу-то с работы пошел. На работе...

— Ну, может, заходил к кому, скважина?

— Ни к кому не заходил.

— Может, пиво в ларьке пил с алкоголиками?.. Вспомни. Может, выронил на пол... Беги, они пока ишо отдадут.

— Да не заходил я в ларек!

— Да где же ты их потерять-то мог, скважина?

— Откуда я знаю?

— Ждала его!.. Счас бы пошли с ребятишками, примерили бы шубки... Я уж там подобрала — какие. А теперь их разберут. Ох, скважина ты, скважина...

— Да будет тебе! Заладила: скважина, скважина...

— Кто же ты?

— Што теперь сделаешь?

— Будешь в две смены работать, скважина! Ты у нас худой будешь... Ты у нас выпьешь теперь читушечку после бани, выпьешь! Сырой водички из колодца...

— Нужна она мне, читушечка. Без нее обойдусь.

— Ты у нас пешком на работу ходить будешь! Ты у нас покатаешься на автобусе.

Тут он удивился:

— В две смены работать и — пешком? Ловко...

— Пешком! Пешком — туда и назад, скважина! А где, так ишо побежишь — штоб не опоздать. Отольются они тебе, эти денюжки, вспомнишь ты их не раз.

— В две не в две, а по полторы месячишко отломаю — ничего, — серьезно сказал он, потирая ушибленное место. — Я уж с мастером договорился... — Он не сообразил сперва, что проговорился. А когда она недоуменно глянула на него, поправился:

— Я, как хватился денег-то, на работу снова поехал и договорился.

— Ну-ка дай сберегательную книжку, — потребовала она.

Посмотрела, вздохнула и еще раз горько сказала:

— Скважина.

С неделю Андрей Ерин, столяр маленькой мастерской при «Заготзерне», что в девяти километрах от села, чувствовал себя скверно. Жена все злилась: он то и дело получал «скважину», сам тоже злился, но обзывать вслух не смел.

Однако дни шли... Жена успокаивалась, Андрей ждал. Наконец решил, что — можно.

И вот поздно вечером (он действительно «вламывал» по полторы смены) пришел он домой, а в руках держал коробку, а в коробке, заметно, что-то тяжеленькое. Андрей тихо сиял.

Ему нередко случалось приносить какую-нибудь работу на дом, иногда это были небольшие какие-нибудь деревянные штучки, ящички, завернутые в бумагу, — никого не удивило, что он с чем-то пришел. Но Андрей тихо сиял. Стоял у порога, ждал, когда на него обратят внимание... На него обратили внимание.

— Чего эт ты, как... голый зад при луне, светисся?

— Вот... дали за ударную работу... — Андрей прошел к столу, долго распаковывал коробку... И наконец открыл. И выставил на стол... микроскоп. — Микроскоп.

— Для чего он тебе?

Тут Андрей Ерин засуетился. Но не виновато засуетился, как он всегда суетился, а как-то снисходительно засуетился.

— Луну будем разглядывать! — И захохотал. Сын-пятиклассник тоже засмеялся: луну в микроскоп!

— Чего вы? — обиделась мать.

Отец с сыном так и покатались. Мать навела на Андрея строгий взгляд. Тот успокоился.

— Ты знаешь, что тебя на каждом шагу окружают микробы? Вот ты зачерпнула кружку воды. Ты думаешь, ты воду пьешь?

— Пошел ты!!

— Нет, ты ответь.

— Воду пью.

Андрей посмотрел на сына и опять невольно захохотал.

— Воду она пьет!.. Ну не дура?..

— Скважина! Счас сковородник возьму.

Андрей снова посерьезнел.

— Микробов ты пьешь, голубушка, микробов. С водой-то. Миллиончика два тяпнешь — и порядок. На закуску! — Отец и сын опять не могли удержаться от смеха. Зоя (жена) пошла в куть за сковородником.

— Гляди суда! — закричал Андрей. Подбежал с кружкой к микроскопу, долго настраивал прибор, капнул на зеркальный кружок капельку воды, приложился к трубе и, наверно, минуты две, еле дыша, смотрел. Сын стоял за ним — смерть как хотелось тоже глянуть.

— Пап!..

— Вот они, собаки!.. — прошептал Андрей Ерин.

С каким-то жутким восторгом прошептал:

— Разгуливают...

— Ну, пап!

Отец дрыгнул ногой:

— Туда-суда, туда-суда!.. Ах, собаки!

— Папка!

— Дай ребенку посмотреть! — строго велела мать, тоже явно заинтересованная.

Андрей с сожалением оторвался от трубки, уступил место сыну. И жадно и ревниво уставился ему в затылок. Нетерпеливо спросил:

— Ну?

Сын молчал.

— Ну?!

— Вот они! — заорал парнишка. — Беленькие...

Отец оттащил сына от микроскопа, дал место матери.

— Гляди! Воду она пьет...

Мать долго смотрела... Одним глазом, другим...

— Да никого я тут не вижу.

Андрей прямо зашелся весь, стал удивительно смелый.

— Оглазела! Любую копейку в кармане найдет, а здесь микробов разглядеть не может. Они ж чуть не в глаз тебе прыгают, дура! Беленькие такие...

Мать, потому что не видела никаких беленьких, а отец с сыном видели, не осердилась.

— Вон, однако... — Может, соврала, у нее выскакивало. Могла приврать.

Андрей решительно оттолкнул жену от микроскопа и прилип к трубке сам. И опять голос его перешел на шепот.

— Твою мать, што делают! Што делают!..

— Мутненькие такие? — расспрашивала сзади мать сына. — Вроде как жирилки в супу?.. Они, што ли?

— Ти-ха! — рявкнул Андрей, не отрываясь от микроскопа. — Жирилки... Сама ты жирилка. Ветчина целая. — Странно, Андрей Ерин становился крикливым хозяином в доме.

Старший сынишка-пятиклассник засмеялся. Мать дала ему подзатыльник. Потом подвела к микроскопу младших.

— Ну-ка ты, доктор кислых щей!.. Дай детям посмотреть. Уставился...

Отец уступил место у микроскопа и взволнованно стал ходить по комнате. Думал о чем-то.

Когда ужинали, Андрей все думал о чем-то, поглядывал на микроскоп и качал головой. Зачерпнул ложку супа, показал сыну:

— Сколько здесь?.. Приблизительно?

Сын наморщил лоб:

— С полмиллиончика есть.

Андрей Ерин прищурил глаз на ложку.

— Не меньше. А мы их — ам! — Он проглотил суп и хлопнул себя по груди. — И — нету. Сейчас их там сам организм начнет колошматить. Он-то с имя управляется!

— Небось сам выпросил? — Жена с легким неудовольствием посмотрела на микроскоп. — Может, пылесос бы дали. А то пропылесосить — и нечем.

Нет, Бог, когда создавал женщину, что-то такое намудрил. Увлёкся Творец, увлёкся. Как всякий художник, впрочем. Да ведь и то — не Мыслителя делал.

Ночью Андрей два раза вставал, зажигал свет, смотрел в микроскоп и шептал:

— От же ж собаки!.. Што вытворяют. Што они только вытворяют! И не спится им!

— Не помешайся, — сказала жена, — тебе ведь немного и надо-то — тронешься.

— Скоро начну открывать, — сказал Андрей, залезая в тепло к жене. — Ты с ученым спала когда-нибудь?

— Еще чего!..

— Будешь. — И Андрей Ерин ласково похлопал супругу по мягкому плечу. — Будешь, дорогуша, с ученым спать...

Неделю, наверно, Андрей Ерин жил как во сне. Приходил с работы, тщательно умывался, наскоро ужинал... Ко-сился на микроскоп.

— Дело в том, — рассказывал он, — что человеку положено жить сто пятьдесят лет. Спрашивается, почему же он

шестьдесят, от силы семьдесят — и протянул ноги? Микробы! Они, сволочи, укорачивают век человеку. Пролезают в организм, и, как только он чуток ослабнет, они берут верх.

Вдвоем с сыном часами сидели они у микроскопа, исследовали. Рассматривали каплю воды из колодца, из питьевого ведра... Когда шел дождик, рассматривали дождевую капельку. Еще отец послал сына взять для пробы воды из лужицы... И там этих беленьких кишмя кишело.

— Твою мать-то, што делают!.. Ну вот как с имя бороться? — У Андрея опускались руки. — Наступил человек в лужу, пришел домой, наследил... Тут же прошел и ребенок босыми ногами — и пожалуйста, подцепил. А какой там организм у ребенка!

— Поэтому всегда надо вытирать ноги, — заметил сын. — А ты не вытираешь.

— Не в этом дело. Их надо научиться прямо в луже уничтожать. А то — я вытру, знаю теперь, а Сенька вон Маров... докажи ему: как шлепал, дурак, так и впредь будет.

Рассматривали также капельку пота, для чего сынишка до изнеможения бегал по улице, потом отец ложечкой сосреб у него со лба влагу — получили капельку, склонились к микроскопу...

— Есть! — Андрей с досадой ударил себя кулаком по колену. — Иди проживи сто пятьдесят лет!.. В коже и то есть.

— Давай опробуем кровь? — предложил сын. Отец уколол себе палец иголкой, выдавил ярко-красную ягодку крови, стряхнул на зеркальце... Склонился к трубке и застонал.

— Хана, сынок, — в кровь пролезли! — Андрей Ерин распрямился, удивленно посмотрел вокруг. — Та-ак. А ведь знают, паразиты, лучше меня знают — и молчат!

— Кто? — не понял сын.

— Ученые. У их микроскопы-то получше нашего — все видят. И молчат. Не хотят расстраивать народ. А чего бы не сказать? Может, все вместе-то и придумали бы, как их уничтожить. Нет, сговорились и молчат. Волнение, мол, начнется.

Андрей Ерин сел на табуретку, закурил.

— От какой мелкой твари гибнут люди! — Вид у Андрея был убитый. Сын смотрел в микроскоп.

— Друг за дружкой гоняются! Эти маленько другие... Кругленькие.

— Все они — кругленькие, длиненькие — все на одну масть. Матери не говори пока, што мы у меня их в крови видели.

— Давай у меня посмотрим?

Отец внимательно поглядел на сына... И любопытство и страх отразились в глазах у Ерина-старшего. Руки его, натруженные за много лет — большие, пропахшие смольем, — чуть дрожали на коленях.

— Не надо. Может, хоть у маленьких-то... Эх, вы! — Андрей встал, пнул со зла табуретку. — Вшей, клопов, личинок всяких — это научились выводить, а тут каких-то... меньше же гниды самой маленькой — и ничего сделать не можете! Где же ваша ученая степень?!

— Вшу видно, а этих... Как ты их?

Отец долго думал:

— Скипидаром?.. Не возьмет. Водка-то небось покрепче... я ж пью, а вон видел, што делается в крове-то!

— Водка в кровь, что ли, поступает?

— А куда же? С чего же дуреет человек?

Как-то Андрей принес с работы длинную тонкую иглу... Умылся, подмигнул сыну, и они ушли в горницу.

— Давай попробуем... Наточил проволочку — может, суедем наколоть парочку.

Кончик проволочки был тонкий-тонкий — прямо волосок.

Андрей долго ширял этим кончиком в капельку воды. Пыхтел... Вспотел даже.

— Разбегаются, заразы... Нет, толстая, не наколоть. Надо тоньше, а тоньше уже нельзя — не сделать. Ладно, сейчас поужинаем, попробуем их током... Я батарейку прихватил: два проводка подведем и законтачим. Посмотрим, как тогда будут...

И тут-то во время ужина нанесло неурочного: зашел Сергей Куликов, который работал вместе с Андреем в «Заготзерне». По случаю субботы Сергей был под хмельком, поэтому, наверно, и забрел к Андрею — просто так.

В последнее время Андрею было не до выпивок, и он с удивлением обнаружил, что брезгует пьяными. Очень уж они глупо ведут себя и говорят всякие несуразные слова.

— Садись с нами, — без всякого желанья пригласил Андрей.

— Зачем? Мы вот тут... Нам што? Нам — в уголку!..

«Ну чего вот сдуру сиротой казанской прикинулся?»

— Как хочешь.

— Дай микробов посмотреть.

Андрей встревожился.

— Каких микробов? Иди проспись, Серега... Никаких у меня микробов нету.

— Чего ты скрываешь-то? Оружью, што ли, прячешь? Научное дело... Мне мой парнишка все уши прожужжал: дядя Андрей всех микробов хочет уничтожить... Андрей!.. — Сергей стукнул себя в грудь кулаком, устремил свирепый

взгляд на «ученого». — Золотой памятник отольем!.. На весь мир прославим! А я с тобой рядом работал!.. Андрюха!

Зоя Ериной, хоть она тоже не выносила пьяных, тем не менее лестно было, что по селу говорят про ее мужа — ученый. Скорей по привычке поворчать при случае, чем из истинного чувства, она заметила:

— Не могли уж чего-нибудь другое присудить? А то — микроскоп. Свихнется теперь мужик — ночи не спит. Што бы — пылесос какой-нибудь присудить... А то пропылесосить, и нечем, не соберемся никак купить.

— Кого присудить? — не понял Сергей.

Андрей Ерин похолодел.

— Да премию-то вон выдали... Микроскоп-то этот...

Андрей хотел было как-нибудь — глазами — дать понять Сергею, что... но куда там! Тот уставился на Зою как баран.

— Какую премию?

— Ну премию-то вам давали!

— Кому?

Зоя посмотрела на мужа, на Сергея...

— Вам премию выдавали?

— Жди, выдадут они премию! Догонят да ишо раз выдадут. Премию...

— А Андрею вон микроскоп выдали... за ударную работу... — Голос супруги Ериной упал до жути — она все поняла.

— Они выдадут! — разорялся в углу пьяный Сергей. — Я в прошлом месяце на сто тридцать процентов нарядов накрывал... так? Вон Андрей не даст соврать.

Все рухнуло в один миг и страшно устремилось вниз, в пропасть.

Андрей встал... Взял Сергея за шкирку и вывел из избы. Во дворе стукнул его разок по затылку, потом спросил:

— У тебя три рубля есть? До получки...

— Есть... Ты за што меня ударил?

— Пошли в лавку. Кикимора ты болотная!.. Какого хрена пьяный болтаешься по дворам?.. Эх-х... Чурка ты с глазами.

В эту ночь Андрей Ерин ночевал у Сергея. Напились они с ним до соплей. Пропили свои деньги, у кого-то еще занимали до получки.

Только на другой день, к обеду, заявился Андрей домой... Жены не было.

— Где она? — спросил сынишку.

— В город поехала, в эту... как ее... в комиссионку.

Андрей сел к столу, склонился на руки. Долго сидел так.

— Ругалась?

— Нет. Так, маленько. Сколько пропил?

— Двенадцать рублей. Ах, Петька... сынок... — Андрей Ерин, не поднимая головы, горько сморщился, заскрипел зубами. — Разве же в этом дело?! Не поймешь ты по малости своей... не поймешь...

— Понимаю: она продаст его.

— Продаст. Да... Шубки надо. Ну ладно — шубки, ладно. Ничего... Надо, конечно...

Макулатурные листы

Творческие задания

Вопросы для размышления

1. Когда вы смеялись над героем и когда сочувствовали ему?
2. Зачем герою микроскоп?
3. Почему жена называет его *скважина*?
4. Как относится автор к «ученому»?
5. Понимает ли сын чувства отца?
6. Почему рассказ написан не литературным, а просторечным языком?
7. Вы читали рассказ А. П. Чехова «Смерть чиновника» и обсуждали понятие «маленький человек». Можно ли назвать героя В. Шукшина «маленьким человеком»?
8. Сравните чудных героев В. Шукшина с Левшой — героем одноименного сказа Н. С. Лескова: что остается неизменным в характерах? Чем различаются авторские позиции?

Досточтимые мои читатели! Вы уже имеете опыт работы в Интернете. Найдите фотографии В. Шукшина и материалы о его жизни и творчестве и попробуйте ответить на вопрос: «Похож или не похож автор на своих героев?»

«Есть все-таки в жизни нечто прекрасное, изумительное, возвышенное! «О сладостная привычка бытия!» — восклицает некий нидерландский герой в известной трагедии. То же ощущаю и я, но не как тот герой в горестный миг расставания с жизнью, — нет! Напротив, меня всего пронизывает радостная мысль, что ныне я вполне сроднился с этой сладостной привычкой и не имею ни малейшего желания когда-либо расстаться с ней. И я полагаю, что духовная сила, незримая, таинственная власть или как еще там именуют правящее нами верховное начало, навязавшее мне, так сказать, помимо моей воли, упомянутую привычку, навряд ли руководствовались при этом худшими намерениями, нежели тот приветливый господин, к которому я попал в услужение и который никогда не позволит себе вырвать у меня из-под носа рыбное филе, раз уж оно пришлось мне по вкусу».

Чингиз Айтматов

«Детство — ядро будущей человеческой личности...»

«Белый пароход»

Детство мы всегда несем с собой. Оно формирует будущую личность. Все, что человек познает в детстве, все, что он выстрадал, узнал, все горе, вся боль, все открытия — все это сохраняется в нем навсегда.

Чингиз Айтматов

Детство Чингиза Торекуловича Айтматова пришлось на трудную историческую эпоху: 1930—1940-е годы, время сталинских репрессий и Второй мировой войны.

Фамилию писатель получил по своему деду, Айтмату. Аильные старики-киргизы приучали молодых, что каждый должен знать и помнить семь поколений своих предков: кто они были, что говорили о них люди, за что уважали. В пять лет впервые пришлось Чингизу нести ответственность за свой народ и за свою семью. Он был единственным человеком в аиле Шекер, который говорил на двух языках: на русском и киргизском. В стаде пала лошадь — дорогой донской жеребец, привезенный из далекой России, и никто не мог понять, что произошло. Вызвали зоотехника, а он был русским и ни слова не знал по-киргизски. Чингиз очень испугался роли переводчика и убе-

жал к бабушке. Но та строго сказала: «Ты что, стыдишься говорить по-русски, или ты стыдишься своего языка? Все языки Богом даны, пошли». Но это не убедило ребенка. «Тогда меня взял к себе на колени старик, наш родственник. Он прижал меня к себе и сказал на ухо доверительно и очень серьезно: «Этот человек (т. е. зоотехник) знает твоего отца. Что же он скажет ему о нас, скажет, каким плохим растет у киргизов его сын!» И Чингиз собрался с духом. Он вспоминал об этом так:

«Дядя, — робко начал я. — Это место называется Уу-Саз, ядовитый луг...»

Ч. Айтматов часто вспоминал свою бабушку и тетю и был благодарен им за то, что они научили его уважать и любить свой народ. За то, что с детства помогли понять, что именно с уважения к своему народу, к своей семье начинается уважение к себе.

Когда отец Ч. Айтматова был репрессирован, их семью оберегала его сестра — Карагыз-апа.

«Мы с братом очень переживали все, что писали тогда о нашем отце, а она, Карагыз-апа, стыдилась нашего позора, — вспоминал Ч. Айтматов. — Она постоянно учила... не опуская головы, а глядя людям прямо в глаза... назвать имя своего отца... Карагыз-апа открыла нам глаза на то, что, какие бы бедствия на человека ни обрушились, он не пропадет, находясь среди своего народа».

В повести «Белый пароход» (1928) Ч. Айтматов разговаривает с читателями языком древней киргизской легенды, языком, позабытым современным человеком.

«Противостояние доброго и злого мирным не бывает, — говорил Чингиз Айтматов, — они в постоянной борьбе и вражде между собой. А на житейской будничной поверхности это противоборство выражено зачастую обычным пошлым компромиссом... Умом иной понимает, что этого делать нельзя, а делает, старается не слышать голоса совести, обманывает себя. А это пагубней всего — идет распад личности, человек губит всю свою жизнь... И другой вопрос: как власть, большая или малая, оказывается у людей, не имеющих на то морального права?»

Этим вопросам посвящает Чингиз Айтматов повесть «Белый пароход». Постарайтесь понять, как отвечает на них автор, что приводит к смерти семилетнего мальчика — героя повести.

Может быть, узнав о трагическом содержании повести, вы не захотите ее читать. Пусть тогда слова Чингиза Айтматова о предназначении искусства придадут вам воли и мужества:

«Литература должна самоотверженно нести свой крест — вторгаться в сложности жизни, с тем чтобы человек знал, любил, тревожился за свое доброе, лучшее, достойное в себе, в людях, в обществе. В этом я вижу истинное назначение искусства. И мне кажет-

ся — это мое убеждение, — что так будет всегда, бесконечно, ибо человек ищет в искусстве подтверждение лучшим своим устремлениям и отрицание того, что есть зло, что есть несправедливость, что не отвечает его социальным и нравственным идеалам. Это не обходится без борьбы, без сомнений и надежд. И так, наверное, будет вечно. И поэтому искусству вечно предстоит рассказывать человеку о сложности и красоте жизни».

Самостоятельно прочитайте главы I—III повести Ч. Айтматова «Белый пароход» и ответьте на вопросы.

«Белый пароход»

I

1. Сколько раз и почему меняется настроение мальчика в течение первой главы?
2. Расскажите о характере полевых цветов или ваших любимых деревьев. Придумайте разговор ширалджинов, или болтовню ковылей, или сон выюнков: о чем они?
3. Кому принадлежат слова: «А чужой — всегда чужой, сколько его ни корми, сколько за ним ни ходи. Чужой... А что, если он не хочет быть чужим? И почему именно он должен считаться чужим? Может быть, не он, а сама бабка чужая?»
4. Размышляя о встрече мальчика и Орозкула, попробуйте определить, в чем состоит конфликт произведения.
5. Почему мальчик — главный герой — безымянен?
6. «У него было две сказки. Одна своя, о которой никто не знал. Другая — та, которую рассказывал дед. Потом не осталось ни одной. Об этом речь». О чем пойдет речь в произведении?

II

1. Что более всего поразило вас в сказке мальчика?
2. Чем отличается мир мальчика от мира взрослых?
3. Почему плакала дочь старика Мамуна и за что просила у него прощения?
4. Зачем мальчик рассказывает отцу о том, как Орозкул бьет Бикей?
5. Кто рассказывает отцу сказку: мальчик или автор? Докажите свое мнение.
6. Почему в портрете мальчика отмечены лишь две детали: *большоголовый* и *ушастый*?
7. Каким вы видите мальчика на караульной горе?
8. Почему глава и сказка обрываются?

III

1. В каких цветах и звуках вы видите третью главу?
2. Как связан конец сказки о Белом пароходе с событиями этой главы?
3. Каким вы видите старика Манула, сидящего у стены?
4. Почему глава заканчивается новой сказкой — о Рогатой Матери Оленихе?

Белый пароход

(Фрагменты)

IV

лучилось это давно. В давние-предавние времена, когда лесов на земле было больше, чем травы, а воды в наших краях было больше, чем суши, жило одно киргизское племя на берегу большой и холодной реки. Энесай называлась та река. Протекает она далеко отсюда, в Сибири. На коне туда три года и три месяца скакать. Теперь эта река зовется Енисей, а в ту пору она называлась Энесай. Потому и песня была такая:

Есть ли река шире тебя, Энесай,
Есть ли земля роднее тебя, Энесай?
Есть ли горе глубже тебя, Энесай,
Есть ли воля вольнее тебя, Энесай?
Нету реки шире тебя, Энесай,
Нету земли роднее тебя, Энесай,
Нету горя глубже тебя, Энесай,
Нету воли вольнее тебя, Энесай...

Вот такая она была, река Энесай. Разные народы стояли тогда на Энесае. Трудно приходилось им, потому что жили они в постоянной вражде. Много врагов окружало киргизское племя. То одни нападали, то другие, то киргизы сами ходили в набег на других, угоняли скот, жгли жилища, убивали людей. Убивали всех, кого удавалось убить, — такие были времена. Человек не жалел человека. Человек истреблял человека. Дошло до того, что некому стало хлеб сеять, скот умножать, на охоту ходить. Легче стало жить грабежом: пришел, убил, забрал. А за убийство надо отвечать еще большей кровью и за месть — еще большей мстью. И чем дальше, тем больше лилось крови. Помутился разум у людей. Некому было примирить врагов. Самым умным и лучшим считался тот, кто умел застигнуть врага

врасплох, перебить чужое племя до последней души, захватить стада и богатства.

Появилась в тайге странная птица. Пела, плакала по ночам до рассвета человеческим жалобным голосом, приговаривала, перелетая с ветки на ветку: «Быть великой беде! Быть великой беде!» Так оно и случилось, настал тот страшный день.

В тот день киргизское племя на Энесае хоронило своего старого вождя. Много лет предводительствовал батыр Кульче, во многие походы ходил, во многих сечах рубился. В боях уцелел, но настал час его смертный. В великой печали пребывали соплеменники два дня, а на третий собрались предать земле останки батыра. По давнему обычаю тело вождя полагалось нести в последний путь берегом Энесая по обрывам и кручам, чтобы с высоты простилась душа умершего с материнской рекой Энесай, ведь «эне» — это мать, а «сай» — это русло, река. Чтобы душа его пропела в последний раз песню об Энесае.

Есть ли река шире тебя, Энесай,
Есть ли земля роднее тебя, Энесай?
Есть ли горе глубже тебя, Энесай,
Есть ли воля вольнее тебя, Энесай?
Нету реки шире тебя, Энесай,
Нету земли роднее тебя, Энесай,
Нету горя глубже тебя, Энесай,
Нету воли вольнее тебя, Энесай...

На погребальной сопке у открытой могилы полагалось батыра поднять над головами и показать ему четыре стороны света: «Вот твоя река. Вот твое небо. Вот твоя земля. Вот мы, рожденные от одного с тобой корня. Мы все пришли проводить тебя. Спи спокойно». В память далеким потомкам на могиле батыра ставилась каменная глыба.

В дни похорон юрты всего племени расставляли цепью по берегу, чтобы каждая семья могла проститься у своего порога с батыром, когда будут проносить его тело на погребение, склонить к земле белый флаг скорби, голосить и плакать при этом и затем идти дальше вместе со всеми к следующей юрте, где опять будут причитать и плакать и склонять белый флаг скорби, и так до конца пути, до самой погребальной сопки.

Утром того дня солнце уже выходило на дневной путь, когда закончены были все приготовления. Вынесены бунчуки с конскими хвостами на древках, вынесены бранные доспехи батыра — щит и копьё. Конь его был покрыт погребальной попоной. Трубачи приготовились играть в боевые трубы — карнаи, барабанчики ударили в барабаны — добулбасы — так, чтобы тайга закачалась, чтобы птицы тучей

взлетели к небу и закружились с гамом и стоном, чтобы зверь бежал по чащам с диким храпом, чтобы трава прижалась к земле, чтобы эхо зарокотало в горах, чтобы горы вздрогнули. Плакальщицы распустили волосы, чтобы воспеть в слезах батыра Кульче. Джигиты опустились на одно колено, чтобы на крепкие плечи поднять его брненное тело. Все были наготове, ожидая выноса батыра. А на опушке леса стояли на привязи девять жертвенных кобылиц, девять жертвенных быков, девять девяток жертвенных овец на поминальную тризну.

И тут случилось непредвиденное. Как бы ни враждовали энесайцы между собой, но в дни похорон вождей не принято было идти войной на соседей. А теперь полчища врагов, незаметно окруживших на рассвете погруженное в печаль становище киргизов, выскочили из укрытий сразу со всех сторон, так что никто не успел сесть в седло, никто не успел взяться за оружие. И началось невиданное побоище. Убивали всех подряд. Так было задумано врагами, чтобы одним ударом покончить с дерзким племенем киргизов. Убивали поголовно всех, чтобы некому было помнить об этом злодеянии, некому было мстить, чтобы время занесло сыпучим песком следы прошлого. Было — не было...

Человека долго рожать и растить, а убить — скорее скорого. Многие уже лежали порубленные, утопая в лужах крови, многие кинулись в реку, спасаясь от мечей и копий, и потонули в волнах Энесая. А вдоль берега, вдоль круч и обрывов пылали на целые версты киргизские юрты, объятые пламенем. Никто не успел убежать, никого не осталось в живых. Все было порушено и сожжено. Тела поверженных сбросили с круч в Энесай. Враги ликовали: «Теперь эти земли наши! Теперь эти леса наши! Теперь эти стада наши!»

С богатой добычей уходили враги и не заметили, как вернулись из леса двое детей — мальчик и девочка. Непослушные и озорные, они еще утром тайком от родителей побежали в ближайший лес драть лыки на лукошки. Заигрались они, не заметили, как зашли глубоко в чащу. А когда услышали шум и крики побоища и кинулись назад, то не застали в живых ни отцов, ни матерей своих, ни братьев, ни сестер. Остались дети без роду, без племени. Побежали они с плачем от пепелища к пепелищу, и нигде ни единой души. Осиротели в час. В целом свете остались одни. А вдали клубилась туча пыли, враги угоняли в свои владения табуны и стада, захваченные в кровавом набеге.

Увидели дети пыль копытную и пустились вдогонку. Вслед за лютыми врагами бежали дети с плачем и зовом. Только дети могли так поступить. Вместо того чтобы скрыться от убийц, они пустились их догонять. Лишь бы не

оставаться одним, лишь бы уйти прочь от погромленного, проклятого места. Взявшись за руки, мальчик и девочка бежали за угоном, просили подождать, просили взять с собой. Но где было услышать их слабые голоса в гуле, ржанье и топоте, в жарком беге угона!

Долго в отчаянии бежали мальчик и девочка. Но так и не догнали. А потом упали на землю. Боялись оглянуться вокруг, боялись шевельнуться. Жутко им было. Прижались друг к дружке и не заметили, как уснули.

Недаром говорят — у сироты семь судеб. Ночь прошла благополучно. Зверь их не тронул, лесные чудовища не уволокли. А когда проснулись, было утро. Солнце светило. Птицы пели. Встали дети и снова побрели по следу угона. Собирали по пути ягоды и коренья. Шли они и шли, а на третий день остановились на горе. Смотрят, внизу на широком зеленом лугу великое пиршество идет. Сколько юрт поставлено — не счесть, сколько костров дымят — не счесть, сколько народу вокруг костров — не счесть. Девушки на качелях качаются, песни поют. Силачи на потеху народу, как беркуты, кружат, кидают друг друга наземь. То враги праздновали свою победу.

Стояли на горе мальчик и девочка, не решались подойти. Но очень уж хотелось очутиться возле костров, где так вкусно пахло жареным мясом, хлебом, диким луком.

Не выдержали дети, стали спускаться с горы. Удивились хозяева пришельцам, окружили их кучей.

— Кто вы? Откуда?

— Мы голодные, — отвечали мальчик и девочка, — дайте нам поесть.

Те догадались по их речи, кто они такие. Зашумели, загалдели. Стали спорить: убить их, недобитое вражеское семя, тотчас же или к хану вести? Пока спорили, какая-то сердобольная женщина успела сунуть детям по куску вареной конины. Их тащили к самому хану, а они не могли оторваться от еды. Повели их в высокую красную юрту, у которой стояла стража с серебряными топорами. А по становищу пронеслась тревожная весть, что неизвестно откуда появились дети киргизского племени. Что бы это значило? Все побросали свои игры и пиршества, сбежались огромной толпой к ханской юрте. А хан в тот час восседал на белой как снег кошме со своими знатными воинами. Пил кумыс, подслащенный медом, песни слушал хвалебные. Когда узнал хан, зачем к нему явились, в страшную ярость пришел: «Как вы смели тревожить меня? Разве не перебили мы племя киргизское начисто? Разве не сделал я вас владыками Энесая на вечные времена? Чего же вы сбежались, трусливые души? Посмотрите, кто перед вами! Эй, Рябая Хромая Старуха! — крикнул хан. И сказал ей, когда она

выступила из толпы: — Уведи-ка их в тайгу и сделай так, чтобы на этом кончилось племя киргизское, чтобы в помине его не было, чтобы имя его забылось вовеки. Ступай, Рябая Хромая Старуха, сделай так, как я велю...

Молча повиновалась Рябая Хромая Старуха, взяла мальчика и девочку за руки и повела их прочь. Долго шли они лесом, а потом вышли к берегу Энесая на высокую кручу. Здесь Рябая Хромая Старуха остановила детишек, поставила рядышком на краю обрыва. И перед тем как столкнуть их вниз, проговорила:

— О великая река Энесай! Если гору сбросить в твою глубину, канет гора, как камень. Если сбросить сосну столетнюю, унесет ее, как щепку. Прими же в воды свои две маленькие песчинки — двух детей человеческих. Нет им места на земле. Мне ли тебе рассказывать, Энесай? Если бы звезды стали людьми, им не хватило бы неба. Если бы рыбы стали людьми, им не хватило бы рек и морей. Мне ли тебе рассказывать, Энесай? Возьми их, унеси их. Пусть покинут они наш постылый мир в младенчестве, с чистыми душами, с совестью детской, не запятнанной злыми умыслами и злыми делами, чтобы не знать им людского страдания и самим не причинять муки другим, возьми их, возьми их, великий Энесай...

Плачут, рыдают мальчик и девочка. До речей ли им старухиных, когда вниз с обрыва страшно взглянуть. В глубине волны ярые перекатываются.

— Обнимитесь, детки, напоследок, попрощайтесь, — сказала Рябая Хромая Старуха. А сама рукава засучила, чтобы сподручней было бросать их с обрыва. И говорит:

— Ну, простите меня, детки. Значит, судьба такая. Хотя и не по своей воле совершу я сейчас это дело, — но для вашего блага.

Только сказала она эти слова, как рядом раздался голос: — Обожди, большая, мудрая женщина, не губи невинных детей.

Обернулась Рябая Хромая Старуха, глянула — диву далась, стоит перед ней олениха, матка маралья. Да такие глаза у нее большущие, смотрят с укором и грустью. А сама олениха белая, как молозиво первоматки, брюхо бурой шерсткой подбито, как у малого верблюжонка. Рога — красота одна — развесистые, будто сучья осенних деревьев. А вымя чистое да гладкое, как груди женщины-кормилицы.

— Кто ты? Почему ты говоришь человеческим языком? — спросила Рябая Хромая Старуха.

— Я мать-олениха, — отвечала ей та. — А заговорила так потому, что иначе ты не поймешь меня, не послушаешься.

— Чего ты хочешь, мать-олениха?

— Отпусти детей, большая, мудрая женщина. Прошу тебя, отдай их мне.

— Зачем они тебе?

— Люди убили двойню мою, двух оленят. Я ищу себе детей.

— Ты хочешь их выкормить?

— Да, большая, мудрая женщина.

— А ты хорошенько подумала, мать-олениха? — засмеялась Рябая Хромая Старуха. — Ведь они дети человеческие. Они вырастут и будут убивать твоих оленят.

— Когда они вырастут, они не станут убивать моих оленят, — отвечала ей matka маралья. — Я им буду матерью, а они — моими детьми. Разве станут они убивать своих братьев и сестер?

— Ох, не скажи, мать-олениха, не знаешь ты людей! — качала головой Рябая Хромая Старуха. — Не то что лесных зверей, они и друг друга не жалеют. Отдала бы я тебе сироток, чтобы ты сама узнала, что правдивы мои слова, но ведь и этих детей люди убьют у тебя. Зачем же тебе столько горя?

— Я уведу детей в далекий край, где их никто не разыщет. Пощади детишек, большая, мудрая женщина, отпусти их. Буду я им верной матерью. Вымя мое переполнилось. Плачет мое молоко по детям. Просит мое молоко детей.

— Ну что ж, коли так, — промолвила Рябая Хромая Старуха, подумав, — бери да уводи их быстрее. Уводи сирот в свой далекий край. Но если погибнут они в пути дальнем, если убьют их разбойники встречные, если черной неблагодарностью оплатят тебе твои дети людские, — пеняй на себя.

Благодарила мать-олениха Рябую Хромую Старуху. А мальчику и девочке сказала:

— Теперь я ваша мать, вы мои дети. Поведу я вас в далекий край, где лежит среди снежных гор лесистых горячее море — Иссык-Куль.

Обрадовались мальчик и девочка, резво побежали за Рогатой матерью-оленихой. Но потом они устали, ослабли, а путь далекий — из одного края света в другой. Не ушли бы они далеко, если бы Рогатая мать-олениха не кормила их молоком своим, не согревала телом своим по ночам. Долго шли они. Все дальше оставалась позади старая родина Эне-сай, но и до новой родины, до Иссык-Куля, еще было очень далеко. Лето и зиму, весну, лето и осень, еще лето и зиму, еще весну, еще лето и осень пробирались они сквозь дремучие леса, по знойным степям, по зыбучим пескам, через высокие горы и бурные реки. Гнались за ними стаи волков, но Рогатая мать-олениха, посадив детей на себя, уносила их от лютых зверей. Гнались за ними на конях охотники со стре-

лами, крича: «Олениха похитила детей человеческих! Держи! Лови!» — и стрелы пускали вдогонку; и от них, от незваных спасателей, уносила детей Рогатая мать-олениха. Бежала она быстрее стрелы, только шептала: «Крепче держитесь, дети мои, — погоня!»

Привела наконец Рогатая мать-олениха детей своих на Иссык-Куль. Стояли они на горе — дивовались. Кругом снежные хребты, а посреди гор, поросших зеленым лесом, насколько глаз хватает, море плещется. Ходят белые волны по синей воде, ветры гонят их издали, угоняют вдаль. Где начало Иссык-Куля, где конец — не узнать. С одного края солнце восходит, а на другом еще ночь. Сколько гор стоит вокруг Иссык-Куля — не счесть, а за теми горами сколько еще таких же снежных гор высится — тоже не угадать.

— Это и есть ваша новая родина, — сказала Рогатая мать-олениха. — Будете жить здесь, землю пахать, рыбу ловить, скот разводить. Живите здесь с миром тысячи лет. Да продлится ваш род и умножится. Да не забудут потомки ваши речь, которую вы сюда принесли, пусть им сладко будет говорить и петь на своем языке. Живите, как должны жить люди, а я буду с вами и с детьми ваших детей во все времена.

Вот так мальчик и девочка, последние из киргизского племени, обрели себе новую родину на благословенном и вечном Иссык-Куле.

Быстро время прошло. Мальчик стал крепким мужчиной, а девочка — зрелой женщиной. И тогда поженились они, стали мужем и женой. А Рогатая мать-олениха не покинула Иссык-Куль, жила в здешних лесах.

Однажды на рассвете разбушевался вдруг Иссык-Куль, зашумел. Роды наступили у женщины, мучилась она. А мужчина испугался. Вбежал на скалу и стал громко звать:

— Где ты, Рогатая мать-олениха? Слышишь, как шумит Иссык-Куль? Твоя дочь рождает. Приходи скорей, Рогатая мать-олениха, помоги нам.

И слышался тогда издали звон переливчатый, словно караванный колокол позванивает. Все ближе и ближе доносился тот звон. Прибежала Рогатая мать-олениха. На рогах своих, подцепив за дужку, принесла она детскую колыбель — бешик. Бешик был из белой березы, а на дужке бешика серебряный колокольчик гремел. И поныне гремит тот колокольчик на бешиках иссык-кульских. Качает мать колыбель, а колокольчик серебряный позванивает, будто бежит издали Рогатая мать-олениха, спешит, колыбель березовую несет на рогах.

Как только явилась на зов Рогатая мать-олениха, так и разродилась женщина.

— Этот бешик для вашего первенца, — сказала Рогатая

мать-олениха. — И будет у вас много детей. Семеро сыновей, семеро дочерей!

Обрадовались мать и отец. Назвали первенца своего в честь Рогатой матери-оленихи — Бугубаем. Вырос Бугубай, взял красавицу из племени кипчаков, и стал умножаться род Бугу — род Рогатой матери-оленихи. Стал большим и сильный род бугинцев на Иссык-Куле. Чтили Рогатую мать-олениху бугинцы как святыню. На бугинских юртах над входом вышивался знак — рога марала, чтобы издали было видно, что юрта принадлежит роду Бугу. Когда отражали бугинцы набеги врагов, когда состязались на скачках, раздавался клич: «Бугу!» И всегда бугинцы выходили победителями. А в лесах иссык-кульских бродили тогда белые рогатые маралы, красоте которых завидовали звезды в небе. То были дети Рогатой матери-оленихи. Никто их не трогал, никто в обиду не давал. При виде марала бугинец сходил с седла, уступая дорогу. Красоту любимой девушки сравнивали с красотой белого марала.

Так было, пока не умер один очень богатый, очень знатный бугинец — у него овец было тысячи тысяч, лошадей — тысячи тысяч, а все люди вокруг в пастухах у него были. Великие поминки устроили его сыновья. Созвали они на поминки самых знаменитых людей со всех концов земли. Для гостей поставили тысячу сто юрт на берегу Иссык-Куля. Не счастье, сколько скота было зарезано, сколько кумыса выпито, сколько яств кашгарских было подано. Сыновья богача ходили важные: пусть знают люди, какие богатые и щедрые наследники остались после умершего, как они его уважают, как почитают его память. («Э-э, сын мой, худо, когда люди не умом блещут, а богатством!») А певцы, разъезжая на аргамаках, подаренных им сыновьями покойника, красуясь в подаренных собольих шапках и шелковых халатах, наперебой восхваляли и покойного и наследников:

— Где еще увидишь под солнцем такую счастливую жизнь, такие пышные поминки? — поет один.

— Со дня сотворения мира такого еще не бывало! — поет второй.

— Нигде, только у нас так почитают родителей, воздают памяти родительской честь и славу, чтут их святые имена, — поет третий.

— Эй, певцы-краснобаи, что вы тут галдите! Разве есть на свете слова, достойные этих щедрот, разве есть слова, достойные славы покойного! — поет четвертый.

И так состязались они день и ночь. («Э-э, сын мой, худо, когда певцы состязаются в славословии, из певцов они превращаются во врагов песни!») Много дней, как праздник, справлялись те знаменитые поминки. Очень хотелось кич-

ливым сыновьям богача затмить других, превзойти всех на свете, чтобы слава о них пошла по всей земле. И надумали они установить на гробнице отца рога марала, дабы все знали, что это усыпальница их славного предка из рода Рогатой матери-оленихи. («Э-э, сын мой, еще в древности люди говорили, что богатство рождает гордыню, гордыня — безрассудство».)

Захотелось сыновьям богача оказать памяти отца эту неслыханную честь, и ничто их не удержало. Сказано — сделано! Послали охотников, убили охотники марала, срубили его рога. А рога саженьи, как крылья орла на взлете. Понравились сыновьям маральи рога, по восемнадцать отростков на каждом — значит, жил восемнадцать лет. Хорош! Велели они мастерам установить рога на гробнице.

Старики возмутились:

— По какому праву убили марала? Кто посмел поднять руку на потомство Рогатой матери-оленихи?

А им отвечают наследники богача:

— Марал убит на нашей земле. И все, что ходит, ползает, летает в наших владениях, от мухи до верблюда, — это наше. Мы сами знаем, как нам поступать с тем, что наше. Убирайтесь.

Слуги отхлестали стариков плетками, посадили на коней задом наперед и погнали их с позором прочь.

С этого и пошло. Великое несчастье свалилось на потомство Рогатой матери-оленихи. Чуть ли не каждый стал охотиться в лесах на белых маралов. Каждый бугинец долгом считал установить на гробницах предков маральи рога. Дело это теперь почиталось за благо, за особое уважение к памяти умерших. А кто не умел добыть рога, того считали теперь недостойным человеком. Стали торговать маральими рогами, стали запасать их впрок. Появились такие люди из рода Рогатой матери-оленихи, что сделали своим ремеслом добычу маральих рогов и продажу их за деньги. («Э-э, сын мой, а там, где деньги, слову доброму не место, красоте не место».)

Гиблое время наступило для маралов в иссык-кульских лесах. Не было им пощады. Бежали маралы в недоступные скалы, но и там доставали их. Напускали на них своры гончих собак, чтобы выгоняли маралов на стрелков в засаде, били без промаха. Косяками губили маралов, выбивали их целыми стадами. Об заклад бились, кто достанет такие рога, на каких отростков больше.

И не стало маралов. Опустели горы. Не услышать марала ни в полночь, ни на рассвете. Не увидеть ни в лесу, ни на поляне, как он пасется, как скачет, запрокинув на спину рога, как перемахивает через пропасть, точно птица в полете. Народились люди, которые за всю свою жизнь ни ра-

зу не видели марала. Только слышали о нем сказки да видели рога на гробницах.

А что случилось с Рогатой матерью-оленихой?

Обиделась она, крепко обиделась на людей. Говорят, когда маралам совсем не стало житья от пуль и гончих собак, когда осталось маралов столько, сколько на пальцах нетрудно перечесть, поднялась Рогатая мать-олениха на самую высокую горную вершину, попрощалась с Иссык-Кулем и увела последних детей своих за великий перевал, в другой край, в другие горы.

Вот какие дела бывают на земле. Вот и сказка вся. Хочешь верь, хочешь нет.

А когда Рогатая мать-олениха уходила, сказала она, что никогда не вернется.

1. Почему именно сейчас и именно сегодня мальчику так захотелось услышать эту сказку?
2. Как меняется речь повествователя по сравнению с другими главами?
3. Какая мелодия сопровождала бы рассказ о Рогатой матери-оленихе?
4. Что общего между энесайцами и их потомками, погубившими род Рогатой матери-оленихи, а затем и вовсе забывшими о ней (как Орозкул, например)?
5. Кто, по-вашему, прав в отношении к людям: Рогатая мать-олениха или Рябая Хромая Старуха?
6. Подготовьте пересказ или выразительное чтение любимшегося отрывка.
7. Придумайте фрагмент кинофильма «Рябая Хромая Старуха отдает детей Рогатой матери-оленихе».
8. Почему это самая любимая сказка мальчика?

Главы V и VI повести «Белый пароход» прочитайте самостоятельно и ответьте на вопросы.

V

1. В чем контраст жизни природы и жизни людей?
2. Появление маралов — чудо или случайность?
3. Почему автор ведет повествование сначала от имени Орозкула, затем от имени Расторопного Момуна? В какой момент и почему происходит перемена?
4. Что приводит Расторопного Момуна к бунту?
5. Каким вы видите Расторопного Момуна, когда он рассказывает внуку о встрече с маралами?
6. Почему маралы появляются в первый раз и почему во второй?

VI

1. Почему мальчик заболевает?
2. Почему Рогатая мать-олениха вздыхает так же, как дед, «печально и горестно»?
3. Объясните сравнение: «лицо Орозкула было багровым, как воспаленное вымя».
4. Почему именно сейчас мальчик вспоминает о Кулубеке?
5. Почему мальчик молит Рогатую мать-олениху: «Пусть будут у них дети, пусть будут у них дети!»?
6. Сочините притчу — ответы на вопросы:
«Почему люди так живут? Почему одни злые, другие добрые? Почему есть счастливые и несчастливые? Почему есть такие, которых все боятся, и такие, которых никто не боится? Почему у одних есть дети, у других нет? Почему одни люди могут не выдавать жалованье другим?»

VII

<...> **н**ошатываясь, мальчик вышел вслед за Сейдахматом из дома. День в горах стоял ветреный, полублачный. Облака быстро перемещались по небу. И пока мальчик прошел веранду, погода дважды резко изменилась — от нестерпимо яркого солнечного дня до неприятной сумрачности. Мальчик почувствовал, как у него от этого заболела голова. Подгоняемый порывом ветра, в лицо ударил дым костра. Глаза защипало. «Стирают, наверно, сегодня белье», — подумал мальчик, потому что обычно костер раскладывали во дворе в день большой стирки, когда воду грели на все три дома в громадном черном котле. В одиночку этот котел и не поднимешь. Тетка Бекей и Гульджамал поднимали его вдвоем.

Мальчик любил большую стирку. Во-первых, костер на открытом очаге, — побаловаться можно с огнем, не то что в доме. Во-вторых, очень интересно развешивать выстиранное белье. Белые, синие, красные тряпки на веревке украшают двор. Мальчик любил и подкрадываться к белью, вишащему на веревке, касаться щекой влажной ткани.

В этот раз никакого белья во дворе не было. А огонь под казаном разложили сильный — пар густо валил из кипящего казана, до краев наполненного большими кусками мяса. Мясо уже уварилось: мясной дух и запах костра защекотали обоняние, вызывали во рту слюну. Тетка Бекей в новом красном платье, в новых хромовых сапогах, в цветистом полушалке, сбившемся на плечи, наклонившись над костром,

снямала поварешкой пену, а дед Момун, стоя подле нее на коленях, ворочал горячие поленья в очаге.

— Вон он, твой дед, — сказал Сейдахмат мальчику. — Пошли.

И сам только было затынул:

С рыжих, рыжих гор
Я приехал на рыжем жеребце, —

как из сарая высунулся Орозкул, бритоголовый, с топором в руке, с засученными рукавами рубашки.

— Ты где пропадаешь? — грозно окликнул он Сейдахмата. — Гость тут дрова рубит, — кивнул он на шофера, коловшего поленья, — а ты песни поешь.

— Ну, мы это в два счета, — успокоил его Сейдахмат, направляясь к шоферу. — Давай, брат, я сам.

А мальчик приблизился к деду, стоявшему на коленях подле очага. Он подошел к нему сзади.

— Ата, — сказал он.

Дед не слышал.

— Ата, — повторил мальчик и тронул деда за плечо. Старик оглянулся, и мальчик не узнал его. Дед тоже был пьян. Мальчик не мог припомнить, когда он видел деда хотя бы подвыпившим. Если и случалось такое, то разве где-нибудь на поминках иссык-кульских стариков, где водку подносят всем, даже женщинам. Но чтобы так просто — этого еще не случалось с дедом.

Старик обратился на мальчика какой-то далекий, странный, дикий взгляд. Лицо его было горячим и красным и, когда он узнал внука, еще больше покраснело. Оно залилось пылающей краской и тут же побледнело. Дед торопливо поднялся на ноги.

— Ты что, а? — глухо сказал он, прижимая к себе внука. — Ты что, а? Ты что? — И кроме этих слов, он не мог произнести ничего, словно утратил дар речи.

Его волнение передалось мальчику.

— Ты заболел, ата? — с тревогой спросил он.

— Нет-нет. Я так просто, — пробормотал дед Момун. — Ты иди, походи немного. А я тут дрова, это самое...

Он почти оттолкнул внука от себя и, будто отвернувшись от всего мира, снова повернулся лицом к очагу. Он стоял на коленях и не оглядывался, никуда не смотрел, занятый лишь собой и костром. Старик не видел, как внук его растерянно потоптался и пошел по двору, направляясь к Сейдахмату, коловшему дрова.

Мальчик не понимал, что произошло с дедом и что происходило во дворе. И лишь подойдя поближе к сараю, он обратил внимание на большую груду красного свежего мяса, наваленного кучей на шкуру, разостланную на земле во-

лосом вниз. По краям шкуры еще сочилась бледными струйками кровь. Поодаль, там, куда выбрасывали нечистоты, собака, урча, мотала требуху. Возле кучи мяса сидел на корточках, как глыба, какой-то незнакомый огромный темнолицый человек. То был Кокетай. Он и Орозкул с ножами в руках разделявали мясо. Спокойно, не торопясь, перекидывали они расчлененные мослы с мясом в разные места на растянутой шкуре.

— Удовольствие одно! А запах какой! — говорил басом черный дюжий мужик, принюхиваясь к мясу.

— Бери, бери, бросай в свою кучу, — щедро предлагал ему Орозкул. — Бог дал нам из своего стада в день твоего приезда. Такое не каждый день случается.

Орозкул при этом пыхтел, то и дело вставал, оглаживал свой тугой живот, точно он объелся чего-то; и сразу было заметно, что он уже крепко выпил. Задыхался, сипя, и вскидывал голову, чтобы передохнуть. Его мясистое, как коровье вымя, лицо лоснилось от самодовольства и сытости.

Мальчик оторопел, холодом обдало его, когда он увидел под стеной сарая рогатую маралью голову. Отсеченная голова валялась в пыли, пропитанной темными пятнами стекшей крови. Она напоминала корягу, выброшенную с дороги. Возле головы валялись четыре ноги с копытами, отрезанные в коленных суставах.

Мальчик с ужасом глядел на эту страшную картину. Он не верил своим глазам. Перед ним лежала голова Рогатой матери-оленихи. Он хотел бежать отсюда, но ноги не повиновались ему. Он стоял и смотрел на обезображенную мертвую голову белой маралицы. Той самой, что вчера еще была Рогатой матерью-оленихой, что вчера еще смотрела на него с того берега добрым и пристальным взглядом, той самой, с которой он мысленно разговаривал и которую он заклинал принести на рогах волшебную колыбель с колокольчиком. Все это вдруг превратилось в бесформенную кучу мяса, ободранную шкуру, отсеченные ноги и выброшенную вон голову.

Надо было ему уйти, а он стоял, окаменев, не соображая, как и почему все это произошло. <...>

Мальчику стало дурно. Он повернулся, уронил почку на землю и медленно побрел прочь. Он очень боялся, что упадет или что его стошнит тут же, на глазах у людей. Бледный, с холодной, липкой испариной на лбу, он проходил мимо очага, в котором ошалело горел огонь, над которым клубился горячий пар из котла и у которого, повернувшись ко всем спиной, сидел по-прежнему лицом к огню несчастный дед Момун. Мальчик не стал беспокоить деда. Ему хотелось быстрее добраться до постели и лечь, укрыться с головой. Не видеть, не слышать ничего. Забыть...

Навстречу ему попалась тетка Бекей. Нелепо разряженная, но с сине-багровыми следами Орозкуловых побоев на лице, худющая и неуместно веселая, носилась она сегодня в хлопотах «большого мяса».

— Что с тобой? — остановила она мальчика.

— У меня голова болит, — сказал он.

— Да милый ты мой, болезный, — сказала она вдруг в приступе нежности и принялась осыпать его поцелуями.

Она тоже была пьяна. От нее тоже противно разило водкой.

— Голова у него болит, — бормотала она умиленно. — Роденький ты мой! Ты, наверно, кушать хочешь?

— Нет, не хочу. Я хочу лечь.

— Ну так идем, идем, я тебя уложу. Что ж ты будешь один-одинешенек лежать. Ведь все будут у нас. И гости, и наши. И мясо уже готово. — И она потащила его с собой.

Когда они проходили снова мимо очага, из-за сарая появился Орозкул, упревший и красный, как воспаленное вымя. Он победоносно свалил возле деда Момуна вырубленные им маральи рога. Старик привстал с места.

Не глядя на него, Орозкул поднял ведро с водой и, запрокидывая его на себя, стал пить, обливаясь.

— Можешь помирать теперь, — бросил он, отрываясь от воды, и снова припал к ведру.

Мальчик слышал, как дед пролепетал:

— Спасибо, сынок, спасибо. Теперь и помирать не страшно. Как же, почет мне и уважение, стало быть...

— Я пойду домой, — сказал мальчик, чувствуя слабость в теле.

Тетка Бекей не послушалась.

— Нечего тебе там одному, — и почти насильно повела его в дом. Уложила на кровать в углу.

В доме у Орозкула все уже было готово к трапезе. Наварено, нажарено, наготовлено. Всем этим оживленно занимались бабка и Гульджамал. Бегала между домом и очагом на дворе тетка Бекей. В ожидании большого мяса баловались слегка чаем Орозкул и черный дюжий Кокетай, полулежа на цветных одеялах, с подушками под локтями. Они сразу как-то заважничали и чувствовали себя князьями. Сейдахмат наливал им чай на доньшки пиал.

А мальчик тихо лежал в углу, скованный, напряженный. Снова его знобило. Он хотел встать и уйти, но боялся, что стоит ему только слезть с кровати, как его тут же вырвет. И потому он судорожно держал в себе этот комок, застрявший в горле. Боялся шевельнуться лишний раз.

Вскоре женщины вызвали Сейдахмата во двор. И появился он затем в дверях с горой дымящегося мяса в огром-

ной эмалированной чашке. Он с трудом донес эту ношу и поставил ее перед Орозкулом и Кокетаем. Женщины внесли за ним еще разные кушанья.

Все стали рассаживаться заново, приготовили ножи и тарелки. Сейдахмат тем временем разливал водку по стаканам.

— Командиром водки буду я, — гоготал он, кивая на бутылки в углу.

Последним пришел дед Момун. Странный, слишком уж жалкий вид против обычного имел сегодня старик. Он хотел приткнуться где-нибудь сбоку, но черный дюжий Кокетай великодушно попросил его сесть рядом с ним.

— Проходите сюда, аксакал.

— Спасибо. Мы тут, мы ведь у себя, — пробовал отказать дед Момун.

— Но все же вы самый старший, — настоял Кокетай и усадил его между собой и Сейдахматом. — Выпьем, аксакал, по случаю такой удачи вашей. Вам первое слово.

Дед Момун неуверенно прокашлялся.

— За мир в этом доме, — сказал он вымученно. — А там, где мир, там и счастье, дети мои.

— Правильно, правильно! — подхватили все, опрокидывая в глотки стаканы.

— А вы что ж? Нет, так не пойдет! Желаете счастья зятю и дочери, а сами не пьете, — упрекнул Кокетай засмущавшегося деда Момуна.

— Ну разве что за счастье, я что ж, — заторопился старик.

На удивление всем, он ахнул до дна почти полный стакан водки и, оглушенный, замотал старой головой.

— Вот это да!

— Наш старик не чета другим!

— Молодец ваш старик!

Все смеялись, все были довольны, все хвалили деда. В доме стало жарко и душно. Мальчик лежал в тягостных муках, его все время мутило. Он лежал с закрытыми глазами и слышал, как опьяневшие люди чавкали, грызли, сопели, пожирая мясо Рогатой матери-оленихи, как угощали друг друга вкусными кусками, как чокались замызганными стаканами, как складывали в чашку обглоданные кости.

— Не мясо, а молодой жеребенок! — похвалил Кокетай, причмокивая губами.

— А что ж мы, дураки, что ли, жить в горах и не есть такого мяса, — говорил Орозкул.

— Верно, для чего мы здесь живем, — поддакивал Сейдахмат.

Все хвалили мясо Рогатой матери-оленихи: и бабка, и тетка Бекей, и Гульджамал, и даже дед Момун. Мальчику

тоже совали и подавали на тарелке мясо и другие кушанья. Но он отказывался, и, видя, что ему не здорovится, пьяные оставили его в покое.

Мальчик лежал, стиснув зубы. Ему казалось, что так легче будет удерживать тошноту. Но еще больше мучило его сознание собственной беспомощности, то, что не в силах было ничего поделать с этими людьми, убившими Рогатую мать-олениху. И в своем детском праведном гневе, в отчаянии мальчик придумывал разные способы отмщения, как бы он мог наказать их, заставить понять, какое страшное злодеяние совершили они. Но ничего лучшего не сумел придумать, кроме как мысленно позвать на помощь Кулубека. Да, того самого парня в солдатском бушлате, приехавшего с молодыми шоферами за сеном в ту бурную ночь. Это был единственный человек из всех, кого знал мальчик, кто мог бы одолеть Орозкула, сказать ему всю правду в глаза.

...По зову мальчика Кулубек примчался на грузовике, выскочил из кабины с автоматом наперевес:

— Где они?

— Там они!

Побежали вдвоем к дому Орозкула, рванули двери.

— Ни с места! Руки вверх! — грозно приказал с порога Кулубек, направляя автомат.

Все обалдели. Оцепенели от страха, кто где сидел. Кустики застряли у них в глотках. С мослами в жирных руках, с жирными щеками и жирными ртами, обьеvшиеся, пьяные, они не смогли даже шевельнуться.

— А ну, встань, гадина! — Кулубек приставил автомат к виску Орозкула, и тот затрясся весь, заикаясь, упал к ногам Кулубека.

— По-щади, не-не-убивай ме-ме-меня!

Но Кулубек был неумолим.

— Выходи, гадина! Конец тебе! — крепким пинком поднадал он под жирную задницу Орозкула, заставил его встать, выйти из дома.

И все, кто были, перепуганные и молчаливые, вышли во двор.

— Становись к стене! — приказал Кулубек Орозкулу. — За то, что ты убил Рогатую мать-олениху, за то, что ты вырубил ее рога, на которых она приносила люльку, — тебе смерть!

Орозкул упал в пыль. Заползал, завыл, застонал:

— Не убивайте, у меня ведь и детей нет. Один я на всем свете. Ни сына у меня, ни дочери...

И куда девалась его надменность, его спесь! Жалкий и ничтожный трус. Такого даже убивать не захотелось.

— Ладно, не будем убивать, — сказал мальчик Кулубе-

ку. — Но пусть этот человек уйдет отсюда и больше никогда не возвращается. Не нужен он здесь. Пусть уходит.

Орозкул встал, подтянул штаны и, боясь оглянуться, затрусил прочь — жирный, обрюзгший, с обвисшими галифе. Но Кулубек остановил его:

— Стой! Мы тебе скажем последнее слово. У тебя никогда не будет детей. Ты злой и негодный человек. Тебя никто здесь не любит. Тебя не любит лес, ни одно дерево, даже ни одна травинка тебя не любит. Ты фашист. Уходи — и что бы навсегда. А ну, побыстрей!

Орозкул побежал без оглядки.

— Шнель! Шнель! — хохотал ему вслед Кулубек и для страху пальнул из автомата в воздух.

Радовался мальчик и ликовал. А когда Орозкул скрылся из виду, Кулубек сказал всем другим, виновато стоявшим у дверей:

— Как же вы жили с таким человеком? И не стыдно вам?

Облегчение почувствовал мальчик. Совершился справедливый суд. И так поверил он в свою мечту, что забыл, где находится, по какому случаю пьянствовали в доме Орозкула.

...Взрыв хохота вернул его из этого блаженного состояния. Мальчик открыл глаза, прислушался. Деда Момуна в комнате не было. Вышел, наверно, куда-то. Женщины убирали посуду. Готовились подавать чай. Сейдахмат что-то громко рассказывал. Сидевшие смеялись его словам.

— Ну и что дальше?

— Рассказывай!

— Нет, слушай, ты Расскажи, ты повтори еще раз, — чуть не умирая от смеха, просил Орозкул, — как ты ему насчет этого? Как ты его напугал. Ой, не могу!

— Так вот, значит, — Сейдахмат охотно принялся повторять уже рассказанное. — Только мы стали подъезжать к маралам, а они стояли на опушке в леску, все три. Только мы привязали коней к деревьям, старик мой вдруг хватает меня за руку. «Не можем, — говорит, — мы стрелять маралов. Мы — бугинцы, дети Рогатой матери-оленихи!» А сам смотрит на меня, как ребенок. Умоляет глазами. А я — хоть стой, хоть падай — подыхаю со смеху. Но не засмеялся. А, наоборот, так это серьезно. «Ты что, — говорю, — в тюрьму хочешь угодить?» — «Нет», — говорит он. «А ты знаешь, что байские сказки эти, придуманные в темные байские времена, чтобы, значит, запугивать бедняцкий народ!» А он тогда и рот раскрыл: «Да что ты?» — говорит. «Вот то-то, — говорю, — ты эти разговорчики оставь, а не то не посмотрю, что старик, напишу на тебя куда следует».

— Ха-ха-ха! — рассмеялись дружно сидевшие.

И больше всех Орозкул. Уж он-то хохотал в усладу.

— Ну, а потом подкрадываемся мы. Другой бы зверь давно сиганул бы, и след простыл, а эти полоумные маралы не бегут, вроде бы и не боятся нас. Ну, тем лучше, думаю, — прихвастывая, рассказывал пьяный Сейдахмат. — Я впереди с ружьем. Старик позади. И тут на меня сомнение напало. В жизни я еще воробья не подстреливал. А тут такое дело. Не попаду — рванут по лесу, и ищи их. Попробуй угонись за ними. Уйдут за перевал. Кому это нужно, такую дичь упускать? А старик у нас охотник, медведя валил в свое время. Я ему и говорю: «Вот тебе ружье, старик, стреляй». А он ни в какую! «Сам, — говорит, — стреляй». А я ему: «Да я же пьяный», — говорю. И сам шатаюсь, вроде на ногах не стою. А он видел, когда мы вывезли бревно из реки, с вами же вместе бутылочку распили. Вот я и прикинулся.

— Ха-ха-ха!..

— «Я не попаду, — говорю, — уйдут маралы, второй раз не вернуться. А нам с пустыми руками не стоит возвращаться. Сам знаешь. А то смотри. Зачем нас сюда послали?» Молчит. Ружье не берет. «Ну, — говорю, — как хочешь». Бросил я ружье и вроде бы ухожу. Он за мной. «Мне, — я говорю, — все равно, выгонит меня Орозкул, пойду в совхоз работать. А ты куда на старости?» Молчит. И я так это, потихоньку, для картины, значит:

С рыжих, рыжих гор

Я приехал на рыжем жеребце.

Эй, рыжий купец, открывай двери!..

— Ха-ха-ха!..

— Поверил, что я и впрямь пьян. Пошел за ружьем. Я тоже вернулся. Пока мы пререкались, маралы наши ушли чуть подальше. «Ну, — говорю, — смотри, уйдут, не догонишь. Стреляй, пока они непуганы». Взял старик ружье. Стали подкрадываться. А он все шепчет, как полоумный: «Прости меня, Рогатая мать-олениха, прости...» А я ему свое: «Смотри, — говорю, — промажешь — убегай вместе с маралами куда глаза глядят, лучше не возвращайся».

— Ха-ха-ха!..

В пьяном чаду и хохоте мальчику становилось все жарче и душнее, голова раскалывалась от разбухающей, не умеющей в голове боли. Ему казалось, что кто-то пинал ногами его голову, что кто-то рубил его голову топором. Ему казалось, что кто-то метит топором в его глаза, и он мотал головой, старался увернуться. Изнемогая от жара, он вдруг очутился в холодной-холодной реке. Он превратился в рыбу. Хвост, туловище, плавники — все рыбе, только голова

оставалась своей, и к тому же болела. Он поплыл в приглушенной, темной подводной прохладе и думал о том, что теперь навсегда останется рыбой и никогда не вернется в горы. «Не вернусь, — говорил он сам себе. — Лучше быть рыбой, лучше быть рыбой...»

И никто не заметил, как мальчик слез с кровати и вышел из дома. Он едва успел зайти за угол, как его начало рвать. Хватаясь за стену, мальчик стонал, плакал и сквозь слезы, задыхаясь от рыданий, бормотал:

— Нет, я лучше буду рыбой. Я уплыву отсюда. Я лучше буду рыбой.

А в доме Орозкула за окнами гоготали и выкрикивали пьяные голоса. Этот дикий хохот оглушал мальчика, причинял ему нестерпимую боль и муки. Ему казалось, что дурно ему оттого, что он слышит этот чудовищный хохот. Отдышавшись, он пошел ко двору. Во дворе было пусто. Возле угасшего очага мальчик наткнулся на смертельно пьяного деда Момуна. Старик лежал здесь в пыли рядом с вырубленными рогами Рогатой матери-оленихи. Обрубок маральей головы грызла собака. Больше никого не было.

Мальчик наклонился над дедом, потряс его за плечо.

— Ата, пойдём домой, — сказал он. — Пойдём.

Старик не отвечал, он ничего не слышал, он не мог поднять головы. Да и что ему было отвечать, что сказать?

— Ну вставай, ата, пойдём домой, — просил мальчик.

Кто его знает, понимал ли он умом своим детским или же невдомек было ему, что старый Момун лежал здесь в расплату за сказку свою о Рогатой матери-оленихе, что не по своей воле посягнул он на то, уважение к чему сам внушал ему всю жизнь, — на память предков, на совесть и заветы свои, что пошел он на это дело ради злосчастной своей дочери, ради него же, внука...

И теперь, сраженный горем и позором, старик лежал, как убитый, лицом вниз, не отзываясь на голос мальчика.

Мальчик присел возле деда, пытаясь расшевелить его.

— Ата, ну подними голову, — просил он. Мальчик был бледен, движения его были слабы, руки и губы дрожали. — Ата, это я. Ты слышишь? — говорил он. — Мне очень плохо, — заплакал он. — У меня голова болит, очень болит.

Старик застонал, шевельнулся, но не смог прийти в себя.

— Ата, а Кулубек приедет? — спросил вдруг мальчик сквозь слезы. — Скажи, Кулубек приедет? — тормошил он его.

Он заставил деда перевалиться на бок и вздрогнул, когда к нему повернулось лицо пьяного старика, запятнанное грязью и пылью, с жалкой свалывшейся бороденкой, и почудилась мальчику в ту минуту голова белой маралицы, из-

рубленной давеча топором Орозкула. Мальчик отпрянул в страхе и, отступая от деда, проговорил:

— Я сделаюсь рыбой. Ты слышишь, ата, я уплыву. А когда придет Кулубек, скажи ему, что я сделался рыбой. Старик ничего не отвечал.

Мальчик побрел дальше. Спустился к реке. И ступил прямо в воду.

Никто еще не знал, что мальчик уплыл рыбой по реке. На дворе раздавалась пьяная песня:

С горбатых, горбатых гор
Я приехал на горбатом верблюде.
Эй, горбатый купец, открывай двери,
Будем пить горькое вино!..

Ты уплыл. Не дождался ты Кулубека. Как жаль, что не дождался ты Кулубека. Почему ты не побегал на дорогу? Если бы ты долго бежал по дороге, ты непременно встретил бы его. Ты бы узнал его машину издали. И стоило бы тебе поднять руку, как он тотчас бы остановился.

— Ты куда? — спросил бы Кулубек.

— Я к тебе! — ответил бы ты.

И он взял бы тебя в кабину. И вы поехали бы. Ты и Кулубек. А впереди по дороге скакала бы никому не видимая Рогатая мать-олениха. Но ты бы видел ее.

Но ты уплыл. Знал ли ты, что никогда не превратишься в рыбу? Что не доплывешь до Иссык-Куля, не увидишь белый пароход и не скажешь ему: «Здравствуй, белый пароход, это я!»

Одно лишь могу сказать теперь — ты отверг то, с чем не мирилась твоя детская душа. И в этом мое утешение. Ты прожил, как молния, однажды сверкнувшая и угасшая. А молнии высекаются небом. А небо вечное. И в этом мое утешение.

И в том еще, что детская совесть в человеке — как зародыш в зерне, без зародыша зерно не прорастает. И что бы ни ждало нас на свете, правда пребудет вовеки, пока рождаются и умирают люди.

Прощаясь с тобой, я повторяю твои слова, мальчик: «Здравствуй, белый пароход, это я!»

Вопросы для размышления

1. Уход мальчика — это отчаяние или бунт?
2. Составьте план киносценария «Перед охотой». Измените точку зрения вслед за автором.
3. Почему мальчик зовет как спасение Кулубека?
4. Почему мальчик решает не убивать Орозкула, а выгнать?
5. Кто виноват в смерти мальчика?
6. Почему автор в финале создает слово-обращение к мальчику? Как это преобразует героя?
7. Как, по-вашему, нужно читать финал повести?
8. Придумайте названия к главам повести.

Макулатурные листы

_____

_____

_____

_____

_____

Творческие задания

«Неужто в хождении по земле на двух ногах столько величия, что порода, именуемая человеком, вправе присвоить себе власть над всеми существами, гуляющими на четвереньках, и притом более прочно и устойчиво, чем она? Но я знаю: люди мнят, будто они всемогущи, только из-за того, что у них в голове якобы заключено нечто, называемое Разумом».

Но вот поэзия природы — это то, что неподвластно разуму. Это чувствуют некоторые люди, а общаясь с ними, и некоторые коты.

IV раздел

Поэзия природы

Есенин

Превьер

«О природа, святая, великая природа! Каким блаженством и восторгом переполняешь ты взволнованную грудь мою, как овеивает меня таинственный шелест твоего дыхания!.. Ночь несколько свежа, и я хотел бы... Впрочем, ни тем, кто прочитает, ни тем, кто не прочитает эти строки, не понять моего высокого вдохновения, ибо никому неизвестно, как высоко я воспарил!.. Вскарabкался, было бы вернее сказать, но ни один поэт не станет упоминать о своих ногах, будь их у него даже целых четыре, как у меня, все твердят лишь о крыльях, даже если они не выросли у них за спиной, а приделаны искусным механиком. Надо мной распростерся необъятный свод звездного неба, полная луна бросает на землю яркие лучи, и, залитые искрящимся серебряным сиянием, вздымаются вокруг меня крыши и башни! Постепенно умолкает шумная суэта на улицах внизу, все тише и тише становится ночь, плывут облака, одинокая голубка порхает вокруг колокольни и, робко воркуя, изливает свою любовную жалобу... Что, если бы милая крошка приблизилась ко мне? В груди у меня шевелится дивное чувство, какой-то сладострастный аппетит с непобедимой силой влечет меня вперед, к ней! О, если бы прелестное создание спустилось ко мне, я прижал бы его к своему истосковавшемуся по любви сердцу и уж, конечно, ни за что бы не выпустил. Но ах! — вот она впорхнула в голубятню, неверная, и оставила меня на крыше, одинокого, в тоске и безнадежности! Как редко, однако, встречается истинное родство душ в наш убогий, косный, себялюбивый век!»

Сергей Александрович Есенин

У каждого поэта есть свои любимые, переживаемые с особой трепетностью темы, которые литературоведы определяют как *сквозные*. Одной из сквозных тем лирики Сергея Александровича Есенина (1895—1925) является тема Родины. Вы уже знакомы с некоторыми стихотворениями С. Есенина: «Отговорила роща золотая...», «Письмо к матери» и другими.

Для Есенина Родина — это прежде всего русская природа. Самые любимые образы поэта — «зеленокошая» березка, «старый» клен. В есенинской лирике «поет зима, аукает», «дубровы кличут ветками к реке», «пляшет дым болотный», ветер скачет, как «рыжий ласковый осленок».

Природа Есенина играет всеми красками: «равнинная синь»,

«осеннее золото лип», «красный вечер». Поэзия С. Есенина вобрала в себя все оттенки прозрачных и насыщенных, спокойных, окутанных дымкой и полыхающих цветов. Стихи Есенина наполнены особым ароматом «малиновой лебеды», и к духовитости природы, которая освежает «вербой и смолою», примешиваются ароматы русской деревеньки, где пахнет «рыхлыми драченами» и «парным молоком».

Природа для поэта живая, трепетная, страдающая и радующая, потому что у самого поэта то «васильками сердце светится», то душа охвачена «тоской журавлиною».

Мы предлагаем вам познакомиться с новыми для вас произведениями С. Есенина, где природа воспринимается с разным настроением, где тема Родины звучит по-разному. Вам помогут вопросы.

1. Какие чувства охватывают вас, когда вы читаете стихотворение, и какие чувства испытывает поэт?
2. Опишите пейзаж, который возникает в вашем воображении при чтении стихотворения. Какие краски преобладают в этом пейзаже?
3. Составьте красочную палитру стихотворения. Почему последний цвет розовый?
4. Почему поэт называет счастье *глупым*?

* * *

Вот оно, глупое счастье
С белыми окнами в сад!
По пруду лебедем красным
Плавает тихий закат.

Здравствуй, золотое затишье,
С тенью березы в воде!
Галочья стая на крыше
Служит вечерню звезде.

Где-то за садом несмело,
Там, где калина цветет,
Нежная девушка в белом
Нежную песню поет.

Стелется синею рясой
С поля ночной холодок...
Глупое, милое счастье,
Свежая розовость щек!

Если вы будете внимательно вслушиваться в стихи С. Есенина, то услышите «кричащую тишину» и «гулкий звон». Звон колоколов издревле связан на Руси с образом

Родины, колокол сзывал на праздник и на смертную сечу. Звон церковных колоколов для русского человека — это прежде всего призыв к молитве, это духовная поддержка, напоминание о мире горнем и о том, что с человеком Господь Бог. Колокольный звон бывает разный — есть перезвон и трезвон, празднично, радостно, ликующе звучащий благовест и погребальный перебор, когда после нарастающего звучания одиноких звонов раздаётся последний удар во все колокола и наступает звенящая тишина, внезапная и щемящая, такая же, как прощание с жизнью.

Стихотворение С. Есенина «Троицыно утро, утренний канон...» откроет вам новые грани есенинской поэзии: это стихотворение, в котором природа и духовная жизнь народа нерасторжимы.

Мы предлагаем вам прочитать и проанализировать стихотворение Есенина «Троицыно утро, утренний канон...» и сравнить созданный в нем образ природы с образом на картине Михаила Нестерова «Великий постриг» (эту картину вы легко найдете в Интернете).

Вопросы для размышления

1. С каким чувством вы прочитаете это стихотворение вслух? Какие эмоции, чувства прозвучат в вашем голосе?
2. Каким вам представляется герой этого стихотворения?
3. Какими звуками наполняет стихотворение С. Есенин? Одинаково ли звучит «белый перезвон» в начале и конце стихотворения?
4. Какое музыкальное произведение созвучно стихотворению С. Есенина?
5. Почему автор просит птиц вместе с ним проститься с его молодостью?
6. Сравните краски природы в стихотворении и на картине. В чем различие, а в чем пересечение палитр поэта и художника?
7. В стихах или на картине настроение людей более созвучно настроению природы?
8. Звуки картины или стихотворения ближе к колокольному перезвону?
9. Как звучит тема Родины для поэта и художника?

* * *

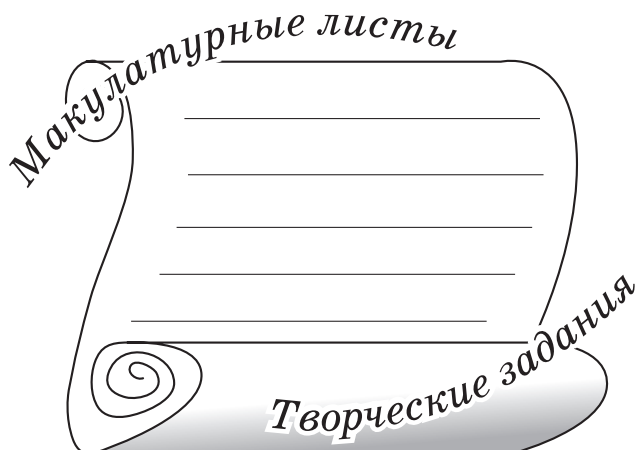
Троицыно утро, утренний канон,
В роще по березкам белый перезвон.

Тянется деревня с праздничного сна,
В благовесте ветра хмельная весна.

На резных окошках ленты и кусты.
Я пойду к обедне плакать на цветы.

Пойте в чаще, птахи, я вам подпою,
Похороним вместе молодость мою.

Троицыно утро, утренний канон,
В роще по березкам белый перезвон.

Литературное творчество

Лирический пейзаж

Вспомните эпизоды своей жизни, когда вам доводилось разговаривать с природой, слушать ее звуки, наблюдать движение красок. По композиции предлагаемое вам сочинение свободное, вы также свободны и в избрании темы, и в развитии сюжета. Это — эссе. Задача ваша состоит в том, чтобы максимально полно и точно передать свои мысли, чувства, мечты, которые приходят к вам во время разговора с природой, и даже свои ощущения.

Мы предлагаем вам следующие темы:

Затишье.
Дождь.
Закат.
Пение птиц.
Ваша тема.

Почитайте сочинение вашей сверстницы, оно дано вам как пример, и принимайтесь за работу!

Дождь

Дождь, этот дождь без грома, без грозы. Просто тихий стук капли воды о камень, ветвь дерева. Ее звук при падении в воду, на уже мокрую траву. Эти музыкальные звуки, эта песнь слышны везде. Ее тихие, печальные ноты трогают любого человека. Во время дождя в природе наступает затишье. Все живое остановилось и заслушалось этой новой, не бурной и суетливой, а спокойной музыкой дождя. Каждый дождь — это перемена в природе. Из ясной и веселой жизни она переходит к задумчивой и прозрачной. Дождь похож на скромную и тихую душу невинного человека, которого забыли. Его душа плачет над миром, невинные слезы всегда находят отклик у живого мира. Даже небо, которое всегда чисто, темнеет и грустит над его печалью. Весь мир затихает и слушает песнь дождя. Все живое, что может чувствовать печаль и жалость, задумывается над тихим стуком слез невинности. Дождь заставляет людей раскаяться в плохих поступках, вспомнить прошлое, подумать о своей жизни. Таким бывает только летний дождь. Я всегда с нетерпением жду его внезапного появления, которое останавливает любой несправедливый миг или злой замысел человека. Лишь природа всегда и полностью понимает дождь и внимает его песне.

Алиса Я.

Жак Превер

Стихи французского поэта Ж. Превера (1900—1977) очень популярны в нашей стране.

Статья замечательного поэта Михаила Яснова, одного из лучших переводчиков Ж. Превера, о стихах французского поэта начинается так:

«Жака Превера называли по-разному. Одни говорили: „Рабочий слов“, другие добавляли: „Садовник слов“. Третьи замечали: „Алхимик слов“. Четвертые утверждали: „Возлюбленный слов“».

Прочитайте несколько стихотворений Ж. Превера. Может быть, они объяснят загадочные отзвuky о поэте. Подготовьте выразительное чтение любого из стихотворений.

Наплевать вам на тех

Впустите скорее собаку, покрытую грязью,
Наплевать вам на тех, кто не любит собак
и гнушается грязи,
Впустите, впустите собаку, которая вся,
от хвоста до загривка, заляпана грязью,
Наплевать вам на тех, кто гнушается грязи,
Кто не знает собак,
Не понимает собак
И не ведает грязи,
Впустите собаку,
Дайте ей отряхнуться от грязи,
Собаку можно отмыть,
Грязь можно отмыть,
Воду тоже можно отмыть,
Но никак не отмоешь того,
Кто твердит, что он любит собак
При одном лишь условии, что...
Нет, собака, покрытая грязью, чиста,
Грязь тоже чиста
И даже вода
Иногда бывает чиста.
А те, кто твердит:
«При одном лишь условии, что...» —
Не бывают чисты
Никогда.

Перевод М. Ваксмахера

Вопросы для размышления

1. Опишите собаку — героиню стихотворения. Вы бы впустили такую в дом?
2. Каковы ритм и настроение стихотворения?
3. Почему в стихотворении много повторов?
4. Как поэт относится к тем, «кто твердит, что он любит собак / При одном лишь условии, что...»? Какое это условие?
5. Почему в финале речь поэта обрывается, нарушая все грамматические нормы?

* * *

Ветви и листья
вокруг стеблей и стволов
это лопасти корабельных винтов
которые землю уносят по волнам небес
Вращается это гигантское древо
не останавливаясь ни на миг

И судно земля
плывет сквозь века
и видно как за кормою
над бурлящей струею
стаи летучих рыб сбиваются в косяки
плавают в жидком воздухе
и ныряют под облака
Ночью светит луна подобно огню маяка
а солнце это
светофор с тремястами шестьюдесятью пятью цветами
чтобы каждый день был особого цвета

Перевод М. Яснова

Это стихотворение без названия. Прочитайте его и подумайте над вопросами.

Вопросы для размышления

1. Как можно назвать стихотворение? Какое настроение, желание, мечту рождает в вас оно?
2. Кто главный герой стихотворения? Как вы об этом догадались?
3. Почему в описании героя объединены живая природа и механическая конструкция?
4. В каком времени и в каком пространстве пролегает путь героя?
5. Как вы понимаете образ заключительных строк стихотворения?
6. Что позволяет Ж. Превьеру обходиться без знаков препинания?

Прочитайте следующее стихотворение Ж. Превьера «Стучат» в переводе М. Яснова.

Стучат

Кто там Кто
Никого
Это сердце мое так грохочет
    Так бьется
Тишину заглушая
Сердце ждет тебя ждет не дождется
Но недвижимая ручка дверная
    Ручка мертвая
    Ручка стальная
И мизинцем не шелохнет.

1. Опишите поэта, прислушивающегося к дверному стуку. Почему в названии нет указания, кто стучит?
2. Найдите самую короткую строчку. На что поэт обращает наше внимание?
3. Найдите слово, которое повторяется чаще других. Почему это происходит?
4. Как ритм стихотворения передает ритм биения сердца поэта?
5. Почему неодушевленный предмет *ручка* названа *мертвой*? Как называется это средство художественной выразительности? В каких еще стихах Ж. Превера оно употребляется?

Прочитайте стихотворение Ж. Превера «Ящерица» в переводе М. Яснова. Объясните смысл названия стихотворения. Над кем или над чем иронизирует поэт?

Ящерица

Ящерица любви
Опять ускользнула опять
Только хвост в руке у меня остался
Вот и прекрасно
За ним-то я и гонялся.

Прочитайте стихотворение «Для тебя, возлюбленная» в оригинале и в переводе. Сделайте собственный подстрочный перевод.

Мой современный просвещенный читатель, конечно же, без труда сделает этот перевод. Ведь сегодня, как никогда, стало всем понятно (даже котам), что наш мир такой маленький, такой тесный, что выжить в нем можно, только общаясь и узнавая других, а в них — самих себя.

Pour toi mon amour

Je suis allé au marché aux oiseaux
Et j'ai acheté des oiseaux
Pour toi
Mon amour

Je suis allé au marché aux fleurs
Et j'ai acheté des fleurs
Pour toi
Mon amour
Je suis allé au marché à la ferraille
Et j'ai acheté des chaînes
De lourdes chaînes
Pour toi
Mon amour
Et puis je suis allé au marché aux esclaves
Et je t'ai cherchée
Mais je ne t'ai pas trouvée
Mon amour

Вопросы для размышления

1. Что поразило вас в этом стихотворении о любви?
2. Сравните перевод и подстрочник. В чем нарушен порядок слов в длинных строчках? Что по этой причине теряется в русском переводе?
3. Выражение *mon amour* переводится по-разному. Почему переводчик выбрал слово *возлюбленная*?
4. С каким чувством произносит герой последние строки стихотворения?

Для тебя, возлюбленная

В птичий ряд я на рынке пошел
И птиц накупил
Для тебя,
Возлюбленная.
Я в цветочный ряд на рынке пошел
И цветов накупил
Для тебя,
Возлюбленная.
Я в железный ряд на рынке пошел
И цепей накупил,
Тяжелых цепей,
Для тебя,
Возлюбленная.
А потом на невольничий рынок пошел
И тебя там искал,
Но тебя не нашел,
Возлюбленная.

Перевод Л. Цывьян

Прочитайте стихотворение «Однажды выйдя из школы...» и подумайте над вопросами.

Вопросы для размышления

1. Почему железная дорога названа «живой»? Куда она ведет?
2. Почему герой в конце стихотворения оставляет ее и отправляется дальше пешком?

Однажды выйдя из школы...

Однажды выйдя из школы
мы встретили у порога
живую настоящую
железную дорогу
Железная дорога
в дорогу нас приглашала
в вагоне золоченом
вокруг земного шара
Встретились мы сначала
с морем разгоряченным,
гуляющим под ветрами,
с его морскими дарами —
душистыми островами,
роскошными штормами
и окунем копченым.
Над морем мы встретили звезды,
летающие под парусами
в Страну восходящего солнца.
Мы встретили трех мушкетеров
на маленькой лодке подводной,
плывущей в пучине холодной
за морскими ежами.
Возвратившись на сушу
по нашей железной дороге,
мы встретили по дороге
дом со всех ног бегущий
дом над землей бегущий
и над простором морским
от зимы, его стерегущей
и готовой расправиться с ним.
Но мы по нашей дороге
за зимой припустили
зиму остановили
и дальше ее не пустили!..
А дом застыл у дороги

со стрелочницей на пороге
Большое спасибо! — сказала она,
Это была весна.

И все цветы на земном просторе
навстречу солнцу раскрылись вскоре
и без разбора у нас на пути
принялись цвести.

Наша дорога их смять побоялась,
наша дорога на месте осталась.
Тогда мы потопали дальше ногами;
пешком по земле, пешком над землей,
пешком по морю и над водой,
к солнцу, к звездам, над облаками,
пешком, лошадьми, поездами
и кораблями под парусами!

Перевод М. Яснова

Макулатурные листы

_____

_____

_____

_____

_____

Творческие задания

«Ежели кто и дерзнет подвергнуть сомнению высокие достоинства этой замечательной книги, то пусть не забывает, что ему придется иметь дело с умным котом, у которого есть в запасе острый язык и не менее острые когти».

Послесловие кота Мурра

О, все прочитанное привело меня к раздумьям, друзья. К грустным и счастливым раздумьям. Ответили ли мы на вопрос:

В ЧЕМ СМЫСЛ ЖИЗНИ?

И да, и нет. И мы открыли новый путь, новый!

«Поистине я вправе назвать это сочинение прекрасным и мудрым: разве, покамест я читал его, не открылось мне со всей ясностью таинство моего бытия, моего предназначения на этой планете?.. я чувствую на челе своем жгучий, опаляющий луч длиннохвостой кометы, — нет, я сам — хвостатое светило... И все же, хотя мой длиннохвостый светозарный дух излучает божественность моей природы, разве не разделяю я жребия всех смертных?.. Не убеждался ли я неоднократно, что я одинок, будто живу в безлюдной пустыне, ибо принадлежу веку не нынешнему, а грядущему, веку высшей образованности, и нет ни одной души, способной восхищаться мною, как я того заслуживаю. А мне доставляет такую неизъяснимую радость, когда мною восхищаются пусть даже простые, невежественные молодые коты!»

От авторов и издателей

Конечно же, вы, дорогие читатели, с должной иронией отнеслись к словам кота Мурра. Простим ему некоторое бахвальство и самолюбование. Ведь и мы сами иногда этим грешим.

Но о дальнейшем пути. «Герой и время», мои юные друзья, — вот теперь наш маршрут. Но прокладывать его будем в следующем, восьмом классе. Ах, как мы зависимы от времени, в котором живем, от семьи, от друзей, от истории. В самом деле, ведь Ася, Ромео и Джульетта, Марютка и Говоруха-Отрок — все они могли бы быть счастливы при других обстоятельствах, в другое время! А чудики Шукшина!

Да, мы зависимы.
Или свободны?

Содержание

ВВЕДЕНИЕ	3
От соавторов и издателей	6
КАКИЕ КНИГИ НУЖНЫ?	7
В. Высоцкий	7
Баллада о борьбе	7
Английские народные баллады	10
Робин Гуд спасает троих стрелков	11
В. Высоцкий. Баллада о вольных стрелках	12
<i>Литературное творчество . . . . .</i>	14
<i>Традиции баллады . . . . .</i>	14
Раздел I. Войны и воины.	15
Троянская война и ее герои	16
Гомер. Илиада (<i>Фрагменты</i>)	16
<i>Литературное творчество . . . . .</i>	26
<i>Стилизация . . . . .</i>	26
П. Мериме. «Взятие редута»	29
А. Платонов. «Маленький солдат»	30
<i>Литературное творчество . . . . .</i>	31
<i>Киносценарий . . . . .</i>	31
Фильм «Иваново детство» режиссера А. Тарковского	32
Б. Лавренёв. «Сорок первый»	33
А. А. Ахматова. «Когда в тоске самоубийства...»	34
<i>Литературное творчество . . . . .</i>	37
<i>Киносценарий . . . . .</i>	37
Раздел II. Если это не любовь, то что же?	39
И. С. Тургенев	40
Лорелея	41
Ася	46
<i>Литературное творчество . . . . .</i>	66
<i>Музыка и лирика . . . . .</i>	66
А. С. Пушкин. «Я здесь, Инезилья...»	67
Романс М. И. Глинки «Я здесь, Инезилья...»	67
Фильм Ф. Дзеффирелли «Ромео и Джульетта»	68
<i>Литературное творчество . . . . .</i>	69
<i>Рецензия. Сравнение двух поединков: дуэли Меркуцио и Тибальта и поединка Тибальта и Ромео . . . . .</i>	69
В. Шекспир и Ф. Петрарка	70
В. Шекспир. Сонет CXVI	72

Ф. Петрарка. Сонет CCLXXIX	73
Ф. Петрарка. Сонет CLXII	74
В. Шекспир. «Укрощение строптивой»	76
А. С. Пушкин. Барышня-крестьянка (<i>Фрагменты</i>)	78
В. В. Маяковский	85
Люблю	86
Герои Н. В. Гоголя, А. П. Чехова, М. М. Зощенко	
Сравнение рассказа М. М. Зощенко «Свадебное происшествие» и водевиля А. П. Чехова «Свадьба»	89
М. Зощенко. Свадебное происшествие	89
Завитушкин и Пирогов	93
Н. В. Гоголь.	93
Невский проспект (<i>Фрагмент</i>)	94
<i>Литературное творчество</i>	95
<i>Сочинение-рассуждение</i>	95

Раздел III. « Не хочется думать в ногу и по приказу мечтать...» (Ж. Превер) 97

И. С. Тургенев	98
Певцы (<i>в сокращении</i>)	98
<i>Литературное творчество</i>	109
<i>Отзыв</i>	109
В. М. Шукшин	111
Микроскоп	112
Ч. Айтматов. «Детство — ядро будущей человеческой личности...»	121
Белый пароход (<i>Фрагменты</i>)	124

Раздел IV. Поэзия природы 145

С. Есенин	146
«Вот оно, глупое счастье...»	147
«Троицыно утро, утренний канон...»	148
<i>Литературное творчество</i>	149
<i>Лирический пейзаж</i>	149
Ж. Превер	150
«Наплевать вам на тех»	151
«Ветви и листья...»	151
Стучат	152
Ящерица	153
Pour toi mon amour	153
Для тебя, возлюбленная	154
«Однажды выйдя из школы...»	155

ПОСЛЕСЛОВИЕ КОТА МУРРА	157
От авторов и издателей	157

Учебное издание

Серия «Академический школьный учебник»

Читатель и время
Рабочая книга по литературе
7 класс

Авторы - составители
Маранцман Владимир Георгиевич
Маранцман Елена Константиновна
Никифорова Светлана Алексеевна и др.

Зав. редакцией *В. П. Журавлев*
Редактор *Л. Б. Миронова*
Художественный редактор *А. П. Присекина*
Художники *О. П. Богомолова, О. Г. Иванова*
Технический редактор *С. Н. Терехова*
Корректоры *Н. В. Бурдина, Л. С. Вайтман,*
И. А. Григалашвили, И. В. Чернова

Налоговая льгота — Общероссийский классификатор продукции ОК 005-93—953000. Изд. лиц. Серия ИД № 05824 от 12.09.01. Подписано в печать 07.10.13. Формат 60×90¹/₁₆. Гарнитура ShoolBook. Уч.-изд. л. 9,5.

Открытое акционерное общество «Издательство «Просвещение». 127521, Москва, 3-й проезд Марьиной рощи, 41.